

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»
Учреждение Российской академии образования
«Уральское отделение»
Академия профессионального образования

М. В. Сумачева

**ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

Екатеринбург
2009

УДК 31
ББК С75 + Т3(235.55) – 01
С 89

Сумачева М. В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. [Текст]: моногр. / М. В. Сумачева. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. 257 с.
ISBN 978-5-8050-0362-3

Монография посвящена изучению комплекса этнических процессов, протекавших в Уральском регионе во второй половине XX в. Рассматривается динамика этнического состава населения, этнодемографические и этномиграционные процессы, оказывавшие существенное влияние на изменение пропорционального состава основных этносов Уральского региона.

Книга адресована работникам государственной муниципальной службы, преподавателям и студентам вузов.

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Г. Е. Корнилов (ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»); канд. ист. наук, доц. Н. Г. Суровцева (ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

Монография подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнодемографические и этномиграционные процессы на Урале во второй половине XX в.» (проект № 0701–83103 а/У).

ISBN 978-5-8050-0362-3

© ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009

© Сумачева М. В., 2009

*Посвящается моему отцу
Владимиру Александровичу Сурину –
талантливому ученому
и замечательному человеку*

Введение

Развитие этнических процессов – одна из наиболее актуальных тем исследований этнографов, этнодемографов и историков, изучающих данные процессы как в масштабе всей страны, так и в территориальных рамках регионов. Сегодня российская этнодемография переходит от глобальных масштабов к региональным, причем этнодемографические исследования наиболее активно проводятся в регионах с многонациональным составом населения. К таким регионам относится и Урал, на территории которого проживает седьмая часть населения Российской Федерации, принадлежащего к разным этносам.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью анализа структуры населения, который показывает, что даже в таком монолитном этническом массиве, как промышленный Урал, наличие коренных или пришлых этносов и этнических групп создает межэтническую среду и потенциально – источник конфликтных ситуаций. Игнорирование национальных проблем на протяжении многих десятилетий, административное сдерживание развития национальных языков и культур привели к тому, что у многих народов появилась тяга к возрождению национального самосознания через создание экономического и политического суверенитета. Не случайно центры изучения этнодемографических процессов на Урале сконцентрированы в национально-территориальных образованиях – республиках Башкортостан и Удмуртия.

В последние годы в связи с ослаблением сепаратистских тенденций возникла необходимость создания единой картины развития этнических процессов в Уральском регионе в целом. Появившиеся недавно исследования сотрудников Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (в основном в виде статей и небольшого по объему учебного пособия) являются первыми шагами в этом направлении.

Предметом настоящего исследования являются этнодемографические и этномиграционные процессы, происходившие на территории Уральского региона под влиянием национальной политики государства, особенностей его социально-экономического и политического развития. В качестве объекта исследования выступают этнические группы Уральского региона.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1959 по 2002 г. В 1959 г. состоялась первая послевоенная Всесоюзная перепись населения, отразившая изменения в национальном составе населения Урала и в пропорциях основных этносов. В качестве завершающего рубежа взят 2002 г., когда состоялась Всероссийская перепись населения, отразившая масштабные изменения этнодемографической и этномиграционной ситуации в результате социально-экономических и политических потрясений в начале 1990-х гг.

Территориальные рамки исследования охватывают Курганскую, Свердловскую, Пермскую, Челябинскую и Оренбургскую области, а также республики Башкортостан и Удмуртия (так называемый Уральский экономический район). Исследование этнодемографических и этномиграционных процессов в этих территориальных рамках позволяет создать единую картину этнического развития региона в новейший период, а также выявить особенности данных процессов в трех микрорегионах: на Западном, Восточном и Южном Урале.

Этническая демография как дисциплина, занимающая промежуточное положение между демографией и этнографией, изучающая особенности этнических процессов как в глобальном масштабе, так и на региональном уровне, возникла сравнительно недавно – в конце 1960-х гг. В 1970–80-е гг., когда проблемы межнациональных отношений не считались актуальными для СССР, основной задачей науки являлось изучение методами демографии особенностей воспроизводства этносов. Только в конце 1980-х гг., когда происходит обострение межнациональных конфликтов в различных регионах СССР, рамки этнической демографии становятся шире: в задачи дисциплины входят также разработка методов определения численности этносов, анализ этнической структуры населения в ее статике и динамике, выявление относительной доли в динамике этнической структуры разных

факторов (демографических, миграционных и этнических процессов) и решение других проблем, возникающих на пересечении этнографии и демографии.

В XIX – начале XX в., в период оформления этих наук, этнографы обычно уделяли внимание народам, отстававшим в своем социально-экономическом и культурном развитии, в то время как демографы, нуждавшиеся в развернутом статистическом учете населения, сосредоточивали внимание главным образом на населении или на народах развитых стран. Впоследствии, когда этнографы включили в сферу своих исследований все народы мира, а демографы обратились к изучению населения и слаборазвитых стран, разрыв между этнографией и демографией стал постепенно ликвидироваться.

Этот процесс четко обозначился к середине XX в., однако становление этнодемографии как отрасли демографии в СССР можно отнести лишь к 1960-м – началу 1970-х г., когда появились первые исследования по изменению численности народов мира¹ и когда известными советскими демографами В. И. Козловым и Ю. В. Бромлеем были сформулированы основные принципы и методы этнодемографических исследований², ограничивавшие рамки этнодемографии изучением этнических аспектов воспроизводства населения и факторов, их определяющих. Исследование территориального размещения этносов, в частности расположения этнически однородных территорий и зон территориального смешения этносов, изучение этнических миграций, а также связи этнического расселения и миграций с хозяйством, природными условиями и другими факторами В. И. Козлов относил к задачам этнической географии. Таким образом, в функции этнической демографии входило изучение естественного движения населения различных этносов.

Этнодемография и этногеография 1960-х – первой половины 1980-х гг. отличались большими территориальными рамками иссле-

¹ Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предметах и задачах этногеографии // Сов. этнография. 1963. № 1. С. 35–47; Брук С. И., Козлов В. И. Вопросы о национальности и языке в предстоящей переписи населения // Вестн. статистики. 1968. № 3. С. 12–21.

² Козлов В. И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М., 1969; Он же. Национальности СССР: этнодемогр. обзор. 2-е изд. М., 1982; Он же. Этническая демография. М., 1977; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

дований: изучались естественные и миграционные процессы, протекавшие в зарубежных странах, а в СССР – в союзных республиках¹.

С конца 1980-х гг. начался новый этап в развитии этнодемографии, характеризуемый сужением территориальных рамок исследований до региональных. Новые тенденции способствовали развитию этнодемографических исследований и на Урале. Уральский регион не рассматривался в своем этническом единстве. Изучение этнических аспектов естественного и механического движения населения началось в этнотерриториальных образованиях Урала – республиках Башкортостан и Удмуртия, а также в южных областях Уральского региона – Челябинской и Оренбургской, т. е. в регионах, отличающихся многонациональным составом и относительно низкой удельной долей русского населения. Этнодемографические исследования были направлены преимущественно на изучение влияния демографических процессов на обострение межнациональных отношений.

Все исследования, посвященные этнодемографическому развитию региона, можно условно разделить на две группы.

Первую группу составляют чисто демографические исследования, посвященные анализу изменений этнического состава населения и связанному с этим процессом обострению межэтнических отношений. Детальное исследование всех аспектов этнодемографического развития началось с конца 1980-х гг., когда были ликвидированы все препятствия для изучения весьма сложных проблем межэтнического взаимодействия в многонациональном регионе. Начало новому этапу в этнодемографических исследованиях положил выход ряда сборников статей, посвященных современному состоянию межэтнических отношений и этнодемографической ситуации на территории Башкортостана². В течение последних десятилетий появляются исследования как общих этнодемографических и этносоциальных проблем, так и отдельных их аспектов. Данные проблемы приобрели особую актуаль-

¹ Брук С. И. Население мира: этнодемогр. справ. 2-е изд. М., 1986; Демаков Г. В. Влияние миграции населения на классовую структуру общества. Алма-Ата, 1971.

² Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987; Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992; Башкиры и Башкортостан. XX век: этностатистика / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 1995; Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995.

ность в связи с обострением в республике так называемого «татаро-башкирского узла» и сепаратистских тенденций, негативно отразившихся на межэтническом взаимодействии. Общим вопросам этнодемографического развития региона и проблемам дестабилизации межнациональных отношений посвящены работы А. М. Аринина, А. А. Ахмадеева, Н. В. Бикбулатова, В. В. Болтушкина, Т. М. Гарипова, Р. И. Ирнарзорова, Р. Г. Кузеева, Р. Н. Кутушева, М. В. Мурзабулатова, З. Н. Нуртдиновой, Ф. С. Сафина, Р. Н. Сулеймановой, Р. М. Тухватуллина, М. Ф. Хисматова, Ф. С. Файзуллина¹.

¹ *Аринин А. М., Болтушкин В. В.* Особенности современных национальных процессов в Башкирской АССР. Уфа, 1989; *Ахмадеев А. А., Кутушев Р. Н.* К вопросу о национальной структуре малого города в Башкирской АССР // Социально-территориальные различия в советском обществе и их преодоление. М., 1984. С. 16–18; *Бикбулатов Н. В.* Современные этнодемографические процессы в Башкирии // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVII–XX вв. Уфа, 1992. С. 36–62; *Гарипов Т. М.* Этнодемографическая и языковая характеристика современной Башкирии // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987. С. 12–23; *Кузеев Р. Г.* Межнациональные отношения: история, теория, пути демократического обновления. Уфа, 1990; *Он же.* Национальная дифференциация и социальная интеграция. Роль средств массовой информации в совершенствовании межнациональных отношений. М., 1989. Ч. 1. С. 56–77; *Он же.* Национальные движения и федерализм в России // Этногр. обозрение. 1993. № 6. С. 46–59; *Он же.* Национальные процессы и социальное развитие. Уфа, 1989; *Он же.* Наше будущее – в консолидации. Уфа, 1990; *Он же.* Перестройка и межнациональные отношения // Перестройка: человек, политика, экономика. Уфа, 1990. С. 32–67; *Он же.* Социальное и национальное в современных этнонациональных процессах. Уфа, 1990; *Он же.* Социальное и этническое в современных этнонациональных процессах. Уфа, 1988; *Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я.* Этнические процессы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 36–77; *Мурзабулатов М. В.* Современные этнодемографические процессы в Башкирской АССР (1917–1985 гг.). Уфа, 1989; *Он же.* Этнические аспекты совершенствования национальных отношений в БАССР // Великий Октябрь и Башкирская АССР. Уфа, 1987. С. 56–63; *Нуртдинова З. Н.* Этносоциальные процессы в современном Башкортостане: историография и методические приемы исследования // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 58–70; *Сулейманова Р. Н.* Женщины в составе населения Республики Башкортостан. Уфа, 1994; *Тухватуллин Р. М.* Влияние общественного мнения на ценностные ориентации личности в сфере национального развития и межнациональных отношений. Уфа, 1997; *Хисматов М. Ф.* Особенности современных демографических процессов в Башкирии // Территориальные социально-экономические системы Урала. Пермь, 1978. С. 44–56; *Сафин Ф.* Национальные отношения в Башкортостане в 1990-е годы: по данным этносоциол. исслед. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, Центр по изучению межнац. отношений. М., 2000; *Он же.* Контуры этносоциальной жизни в Башкортостане // Социол. исслед. 2001. № 10. С. 94–98; *Файзуллин Ф. С., Ирнарзов Р. И.* Социальные проблемы совершенствования межнациональных отношений в Башкортостане // Соц.-гуманит. знания. 2002. № 2. С. 78–86; Демография башкирского народа: прошлое и настоящее: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. II Всемир. курултаю башкир, Уфа, 23 апр. 2002 г. Уфа, 2002.

Большое внимание уделяется изучению проблем этнически смешанных семей как одного из важнейших факторов стабилизации межэтнических отношений в Башкортостане в исследованиях И. М. Габдрафикова, Г. А. Комарова, М. В. Мурзабулатова, З. Г. Уразбаевой¹. Проблеме языковой ситуации в Башкортостане посвящены исследования К. М. Гарифьянова, Т. М. Гарипова, Р. М. Тухватуллина². Развитие отдельных этносов рассматривается в диссертационных исследованиях А. М. Гафурова, З. М. Давлетшиной, М. Д. Киекбаева, Ф. Г. Хисамитдиновой³.

Наряду с новыми направлениями в изучении этнических процессов, рассматривающими преимущественно демографические аспекты, продолжается разработка проблемы этнического и этносоциального развития региона в «историческом разрезе» с использованием демографических методов исследования. Таковы, например, работы

¹ *Габдрафиков И. М.* Хозяйственная жизнь и социально-культурные ориентации современной сельской семьи (на примере татар северо-западного Башкортостана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1995; *Комаров Г. А.* Этнические установки при выборе брачного партнера (по материалам службы брачных объявлений в Уфе и Чебоксарах) // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 80–90; *Мурзабулатов М. В.* Города и районы Республики Башкортостан: (опыт характеристики выборки для изучения брачно-семейных отношений). Уфа, 1995; *Он же.* Межнациональные браки как фактор сближения народов // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1989. С. 148–164; *Он же.* Национально-смешанные браки среди сельского населения РБ (1939–1980 гг.) // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 119–131; *Он же.* Проблемы брачно-семейных отношений // С. И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 120–129; *Он же.* Однонациональные и национально-смешанные браки в городах Республики Башкортостан. Уфа, 1994; *Уразбаева З. Г.* Межнациональные браки и их роль в языковых процессах // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987. С. 70–72.

² *Гарифьянов К.* Еще не поздно поправить ошибки // Сов. Башкирия. 1990. 31 марта; *Гарипов Т. М.* Языковая жизнь в исторической и современной Башкирии // Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972. С. 21–25; *Тухватуллин Р. М.* Язык как национальная ценность (по материалам РБ) // Социол. исслед. 1997. № 8. С. 47–48.

³ *Киекбаев М. Д.* Социально-этническое развитие башкир в современном городе: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000; *Гафуров А. М.* Формирование этнической, конфессиональной и гражданской идентичности национальностей Башкортостана в 90-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Давлетшина З. М.* Татарское население Башкортостана: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998; *Городские башкиры: проблемы языка и культуры, здоровья и демографии* / под общ. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2004.

М. Д. Киекбаева, Г. А. Киньябаевой, Н. Н. Моисеевой-Томашевской, У. Х. Рахматуллина, М. И. Роднова, Ю. Н. Сергеева¹.

В Удмуртии этнодемографические исследования приняли несколько иной характер. Проблемы межнациональных трений и сепаратистских установок титульных наций не были свойственны данному региону. Исследователей более волновали такие актуальные для республики проблемы, как сохранение национальной культуры и этнического самосознания удмуртов в связи с активными ассимиляционными процессами, постепенное исчезновение сельских мест компактного проживания представителей этого этноса (так называемых «землячеств») в результате урбанизации. Большое внимание в Удмуртской республике уделялось изучению этнодемографических аспектов развития сельского населения в связи с продолжающимся процессом урбанизации и оттока населения из сел в города, угрожающим существованию удмуртских «землячеств». Проблемы развития и сохранения национальных сельских поселений, изменения в социальном составе сельского населения рассматривались в работах Г. П. Белоруковой, А. А. Разина, Г. К. Шкляева².

Одной из важнейших проблем, актуальной для Удмуртии, является проблема этнокультурного развития. Существенным аспектом этого развития являются языковые процессы, зависящие, в свою очередь, от

¹ Киекбаев М. Д. К истории формирования этнического состава населения башкирского Зауралья // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 78–84; Киньябаева Г. А. Влияние военных событий на демографическое развитие этноса (на примере башкир в первой половине XIX века) // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 161–162; Моисеева-Томашевская Н. Н. Социально-этнические группы тюркского населения Южного Урала и Приуралья в конце XIX в. // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. М., 1988. С. 43–44; Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988; Роднов М. И. Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века // Этногр. обозрение. 1996. № 6. С. 121–131; Сергеев Ю. Н. Церковно-монастырское крестьянство Башкортостана: численность, структура, формы зависимости (конец XVI – 60-е гг. XVIII вв.) // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997. С. 83–90.

² Белорукова Г. П. Социальные перемещения в национальных группах сельского населения Удмуртской АССР (межпоколенные) // Социально-этнические аспекты развития современного села. Ижевск, 1984. С. 57–78; Разин А. Место «гурт кенеша» (сельской общины) в гражданском обществе // Финно-угроведение. 1999. № 1. С. 87–90; Статистико-этнографические исследования в Удмуртии: (материалы к изучению образа жизни сельского населения). Устинов, 1985; Шкляев Г. К. Сельское население Удмуртии: (ист.-этногр. очерк): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

исторического и этнического самосознания, а потому требующие сочетания этнографических, этнодемографических и этносоциологических исследований. Исследование развития этнического самосознания финно-угорских народов началось в 1980-х гг., когда процесс быстрого «обрусения» коренных народов принял катастрофический характер. Высокие темпы урбанизации, сопровождающейся разрушением национальных сельских поселений, недостаточное внимание к этнокультурному развитию привели к снижению уровня этнического самосознания, особенно у молодых поколений, незнанию родного языка и т. д. Эта проблема рассматривалась этнодемографами и социологами еще в «доперестроечное» время¹, однако ее освещение отличалось однобокостью, поскольку целью национальной политики провозглашалось повышение уровня грамотности населения, особенно старших поколений, а высокий уровень ассимиляции должен был свидетельствовать о «сплоченности наций». Более серьезно и всесторонне проблема этнокультурного развития и этнического самосознания была изучена лишь в 1990-е гг. в работах Г. П. Белоруковой, Н. В. Ишмуратова, А. А. Разина, А. Н. Петрова, Л. С. Христолюбовой². В исследованиях поднимались важнейшие проблемы утраты молодыми поколениями основных составляющих этнического самосознания: отсутствие осознания принадлежности к своему этносу, низкий уровень знания своего национального языка и национальной культуры в целом. Изучение этого пагубного для национальных культур процесса в динамике проводилось при использовании целого комплекса этнодемографических и этносоциологических методов исследования.

Существенное влияние на сохранение и развитие национальной культуры и этнического самосознания оказывает семья. Именно этот

¹ *Рогачев М. Б.* Билингвизм сельских коми // Взаимодействие финно-угорских и русских языков. Сыктывкар, 1984. С. 12–14; *Пименов В. В.* Некоторые черты национального самосознания (по материалам Удмуртской АССР) // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 3–15.

² *Белорукова Г.* Этнические ориентации учащихся-удмуртов средней и высшей школы (динамика изменений за 1989–1997 гг.) // Финно-угроведение. 1999. № 1. С. 135–137; *Она же.* Языковая ситуация в молодом поколении Удмуртии: этносоциол. аспект // Раннее языковое образование: состояние и перспективы. Ижевск, 2001. С. 21–25; *Ишмуратов Н. В., Разин А. А.* Основные направления этнического возрождения удмуртов // Национальная проблема: пути решения. Ижевск, 1997. С. 95–112; *Христолюбова Л. С.* Этноязыковые процессы // Удмурты: ист.-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 336–353; *Петров А. Н.* Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск, 2002.

важнейший социальный институт является основным хранителем социокультурной информации, а следовательно, и этнических ее компонентов. Начало изучению этнодемографических характеристик национальной семьи и этнически смешанных браков как важного фактора этнических процессов еще в первой половине 1980-х гг. положил М. Б. Рогачев¹. Позже, с конца 1980-х гг., исследование национальной и этнически смешанной семьи было продолжено В. С. Воронцовым и Л. Н. Князевым в русле изучения ее влияния на этническое самосознание и самоопределение молодых поколений². Проведенные ими демографические и социологические исследования выявили особенности этого влияния: если национальная семья действительно способствует сохранению этнической культуры и самосознания, то этнически смешанная семья, наоборот, способствует активной ассимиляции коренных народов с русскими и утрате этнических компонентов культуры удмуртов, поскольку, как правило, в смешанных семьях преобладают компоненты русской культуры: русские традиции, русский язык и соответственно русское этническое самосознание, осознание принадлежности к русскому этносу.

Важное место в изучении этнодемографического развития Удмуртской Республики занимают миграционные движения. Наиболее ранняя работа, посвященная этой проблематике, – исследование Г. Г. Макаровой³, в котором выявляется роль механического движения населения в формировании его численности и плотности, в изменении соотношения городского и сельского населения Удмуртии. Более сложные проблемы исследованы в работах Н. П. Павлова⁴, в том

¹ Рогачев М. Б. Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми. Сыктывкар, 1985. Вып. 116; Он же. Этнодемографические характеристики современной сельской семьи Коми АССР // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 125–126.

² Воронцов В. С. Проблемы национального самоопределения подростков из этнически смешанных семей в Удмуртии // Финно-угроведение. 1999. № 1. С. 140–143; Князев Л. Н. Влияние национально-смешанной семьи на национальное самосознание: [по результатам социол. опроса в Удмуртии] // Вестн. Удмурт. ун-та. 1991. № 1. С. 21–23.

³ Макарова Г. Г. О миграциях населения Удмуртской АССР // Учен. зап. Перм. ун-та. 1966. Вып. 3. С. 48–55.

⁴ Павлов Н. П. Исторические и этнические аспекты миграции колхозного населения // Археология и этнография Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1975. Вып. 1. С. 107–142; Он же. Крестьянство Удмуртии. 1946–1970: ист.-социол. очерки. Ижевск, 1975.

числе с учетом этнического состава мигрантов. Вопросам миграции населения Удмуртской АССР также посвящены работы З. П. Чесноковой и Г. К. Шкляева¹.

Обострение межэтнических отношений, ставшее результатом политических потрясений рубежа 1980–90-х гг., не могло не задеть многонациональное Оренбуржье. Поэтому в 1990-е гг. одной из важнейших дискуссионных тем становится тема межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия в регионе. Среди работ, посвященных этой тематике, выделяются исследования В. В. Амелина и В. Н. Рагузина².

В Пермском крае изучение этнических процессов началось значительно позже, чем в республиках Урала и Оренбуржье, – уже в XXI в. При этом особую популярность приобрели этносоциологические исследования. В частности, Н. А. Дубова и Н. А. Лопуленко изучили этносоциологические проблемы отдельного района Пермского края – Кизеловского³. В журнале «Мир России» в 2004 г. была опубликована коллективная статья, обобщившая результаты социологических исследований межэтнических отношений в Пермском крае⁴. Этнокультурной и этносоциальной ситуации в современном Прикамье

¹ Чеснокова З. П. О территориальной подвижности сельского населения Удмуртской АССР // Сельские поселения Удмуртии: сб. ст. / отв. ред. Л. С. Христолюбова. Ижевск, 1981. С. 81–92; Она же. Демографическая обстановка в сельской местности Удмуртской АССР // Вопросы социально-экономического и демографического развития сельской местности Удмуртской АССР: сб. ст. / отв. ред. Г. П. Белорукова. Ижевск, 1983. С. 127–140; Шкляев Г. К. Территориальные аспекты миграционной активности сельского населения Удмуртской АССР // Социально-этнические аспекты развития современного села: сб. ст. / отв. ред. Г. К. Шкляев. Ижевск, 1984. С. 22–40.

² Амелин В. В. Межкультурные взаимодействия в условиях полиэтнической области: (пример русских и татар в Оренбуржье) // Этнопанорама. 1999. № 1. С. 28–34; Он же. Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Оренбуржье. Оренбург, 1999; Он же. Этноконфессиональные отношения в оценках и представлениях массового сознания оренбуржцев // Журн. социологии и соц. антропологии. 2002. Т. 5, № 4. С. 59–84; Рагузин В. Н. Межнациональные противоречия в религиозной среде // Религия, церковь в России и за рубежом. 1996. № 7. С. 27–31.

³ Дубова Н. А., Лопуленко Н. А. Современные этносоциологические проблемы Кизеловского района Пермской области. М., 1995; Дубова Н. А., Комарова О. Д., Ямсков А. Н. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. М., 1998. С. 227–293.

⁴ Образ «другого» в социальном сознании горожан: (по материалам социол. исслед. межнац. отношений в г. Перми) / О. Л. Лейбович [и др.] // Мир России. 2004. Т. 13, № 2. С. 43–65.

посвятили свои статьи Н. Н. Агафонова, Р. А. Брехач, А. А. Лунегова, Е. Н. Шестакова¹.

Вторую группу исследований составляют историко-демографические работы, широко использовавшиеся при воссоздании картины этнодемографического развития региона в динамике и определении влияния национальной политики государства на этот процесс.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. вышел ряд исследований, посвященных проблеме этнического развития отдельных этносов на территории Башкортостана, в разное время и по разным причинам попавших на Южный Урал. В работах В. Я. Бабенко, А. Я. Блинкены, Н. Ф. Бугая, Р. Г. Кузеева, У. Ф. Надергулова, И. Г. Петрова, А. Рыклина², рассматривающих данные проблемы, особое внимание отводится влиянию национальной политики государства на этнические процессы в регионе.

В советский период фактически не было каких-либо серьезных исследований историко-демографического развития многонационального Оренбуржья, тем более что изменение этнического состава про-

¹ Агафонова Н. Н. Этноконфессиональная ситуация в современном социокультурном пространстве Прикамья // Административно-территориальные реформы в России: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 2006. С. 150–153; Брехач Р. А. Современная миграционная ситуация в Прикамье: этносоциальный аспект // Там же. С. 153–155; Лунегова А. А. Этносоциальный аспект в экономике Коми-Пермяцкого округа // Там же. С. 170–172; Шестакова Е. Н. Современная российская молодежь в контексте этнического исторического самосознания // Там же. С. 190–193.

² Бабенко В. Я. Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР (конец XIX–XX вв.) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С. 13–14; Он же. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии (конец XIX–XX вв.) // Исследование по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 137–143; Блинкена А. Я. Латыши в Башкирской АССР // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 90–94; Бугай Н. Ф. «Настоящим докладываем, на основе указаний депортируются...»: о переселении народов в Башкирию в 40–50-е гг. // Страницы истории Башкирской Республики: новые факты, взгляды, оценки. Уфа, 1991. С. 69–77; Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я. Немцы в Башкирии // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 35–39; Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я., Моисеева Н. Н. Этнографические и этнические группы в новое и новейшее время. Уфа, 1987; Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998; Надергулов У. Ф. Иргизо-камеликские башкиры // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 122–126; Петров И. Г. Чуваш в Башкирии: численность и расселение // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 85–89; Рыклин А. Башкирский фатерланд: (немецкое население Башкирии) // Итоги. 1997. № 25. С. 58–61.

исходило под влиянием массовых переселений, часто носивших насильственный характер. Лишь с 1990-х гг. этнодемографическое развитие Оренбургской области становится предметом изучения историков, этнографов и демографов. Применяя новые методологические подходы и современные методики исследования, ученые воссоздают картину заселения региона, формирования этнического состава населения, выявляют влияние внешних и внутренних факторов на этнодемографическое развитие. Данная тематика находит свое отражение в работах А. Н. Дубинина, А. В. Федоровой, Ю. С. Зобова, В. П. Торукало, Л. И. Футорянского¹.

В центре внимания исследователей находится не только этническое развитие в целом, но и историко-демографические аспекты развития отдельных этносов. Особенно многочисленны исследования, касающиеся немецкого этноса. При поддержке Всероссийского союза немцев и ряда зарубежных организаций регулярно выходят сборники статей, посвященных немцам Оренбуржья, организуются конференции². Однако ввиду того что проблема немцев в России ранее фактически не рассматривалась, интерес исследователей концентрируется прежде всего на воссоздании истории немецких поселений, изучении репрессивной политики государства по отношению к немцам в первой половине XX в., оценивается вклад немцев в развитие экономики, науки и культуры государства. Демографические аспекты развития немецкого этноса в Уральском регионе на современном этапе, за редким исключением, не являются предметом специальных исследова-

¹ Дубинин А. Н., Федорова А. В. Многонациональное Оренбуржье. Оренбург, 1993; Зобов Ю. С. Формирование национального состава населения Оренбургского края // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность. Оренбург, 1993. С. 53–62; Торукало В. П. Многонациональное Оренбуржье // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 13–24; Он же. Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность. Оренбург, 1993; Футорянский Л. И. Дорогой дружбы // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 4–12; Многонациональное Оренбуржье в этнополитическом измерении / Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии, Центр по изучению межнац. отношений. М., 1996; Амелин В. В., Рагузин В. Н. Этноконфессиональные отношения в приграничье Оренбуржья: (социол. аспект) // Этнопанорама. 2001. № 2. С. 56–62.

² Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург, 1997; Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. М., 1998; Немцы и Оренбургский край = Deutsche und das Orenburger Gebiet: сб. материалов обл. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренбург. губернии и 60-летию Оренбург. обл., 17 дек. 1994 г., Оренбург / под ред. А. В. Федоровой. Оренбург, 1995; Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Оренбург, 1998.

ний. Исследователи широко используют статистические данные при изучении переселения немецких колонистов на Южный Урал, депортированных немцев – узников лагерей и т. д. Но влияние демографических изменений в немецком этносе на этнодемографическую картину Уральского региона в целом остается до сих пор неизученным, несмотря на то что как переселение немцев-колонистов, так и более поздние массовые депортации немцев Оренбуржья существенно повлияли на изменение этнического состава населения и пропорциональное соотношение основных этносов региона. Эта проблематика нашла свое отражение в статьях О. Я. Бахаревой, Б. А. Воронович, В. П. Торукало, А. Н. Дубинина, А. В. Федоровой¹.

Со второй половины 1980-х гг. проводятся исследования в области исторической этнодемографии тюркоязычных народов Оренбуржья: татар, башкир, казахов, составляющих существенную часть населения края. Историко-демографические аспекты развития этих этносов освещены в работах Н. А. Халикова, Ю. Г. Мухаметшина, Г. М. Мендикулова, Г. Г. Косач, Ю. С. Зобова², где не только представлено развитие этносов в динамике, но и сделана попытка определения места этих этносов в общей пестрой этнической картине Оренбуржья.

Этнодемографическое развитие Среднего и Западного Урала до сих пор остается неизученным. Пермская и Свердловская области отличаются от других территорий Уральского региона высокой удельной долей русского населения (87–92 %) и соответственно отсутствием серьезных межэтнических трений. Многонациональный

¹ Бахарева О. Я. Динамика населения немцев Оренбуржья: (прошлое и настоящее) // 11-я Междунар. конф. «Интеркультурные коммуникации»: сб. тез. Оренбург, 1996. С. 10–11; Воронович Б. А., Торукало В. П. Многонациональное Оренбуржье в зеркале социологии // Жизнь национальностей Оренбуржья: информ. вестн. 1996. № 3. С. 31–35; Дубинин А. Н., Федорова А. В. Многонациональное Оренбуржье. Оренбург, 1993. С. 32–35.

² Халиков Н. А., Мухаметшин Ю. Г. К истории формирования оренбургских татар // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 гг. Йошкар-Ола, 1986; Мендикулова Г. М. Демографические характеристики казахского населения Оренбургской губернии во второй половине XIX в. // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 268–270; Косач Г. Г. Российский регион в постсоветское время: тюрко-мусульманские меньшинства Оренбургской области // Вестн. Евразии = Acta Euragica. 1999. № 1–2. С. 169–193; Зобов Ю. С. Башкиры в составе Оренбургского края // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 100–115.

состав населения Среднего Урала изредка становился темой ряда статей в областных и городских газетах¹, ему посвящена глава в учебном пособии для учителей². В последние годы появляются отдельные публикации, касающиеся историко-демографических аспектов развития отдельных этнических групп Свердловской и Пермской областей. Т. В. Прощенок, Б. И. и А. М. Бурштейн исследовали процесс расселения еврейской диаспоры³, Н. А. Дубова, О. Д. Комарова, А. Н. Ямсков дали историко-демографическую характеристику русских, башкир и татар юга Пермской области⁴. Е. В. Безбородова сделала анализ численности и этнического состава населения Свердловска, опираясь на материалы переписи 1939 г.⁵, однако для выявления тенденций этнодемографического развития необходимо исследование изменения пропорционального соотношения этнических групп в динамике.

В последнее десятилетие осуществляются активные попытки создать общую картину этнодемографического развития Уральского региона. Если ранее Урал не рассматривался этнографами как единая этнографическая область, то на современном этапе он выступает как стратегически важный многонациональный регион, стабильность межэтнических отношений в котором во многом является гарантом стабильности во всем государстве. В рассматриваемый период намети-

¹ См., напр.: *Коньшин Ю.* Единой семьей: (о многонациональном составе населения Нижнесергинского района) // Урал. рабочий. 1977. 1 мая; *Певцов В.* Они говорят: «Прощай, Урал!» Скажет ли кто: «Здравствуй, Родина!»?: [эмиграция нем. и еврей. населения из Екатеринбурга] // Обл. газ. 1995. 12 июля; *Шангареев Ф., Надыров С.* Растерянные традиции: [проблемы культурно-национального развития различных групп населения области] // Урал. рабочий. 1988. 25 мая.

² *Корнев И. Н.* Население Свердловской области: пособие для учителей. Екатеринбург, 1992. С. 59–63.

³ *Прощенок Т. В.* Еврейское население Среднего Урала в XIX – начале XX в. // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 196–199; *Он же.* Еврейское население Екатеринбурга в XIX – начале XX в. // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 54–57; *Он же.* Еврейская диаспора горнозаводского Урала XIX – начала XX в. (проблема государственной регламентации правового и социально-экономического статуса) // Урал. ист. вестн. 1996. № 3. С. 145–152.

⁴ *Дубова Н. А., Комарова О. Д., Ямсков А. Н.* Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. М., 1998. С. 227–293.

⁵ *Безбородова Е. В.* Численность и национальный состав населения Свердловска (по материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.) // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 135–136.

лись две тенденции в изучении этнодемографического развития Уральского региона:

1. Определение историко-демографических характеристик отдельных этносов Урала. В. П. Мотревич и Т. В. Прощенок исследуют демографические аспекты развития еврейского этноса. Основываясь преимущественно на материалах переписей населения, исследователи проводят анализ динамики численности евреев Урала и выявляют этносоциальные особенности хозяйствования¹. И. А. Халиков рассматривает территориальные и этносоциальные аспекты традиционного хозяйства уральских татар, также используя статистический материал². Не могла не привлечь внимание исследователей проблема развития самого многочисленного этноса Урала – русских. В связи с этим следует упомянуть статью М. К. Тасоевой, в которой автор анализирует демографические изменения, происходившие в 1970–80-е гг.³

2. Этнодемографическая структура населения Урала и межэтнические отношения. Это направление исследований нашло отражение в работах А. И. Кузьмина, Г. Е. Корнилова, А. Г. Оруджиевой и Т. Н. Лепоринской, которые представили картину этнодемографического развития Уральского региона в XX в. и исследовали проблемы межэтнических отношений в связи с изменениями этнодемографической обстановки в регионе⁴. Заметным событием стал выход учебного посо-

¹ Мотревич В. П., Прощенок Т. В. Еврейское население Урала по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. // Урал индустриальный: 3-я регион. науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 62–65; Прощенок Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

² Халиков И. А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья // Приуральские татары. Казань, 1990. С. 21–28.

³ Тасоева М. К. Русские на Урале // Программа Отделения философии и права АН СССР «Социальные процессы в условиях перестройки». М., 1990. Вып. 5. С. 78–83.

⁴ Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Этнодемографическая структура населения Урала: проблемы эволюции и перспектив развития // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 135–138; Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Алферова Е. Ю. Этнодемографическая структура населения Урала в XX веке // Урал в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 165–172; Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Демографические факторы межнациональных отношений в Уральском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 1. С. 184–208; Корнилов Г. Е. Русские в этнодемографической структуре Урала (XX век) // Русские старожилы: материалы III Сиб. симпоз. «Культур. наследие народов Зап. Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 247–248; Лепоринская Т. Н. Некоторые проблемы межнационального общения в истории народов Урала // «Экватор» 90-х. Пермь, 1995. С. 75–78.

бия «Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв.», в котором авторы поставили цель рассмотреть основные проблемы развития этнодемографических структур Урала¹.

Однако слабая изученность этнодемографического развития Западного и Среднего Урала не позволяет создать его полную картину в рамках всего Уральского региона. В исследованиях вышеперечисленных авторов Западный и Средний Урал как бы «выпадает» из общей картины и внимание сосредоточивается прежде всего на исследовании Южного Урала, национальных республик, где этнодемографические исследования имеют более давние традиции. Лишь несколько лет назад М. В. Сурина (Сумачева), автор данной монографии, начала исследование этнических процессов, протекавших на Западном и Среднем Урале во второй половине XX в. При этом привлекались материалы переписей населения, ранее никогда не вводившиеся в оборот. Различные аспекты этнодемографических и этномиграционных процессов рассматривались преимущественно на примере Свердловской области, что не мешало создавать комплексную картину развития этнических процессов в рамках всего Уральского региона².

¹ Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв.: ист.-социол. подход. Екатеринбург, 2000.

² Сурина М. В. Этномиграционные процессы на Среднем Урале в конце XX века // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002. С. 144–148; Она же. Межэтнические браки на Урале: специфика и динамика // Региональные модели исторического общего и профессионального образования: Восьмые Всерос. ист.-пед. чтения. Екатеринбург, 2004. Ч. 2. С. 403–412; Она же. Этноязыковые процессы на Урале во второй половине XX века // Народы Севера Евразии: этнодемографические процессы: материалы науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2005. С. 45–56; Она же. Динамика населения наиболее крупных этносов Уральского региона во второй половине XX века (по материалам всесоюзных переписей населения) // Третьи Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2006. С. 101–109; Она же. Этнические аспекты половозрастной структуры населения Среднего Урала в конце XX века (по материалам переписей населения 1989 и 2002 гг.) // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2006. С. 239–250; Она же. Этноязыковые процессы у тюркского и финно-угорского народов Урала во второй половине XX века (по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Глазов, 2007. С. 78–83; Она же. Этнические аспекты третьей и четвертой фазы демографического перехода на Среднем Урале во второй половине XX века // Этнодемографические процессы в странах и регионах Евразии: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития: материалы науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2007. С. 64–78.

Ввиду того что исследования этнодемографического развития Уральского региона в целом ведутся всего несколько лет, в научный оборот введены не все доступные источники. Поэтому сегодня существует настоятельная потребность в создании научных трудов, в которых был бы привлечен широкий спектр источников и которые могли бы заполнить пробелы, образовавшиеся в процессе изучения проблем этнодемографического развития Уральского региона. Одним из первых таких исследований и является данная монография.

Источниковая база, составившая основу исследования, обширна. Она включает как опубликованные, так и неопубликованные источники.

Опубликованные источники. Основным источником для изучения этнодемографического развития являются материалы переписей населения. В изучаемый период было проведено пять переписей: в 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. Можно выделить целый ряд преимуществ данного источника:

1. Всеобщность охвата населения, т. е. учет каждого жителя без исключения, вне зависимости от пола, возраста и других характеристик. Однако определенная погрешность все же существует, поскольку население на момент переписи продолжает находиться в постоянном движении.

2. Проведение переписи по единой программе и единым правилам на всей территории, охватываемой переписью. Это облегчает сопоставление итогов переписи между областями и республиками внутри рассматриваемого региона, а также данных по Уралу с общероссийскими данными. Единая программа позволяет сопоставить итоги нескольких переписей и выявить динамику того или иного процесса.

3. Непосредственное получение сведений у населения. Это дает возможность, в частности, максимально точно определить этнический состав населения, опираясь не на документ, где указана этническая принадлежность, а на реальное этническое самоопределение человека.

К категории опубликованных источников относятся *статистические сборники результатов переписей населения*. Материалы переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. представлены в сборниках «Итоги Всесоюзной переписи населения»¹. Главным недостатком этих статистиче-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. РСФСР. М., 1973; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. РСФСР. М., 1983.

ских сборников является то, что в них публиковались только общие данные по этническому составу, родному и второму языку. Отсутствуют данные об этнически смешанных семьях, социально-профессиональном составе населения различных этносов. Тем не менее представленные в сборниках данные позволяют создать общую картину этнодемографического развития Уральского региона и РСФСР в целом.

Результаты переписи населения 1989 г. публиковались уже в более широком масштабе. Кроме публикации ЦСУ РСФСР общих итогов переписи¹ на местах выходило множество статистических сборников. В частности, Свердловский областной комитет государственной статистики выпустил целый ряд статистических сборников по итогам переписи 1989 г., в которых представлен обширный материал по этническому составу населения области, владению языками, а также этнические аспекты социально-демографической статистики населения².

В частности, в сборнике «Национальный состав населения Свердловской области»³ приведены сведения о распределении населения области по национальности и языку, об изменении численности населения отдельных национальностей по горсоветам и районам области, о распределении населения области по полу и национальности, населения горсоветов и районов области по основным национальностям. В сборнике также приводятся данные о распределении населения основных национальностей по территориям их преимущественного проживания, что позволяет выявить по области места компактного проживания отдельных этносов. Преимущество этого сборника состоит в том, что данные переписи 1989 г. сопоставляются с итогами предыдущей переписи 1979 г.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. РСФСР. М., 1993.

² О национальном составе и языках населения Свердловской области: итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Свердловск, [1990]; Национальный состав населения Свердловской области: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г. / Госкомстат РСФСР, Свердл. обл. упр. статистики. Екатеринбург, 1994; Национальный состав населения Свердловской области: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г. / Госкомстат РСФСР, Свердл. обл. упр. статистики. Екатеринбург, 1992; Краткая социально-демографическая характеристика населения по 44 городам и 30 районам Свердловской области / Свердл. обл. упр. статистики. Екатеринбург, 1991; Население городов Каменск-Уральского, Нижнего Тагила, Первоуральска и Серова по данным переписи населения. Екатеринбург, 1992.

³ Национальный состав населения Свердловской области: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г. / Госкомстат РСФСР, Свердл. обл. упр. статистики. Екатеринбург, 1992.

В сборнике «О национальном составе и языках населения Свердловской области»¹ кроме общих сводных таблиц, содержащих сведения о национальном составе, о родном и втором языке и распределении этих статистических данных по горсоветам и районам, приводятся относительные данные о состоянии в браке населения наиболее крупных этносов. Данные приведены в сравнении с итогами предыдущей переписи.

В Башкирской АССР также выпускались сборники с аналогичной статистической информацией, однако в них по сравнению со сборниками, изданными в Свердловской области, более широко был представлен материал по этнически смешанным бракам².

Результаты первой Всероссийской переписи населения, являющейся одновременно по хронологии и последней переписью, проведенной уже в «постсоветской» России в 2002 г., были опубликованы лишь в 2005 г.³ Программа этой переписи в разделе «Национальный состав и владение языками» была существенно сокращена по сравнению с предыдущими переписями: в частности, из нее была исключена форма, отражавшая статистику уровня владения своим национальным языком в качестве родного и в качестве второго языка народов страны. Это сделало невозможным проследить этноязыковые процессы, протекавшие в конце XX в. Исчезла и статистика социального и профессионального состава населения по национальностям. В данном исследовании материалы переписи 2002 г. использованы при изучении динамики этнического состава населения Урала.

В этой работе использовались и результаты микропереписи 1994 г., нашедшие свое отражение в статистических сборниках «Основные итоги микропереписи населения 1994 г.», «Национальный состав населения области. Владение языками» и «Екатеринбург и большие города области по данным микропереписи 1994 г.»⁴. Микро-

¹ О национальном составе и языках населения Свердловской области: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г.

² Национальный состав населения Башкирской АССР: по данным Всесоюз. переписи населения 1979 г. Уфа, 1981; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1990.

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2005.

⁴ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. Екатеринбург, 1995; Национальный состав населения области. Владение языками / Госкомстат России, Свердлов. обл. ком. гос. статистики. Екатеринбург, 1995; Екатеринбург и большие города области по данным микропереписи населения 1994 г. / Госкомстат России, Свердлов. обл. ком. гос. статистики. Екатеринбург, 1995.

перепись не ставила задачу детального изучения этнических аспектов развития области, поэтому сборники содержат только общие данные по национальному составу населения и владению языками. Лишь статистический сборник «Национальный состав населения области. Владение языками» приводит сжатую информацию о распределении национальностей по месту проживания, половозрастном составе наиболее крупных этнических групп, уровне брачности, образования. Поскольку при проведении микропереписи выборка составляла всего 5%, ее результаты автор не считает достаточно убедительными и достоверными, и в силу этого статистические данные этой переписи носят вспомогательный характер.

Из опубликованных статистических источников нельзя не выделить регулярно выходивший сборник «Свердловская область в цифрах», содержащий информацию о национальном составе населения области¹. В качестве недостатка можно отметить весьма небольшой объем представленной в сборниках статистической информации по этническому составу.

Особую группу опубликованных источников составили *периодические издания* «Вечерний Свердловск», «Уральский рабочий», «Тагильский рабочий», «Ревдинский рабочий», «Вперед», доносившие до населения результаты переписей². Однако статистические данные, представленные в газетах, также весьма немногочисленны: краткая статистика половозрастного состава, уровня брачности, обра-

¹ Национальный состав населения // Свердловская область в цифрах. 1976–1980. Свердловск, 1981. С. 6; Национальный состав населения (по переписи на 17 января 1979 г.) // Свердловская область в цифрах. 1981–1985. Свердловск, 1987. С. 6; Национальный состав населения (наиболее многочисленные национальности, по данным переписей) // Свердловская область в цифрах. 1986–1990. Свердловск, 1991. С. 17.

² Свердловчане глазами статистиков: о возраст. структуре, уровне образования, нац. составе, языках и источниках средств существования населения г. Свердловска по данным Всесоюз. переписи населения на 15 янв. 1970 г. // Веч. Свердловск. 1971. 18 мая; О возрастной структуре, уровне образования, национальном составе, языках и источниках средств существования населения г. Свердловска по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. // Веч. Свердловск. 1971. 13 мая; Население нашей области: о возраст. структуре, уровне образования, нац. составе, языках и источниках средств существования населения Свердл. обл. по данным Всесоюз. переписи населения на 15 янв. 1970 г. // Урал. рабочий. 1971. 13 мая; Горбунова Н. Демография села // Ревдин. рабочий. 1990. 22 сент.; Попова В. Тагильская семья. Какая она? // Тагил. рабочий. 1991. 4 дек.; Попова В. Всесоюзная перепись: тагильчане в зеркале статистики // Тагил. рабочий. 1990. 6 сент.; Ковалева Е. Кто и как живет в селах района? // Вперед. 1990. 12 окт.

зования и уровня жизни, т. е. то, что более всего интересует население. Данные по этническому составу либо не приводятся вообще, либо приводятся только по наиболее крупным этническим группам.

При изучении темы большое значение имеют опубликованные *документы органов государственной власти и КПСС*. Партийно-государственный аппарат ставил под свой контроль все аспекты этнокультурного развития, осуществлял депортации народов, т. е. оказывал существенное влияние на этнодемографическое и этнокультурное развитие региона.

Сборник «История российских немцев в документах (1763–1992 гг.)» содержит ценный материал о политике Советского государства в отношении немцев, напрямую повлиявшей на их удельный вес в Уральском регионе и дальнейшее этнокультурное развитие этого этноса¹. Материал представлен в основном указами Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г., «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья» от 7 сентября 1941 г., «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 5 ноября 1955 г. и «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. “О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”» от 29 августа 1964 г.²

Ряд опубликованных законов и постановлений по вопросам развития системы образования отражает отношение Советского государства к этнокультурному развитию нерусских этнических групп. Сборник документов «Народное образование в СССР. 1917–1973 гг.» содержит постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», положившее начало массовой русификации школ. Закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» ставил изучение национального языка и обучение на нем детей в зависимость от воли их родителей. Постановление пленума ЦК КПСС и Верховного Совета СССР от 29 августа 1978 г. «О дальнейшем совершенствовании изучения и преподавания русского языка в союзных республиках» ввело в учеб-

¹ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993.

² Там же. С. 163, 177, 178–179.

ных заведениях углубленное изучение русского языка за счет перераспределения часов в учебных планах и сокращения количества часов, выделяемых на преподавание родного языка¹.

Большой интерес представляют опубликованные *материалы съездов КПСС*. В частности, материалы XXII съезда, на котором была принята программа форсированного строительства коммунизма и достижения полного единства наций СССР, создания новой исторической общности людей различных национальностей, позволяют выявить линию национальной политики государства в рассматриваемый период². Эта программа напрямую была направлена на стирание этнических различий, максимальное сокращение сферы использования национального языка. XXVI и XXVII съезды КПСС подтвердили курс на дальнейшее сближение наций и народностей, развитие и сближение национальных культур и расширение представительства граждан различной этнической принадлежности в партийных и государственных органах³.

Среди опубликованных источников особое место занимает *мемуарная литература*. Именно она как никакой другой источник отражает трагедию депортированного и униженного народа, лишенного права на свое этническое самоопределение и этнокультурное развитие. В исследовании использованы воспоминания Г. и Я. Гольдштейнов, П. А. Берга, Д. Г. Вейде, В. Э. Рунга⁴, в которых авторы рассказали о дискриминации по национальному признаку, притеснениях со стороны властей. П. А. Берг, Д. Г. Вейде и В. Э. Рунг, бывшие узники Тагиллага, приводят интересную информацию о процессе втягивания бывших заключенных-спецпоселенцев в мирную жизнь, об отношении населения ко вчерашним изгоям.

Неопубликованные источники выявлены и отобраны для исследования в федеральных и местных архивах: Российском госу-

¹ Народное образование в СССР: сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 38, 51.

² Программы и уставы ЦК КПСС. М., 1969. С. 190; Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 191.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 56–57; Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 156–157.

⁴ Гольдштейн Я. Е. Откровенно говоря. Челябинск, 1995; Гольдштейн Г. Страницы нашей жизни // Менора. 1996. № 11–12. С. 4; Берг П. А. Не трудармия, а лагерь // Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага. Екатеринбург, 2004. С. 46–48; Вейде Д. Г. Исповедь трудармейца // Тагилцайтунг. 2000. № 3(15) – 5(17). С. 3; Рунг В. Э. Воспоминания о былом // Строитель. 1991. № 10. С. 23–36.

дарственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Отделе по делам архивов администрации Нижнего Тагила (ОДААНТ), а также в архиве Свердловского областного комитета государственной статистики.

Большое значение для изучения этнических процессов в Уральском регионе имеют *материалы переписей населения* 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., сосредоточенные в фондах ЦСУ СССР (РГАЭ, ф. 1562), ГАСО (ф. Р-1813) и Свердловского областного комитета государственной статистики (отдел переписи населения).

Для изучения изменений этнического состава населения и этнокультурного развития большую ценность представляют статистические таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку», «Распределение населения по национальности и второму языку», «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР», «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования». Представленные в них статистические данные позволяют проследить взаимосвязь этнодемографических процессов с состоянием этнокультурного развития населения, с уровнем знания национальных языков.

В частности, таблица «Распределение населения по национальности и родному языку» содержит статистическую информацию об общей численности представителей различных этнических групп и численности из них людей, считающих свой национальный язык родным. Эти данные дают возможность выявить национальный состав населения и уровень владения своим языком, уровень развития этнического самосознания¹.

Таблица «Распределение населения по национальности и второму языку» использовалась при проведении переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг., причем в 1970 г. таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку» и «Распределение населения по национальности и второму языку» были слиты в одну. Эта таблица дополняет картину этноязыкового развития населения Урала, поскольку в ней приведены данные о развитии билингвизма в регионе, о владении вто-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б, 1566-в, 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Переписи 1970, 1979, 1989 гг. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку».

рым языком – русским либо национальным – не в качестве родного. Таким образом, выявляется уровень функционирования национальных языков в рамках семьи, что очень важно в условиях, когда основным языком общения в социально-профессиональной сфере является русский. Сравнение данных этой таблицы с данными таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку» позволяет выявить уровень этнического самосознания населения различных этнических групп¹.

Таблица «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования» дает возможность рассмотреть в динамике процесс втягивания ранее изолированных нерусских этносов в социальную жизнь страны, определить начало этого процесса, уровень восприятия новых социальных реалий населением различных возрастных групп².

Национальные особенности хозяйствования отражены в таблицах «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам», «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства» и «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям». Эта статистика дает информацию об особенностях профессионального самоопределения представителей различных этносов и соответственно позволяет проследить влияние традиционных способов хозяйствования на выбор профессиональной сферы.

В 1959 г. все три таблицы были объединены в одну – «Распределение населения, имеющего занятия, по общественным группам, отраслям народного хозяйства и национальностям». Население наиболее крупных этносов было распределено по общественным группам: рабочие, служащие, колхозники, кооперированные кустари, крестьяне-единоличники, некооперированные кустари, лица свободных профессий, служители культа. Население каждой общественной группы распределялось по отраслям народного хозяйства и нескольким этническим группам³.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; Архив Свердлов. обл. ком. гос. статистики. Табл. 10с «Распределение населения по национальности и второму языку».

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3031, 3034, 3036, 3038, 3042, 3044, 3048, 7176, 7181, 7182, 7184, 7187, 7188, 7195; Архив Свердлов. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 32с «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Свердловская область».

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1976, 2005, 2008, 2019.

В программах следующих переписей эта таблица была разделена на три: «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам», «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства», «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям», и количество общественных групп сократилось до трех: рабочие, служащие и колхозники. Занимавшиеся индивидуальной трудовой деятельностью и служители культа были объединены с лицами, не указавшими общественную группу. По источнику средств существования население подразделялось на занятое, занятое в личном подсобном хозяйстве, пенсионеров и лиц, получавших ежемесячное государственное пособие, стипендиатов, иждивенцев отдельных лиц, прочих лиц, находившихся на обеспечении государства, и лиц, имевших иной источник средств существования. При этом учитывалось население всего трех наиболее крупных этнических групп – русские, татары и украинцы¹.

В таблице «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям» были выделены 46 видов занятий, разделенных на отдельные профессии. Также учитывалось население только русского, татарского и украинского этносов².

Таблицы «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту», «Распределение населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту» и «Распределение семей по их размеру и национальности членов семей» отражают этнические особенности естественного движения населения.

Таблица «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту», входившая в программу переписей 1979 и 1989 гг., позволяет выявить половозрастной состав населения, средний возраст этноса, степень и примерные темпы его старения, объемы воспроизводства. Население распределено по 5-летним возрастным категориям: 0–4 года, 5–9, 10–14, 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64, 65–69, 70–74, 75–79, 80–84, 85–89, 90–94,

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5523, 5524, 5525, 7437, 7438, 7439, 7440, 7441, 7442; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 34б «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам. Свердловская область».

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5508, 5513, 7487, 7492, 7493, 7496, 7499, 7500, 7506; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 34б «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям. Свердловская область».

95–99 лет, 100 лет и старше. Возрастные категории до 19 лет делятся на годовичные – до 1 года, 1 год, 2 года и т. д. Каждая возрастная категория разделена по полу – на мужчин и женщин¹.

Данные таблицы «Распределение населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту», вошедшей в программы переписей 1959, 1979 и 1989 гг., дают возможность выявить этнические особенности брачности, влияние этнических и религиозных традиций на уровень брачности, возраст заключения брака². Население в таблице разделено на мужчин и женщин, а также на возрастные категории от 15 лет (15–24 года – погодно, далее – по 5-летним категориям). Каждая категория делится на состоявших в браке на момент переписи, никогда не состоявших в браке, вдовых, разведенных. Приведенные в этой таблице статистические данные об уровне брачности в сочетании с данными о половозрастной структуре населения позволяют в динамике проследить процессы воспроизводства этноса и прогнозировать дальнейшую его судьбу.

Таблица «Распределение семей по их размеру и национальности членов семей», включенная в программы переписей 1959, 1970 и 1979 гг., представляет интерес для изучения влияния традиций на детность семей, принадлежащих к различным этносам, а также на интенсивность воспроизводства³. В программе переписи 1989 г. она была несколько изменена, и учитывалось количество членов семьи в целом (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и более) без указания их возраста, что не позволяет установить точное количество детей в семье. Однако графа «Семьи, где все члены семьи принадлежат к разным национальностям» предполагала выявление удельного веса этнически смешанных семей.

Миграционные процессы фиксировались обычно в ежегодной текущей статистике, поскольку население находилось в постоянном движении. По этой причине программы переписей населения длительное время не предусматривали сбор данных об этнических аспек-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7100, 7101, 7102, 7103, 7105; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 29с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту. Свердловская область».

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2994, 2996, 2998, 2999, 7128, 7130, 7131, 7132, 7134; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 30с «Распределение населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту. Свердловская область».

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3099, 3103, 3105, 3109, 5540, 5541, 5548, 7618.

тах миграции. Лишь в программе переписи 1979 г. появилась таблица «Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту», позволившая, по крайней мере, в общих чертах выявить интенсивность миграции населения отдельных этносов и их возрастной состав¹. Особенность ее состояла еще и в том, что статистические показатели группировались в ней по регионам в целом, а не по областям и республикам.

В программе переписи 1989 г. появляются три таблицы, предусматривавшие сбор данных об этническом составе мигрантов: «Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту», «Распределение мигрантов по предыдущему месту постоянного жительства, национальности и возрасту» и «Распределение населения по месту рождения и национальности»². Они позволяют определить направление миграционных потоков населения ряда этносов, их интенсивность, возрастную структуру мигрантов и в целом выявить степень влияния этномиграционных процессов на изменение этнической карты региона.

Тем не менее необходимо признать, что текущая статистика миграционных процессов является наиболее информативной. Большой интерес представляют *ежегодные статистические отчеты* по миграции населения различных этносов, хранящиеся в архиве отдела статистики населения Свердловского областного комитета государственной статистики.

Форма МЗ «Распределение мигрантов по полу и национальности» дает возможность в динамике проследить интенсивность миграции титульных наций республик Советского Союза, а также наиболее крупных этносов области. Население этнических групп разделено на мужчин и женщин, и обозначено направление миграции «город – село». Данная таблица также дает интересную информацию об уровне и темпах урбанизации ряда «сельских» этносов.

В форме АЗ «Распределение мигрантов по территориям прибытия, выбытия и национальности» отслеживается межреспубликанская миграция. Эта таблица достаточно четко выявляет увеличение интенсив-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7680.

² Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 54б «Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту»; табл. 55в «Распределение мигрантов по предыдущему месту постоянного жительства, национальности и возрасту»; табл. 57с «Распределение населения по месту рождения и национальности».

ности миграции этносов республик Средней Азии и Кавказа и отражает процесс постепенного складывания в области диаспор нового типа.

С 2000 г. формы ежегодной статистической отчетности по мигрантам были изменены. Отчет «Национальный состав мигрантов» показывает миграционное движение этносов в городских и сельских поселениях с учетом миграционного обмена внутри России, со странами ближнего и дальнего зарубежья. Отчет «Национальный состав мигрантов по странам СНГ и Балтии» содержит статистическую информацию о миграционном обмене с республиками бывшего СССР по этническим группам. Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья зафиксирован в отчетах «Национальный состав мигрантов по странам дальнего зарубежья». Однако достоверность некоторых количественных данных, представленных в отчетах по внешней миграции, весьма сомнительна. В частности, занижены цифры по миграции коренных национальностей кавказских республик, а также ряда стран Средней и Юго-Восточной Азии. Тем не менее эти ежегодные отчеты представляют большую ценность для изучения механического движения населения в регионе.

Большой интерес представляет ежегодный статистический отчет «Родившиеся и умершие по национальности» (форма А03), составлявшийся до 1998 г. Эти данные позволяют проследить не только этнические аспекты смертности, но и детскую смертность, в том числе младенческую (детей до 1 года). К тому же благодаря графе «в т. ч. родившихся, у которых отец другой национальности» можно проследить динамику этнически смешанных браков. Подобная статистика ведется отдельно по районам проживания народностей Севера, что также дает ценную статистическую информацию о рождаемости и смертности среди коренных народов, проживающих на Северном Урале.

В целом имеющиеся в распоряжении источники, как опубликованные, так и неопубликованные, несмотря на определенные недостатки, позволяют составить довольно полную картину этнодемографических процессов, происходящих на Урале во второй половине XX в. Обзор источниковой базы настоящего исследования показывает, что оно обеспечено необходимыми документами и материалами и позволяет решить поставленные в его рамках задачи.

Методологической основой исследования стала теория модернизации. Под модернизацией понимается процесс, в ходе которого традиционные общества трансформируются в индустриальные. Модер-

низация представляет собой многосторонний процесс, который включает в себя изменения в этнодемографическом развитии Уральского региона. Под модернизацией этнодемографического развития мы подразумеваем изменения пропорционального соотношения основных этносов, а также изменения в этнокультурном развитии, половозрастном составе, уровне рождаемости, образования и социально-профессиональном составе населения различных этносов Уральского экономического региона, происходившие под воздействием активных урбанизационных процессов и национальной политики государства.

Выбор в качестве объекта исследования влияния социально-экономического и политического развития государства, а также его национальной политики на этнодемографические процессы в Уральском регионе предполагает использование нами *междисциплинарного подхода*. Междисциплинарность обусловлена проведением демографических исследований в этнографии новейшего периода при сохранении *принципа историзма*. Данный принцип позволяет раскрыть исторические тенденции этнодемографических процессов. Инерция этнодемографического развития приводит к тому, что изменения совершаются в масштабах исторического времени, на протяжении жизни нескольких поколений. Объяснение таких этнодемографических процессов, как естественное движение различных этносов, их миграции невозможно без сопоставления с конкретной исторической обстановкой, с особенностями национальной политики и экономического развития государства.

Конкретная методика исследования включает в себя традиционные методы познания, использующиеся в исторической науке и демографии. Это проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, статистический, графический методы, а также метод системного анализа. В данном исследовании применялись методы обработки статистических данных, ставшие обычными в демографических работах такого рода: метод количественного анализа, метод альтернативной статистики и обработки динамического ряда.

Цель исследования определяется выбранным объектом исследования. Основная *цель* работы состоит в изучении этнодемографического развития Уральского региона в 1959–2002 гг. В связи с этой целью были определены следующие *задачи исследования*:

- проанализировать изменения численности основных этносов региона и факторы, влиявшие на эти изменения;

- изучить этнокультурное развитие основных этносов региона;
- рассмотреть этнические аспекты изменения социально-профессионального состава населения;
- исследовать тенденции межэтнической брачности населения;
- выявить этнические особенности естественного движения населения;
- рассмотреть этнические особенности миграционного движения населения.

В предлагаемом Вашему вниманию исследовании предпринята попытка изучения влияния внутренних (социально-экономическое положение) и внешних (национальная политика государства) факторов на развитие этнодемографических и этномиграционных процессов в Уральском регионе во второй половине XX в. В такой постановке и при таком хронологическом охвате данная проблема почти не рассматривалась в исторической науке. При этом учитывались как закономерности социально-экономического и политического развития государства, так и этнокультурные особенности развития этносов. Такой подход дал возможность выделить, с одной стороны, общие, а с другой – региональные особенности этнодемографического и этномиграционного развития, показать на примере Урала суть проходивших в России этнодемографических и этномиграционных процессов.

Исследование содержит значительный объем малоизвестной и неизвестной информации о влиянии национальной политики государства на этнодемографическое развитие Уральского региона. Эта информация может быть использована специалистами различного профиля. Исследование также позволяет внести определенные коррективы в привычные представления об этническом развитии Урала в 1959–2002 гг., как сформировавшиеся в общественном сознании, так и отраженные в научной литературе. Принципы и подходы, на основе которых проводилось исследование, могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения этнодемографического развития Урала и России.

Результаты работы могут найти применение в процессе преподавания исторического краеведения, демографии, этнографии и истории Урала, а также в работе государственных органов при проведении активной социальной и национальной политики.

Глава 1

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1959–2002 гг. И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЭТНОСОВ

1.1. Этнический состав Урала в 1959–2002 гг.

Уральский регион на протяжении многих веков являлся одним из центров миграционной активности населения, принадлежавшего к различным этносам. В результате нескольких мощных миграционных волн как естественного, так и принудительного характера постепенно сформировался современный этнический состав населения региона. Миграционные волны, наслаиваясь друг на друга, в конце концов сформировали современную этническую картину Урала. На первый взгляд этнический состав Уральского региона во второй половине XX в. был статичен и монолитен, однако проведенные нами этнодемографические исследования показывают, что в этот период происходили заметные сдвиги в этническом составе населения.

Всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и Всероссийская перепись 2002 г. свидетельствуют о том, что Уральский регион отличался высокой степенью этнического разнообразия. По результатам переписи 2002 г. большинство населения Урала относилось к славянской группе, представленной главным образом восточнославянскими народами – русскими, украинцами и белорусами. В совокупности они составляли 75,9% всего населения региона. Во вторую, менее значительную по численности группу входили представители тюркоязычных народов – башкир, татар, казахов и чувашей (15,8% всего населения). Третью по численности группу составляли угро-финские народы – коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва (6,5%)¹. На основании материалов переписи 1989 г. можно выделить и четвертую группу, в которую входили народы, чьи этнотерриториальные образования находились за пределами СССР, – евреи (0,3%) и немцы (0,7%)².

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 71–95.

² Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 130–134.

Рассмотрим динамику численности наиболее многочисленных этносов Уральского региона в 1959–1989 гг. (прил. 1). Привлеченные для анализа динамики численности отдельных этносов цифровые материалы показывают неуклонный рост общей численности подавляющего большинства представленных в регионе этносов. Но при общем увеличении численности темпы их прироста весьма неравномерны. Опираясь на числовые характеристики общей динамики всех народов Урала в 1959–2002 гг., можно подразделить их на следующие группы: крупные этнические общности, средние и малые.

Группу крупных народов образуют резко выделяющиеся по своей численности русские (74,0% в 2002 г.). Переписи населения фиксируют постоянное, хотя и незначительное, увеличение доли русских в общей численности населения Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей и Удмуртской Республики. Лишь в Курганской области и в Башкортостане в рассматриваемый период наблюдалось стабильное уменьшение доли русского населения: в Курганской области доля русского населения снизилась с 92,6% в 1959 г. до 91,5% в 2002 г., в Башкирии – с 42,4% в 1959 г. до 39,3% в 2002 г. Удельная доля русского населения была наиболее высокой на Среднем Урале, составив к 2002 г. 85,2% в Пермской области и 89,2% в Свердловской. В республиках и областях Южного Урала доля русского населения снижается с 81% в Челябинской области и 72,2% в Оренбургской до 39,3% в Башкирии¹. Тем не менее в течение 1959–2002 гг. русские остаются численно преобладающими во всех областях и республиках Уральского региона.

Группу средних этнических коллективов составляют татары, башкиры, удмурты и украинцы. По данным переписи 2002 г., средний удельный вес татар составлял по Уралу 7,8%, башкир – 5,8%, удмуртов – 4,5%, украинцев – 1,5%². Относительно большая доля представителей этих этносов объясняется тем, что одни из них на протяжении

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–7, 81–87, 107–112, 184–190; Д. 1566-а. Л. 46–52, 134–140, 157–164; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4: Национальный состав населения СССР. С. 96–97, 109, 111–112, 118, 126, 131, 146; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192. Л. 36; Д. 6195. Л. 22–23; Д. 6197. Л. 47; Д. 6199. Л. 34; Д. 6202. Л. 1–2; Д. 6203. Л. 12–13; Д. 6207. Л. 54–55; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 130–134; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 71–95.

² Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 71–95.

значительного отрезка времени были втянуты наряду с русскими в активные миграционные процессы (татары, украинцы), а другие в границах Уральского региона имели свои национально-территориальные образования, где соответственно и располагались места их компактного проживания (башкиры и удмурты).

При рассмотрении этнического состава населения каждой из областей и республик Урала можно выделить довольно существенные различия в пропорциональном составе основных этносов. Так, в республиках удельная доля титульных этносов была очень высока, хотя и имела тенденцию к снижению: в Башкирской АССР доля башкир составляла в 1959 г. 22%, в 1970 г. – 23,4%, в 1979 г. – 24,3% и к 1989 г. снизилась до 21,9%. За период 1979–1989 гг. резко снизилась и общая численность башкир в республике – с 935880 чел. в 1979 г. до 863808 чел. в 1989 г. (см. прил. 1). В Удмуртской АССР доля удмуртов стабильно и довольно существенно снижалась, составив в 1959 г. 35,5%, в 1970 г. – 34,2%, в 1979 г. – 32,2%, в 1989 г. – 30,9%. При этом общая численность удмуртского населения республики возрастала: если перепись 1959 г. показала 475913 чел., относивших себя к удмуртскому этносу, то в 1989 г. численность удмуртов составила 496522 чел. (см. прил. 1).

В областях Уральского региона эти этносы на протяжении 1959–1989 гг. составляли незначительную долю. Наиболее весомо башкиры были представлены в Челябинской и Оренбургской областях, причем там их удельный вес на протяжении рассматриваемого периода неуклонно возрастал: в Челябинской области доля башкирского населения увеличилась с 2,9% в 1959 г. до 4,5% в 1989 г., высокими темпами возрастала также и общая численность башкир в области (см. прил. 1); в Оренбургской области доля башкир возросла с 1,6% в 1959 г. до 2,5% в 1989 г. также при стабильном увеличении общей численности башкир. Удмурты составляли более или менее значительную долю на Среднем Урале – в Пермской и Свердловской областях. В Пермской области доля удмуртов неуклонно увеличивалась, составив в 1959 г. 0,7%, в 1970 г. – 1,0%, в 1979 и 1989 гг. – 1,1% при небольшом, но стабильном росте их общей численности. В Свердловской области удельный вес удмуртов был менее значителен и отличался большей стабильностью (в 1959 г. их доля составляла 0,2% от общей численности населения области, в 1970–1989 гг. – 0,5%), при этом также переписи отразили стабильный рост общей численности удмуртов (см. прил. 1).

Украинцы и татары в 1959–1989 гг. составляли наиболее значительные по численности этносы в большинстве регионов РСФСР, и Уральский регион не стал исключением. Значительный удельный вес украинцев в регионе был обусловлен прежде всего их активным участием в общероссийских миграционных процессах, шедших в данный период преимущественно по направлению с запада на восток, а также репрессивной политикой государства в 1930–50-е гг. (немалую долю узников лагерей на Урале составляли граждане украинской национальности). Наиболее весомую часть населения украинцы составляли в Оренбургской и Челябинской областях, хотя на всем протяжении рассматриваемого периода доля представителей этого этноса неуклонно снижалась: так, если в 1959 г. в Оренбургской области украинцы составляли 7% всего населения, то к 1989 г. – уже 4,7%; в Челябинской области доля украинцев снизилась с 4,5% в 1959 г. до 3% в 1989 г. Материалы переписей показывают, что численность украинцев особенно резко сокращается в период с 1959 по 1970 г., что, по всей видимости, отчасти связано и со снятием запрета на выезд бывших заключенных с территории спецпоселений, вызвавшим активный отток бывших узников уральских лагерей. Значительное сокращение численности украинцев произошло в данный период и в Пермской области: если перепись 1959 г. зафиксировала 71985 граждан украинской национальности (что составило 2,4% населения области), то перепись 1970 г. – всего 47791 чел. (или 1,6% населения). Сокращение численности и соответственно удельного веса украинцев на Урале происходило фактически повсеместно. Лишь в Удмуртской АССР эти показатели увеличивались, однако удельная доля украинцев в республике была невелика (от 0,5% в 1959 г. до 0,9% в 1989 г.), поэтому рост этого показателя повлиять на этнодемографическую ситуацию серьезно не мог (см. прил. 1).

Особое место в этнодемографической картине Уральского региона занимают татары. Сформировавшись уже к концу XIX в. в Приуралье в отдельную нацию, но не составляя ни в одном районе абсолютного большинства, тем не менее, они существенно влияли на этнодемографическое развитие Урала, поскольку отличались высокими темпами естественного прироста населения. Наряду с русскими татары на протяжении длительного времени принимали активное участие в заселении новых районов страны, в том числе и Урала. Несмотря на

разбросанность по различным районам страны, все татары имели четко выраженное этническое самосознание, единую мусульманскую религию (кроме небольшого числа крещеных татар) и близкий язык¹.

В рассматриваемый период татары расселялись по Уральскому региону неравномерно. Наибольший удельный вес татары имели на Южном Урале: в Башкирской АССР они составляли в 1989 г. 28,4% всего населения республики и занимали второе место по численности и удельному весу, обогнав по этим показателям титульную нацию – башкир, что отчасти стало причиной появления проблемы «татаро-башкирского узла» в межнациональных отношениях. Значительной удельная доля татар была в Оренбургской и Челябинской областях, а также в Удмуртской АССР (см. прил. 1). На Среднем Урале – в Пермской и Свердловской областях – удельная доля татар была значительно ниже, но, тем не менее, этот этнос также занимал второе место по численности после русских. Данные переписей населения по областям и республикам Урала показывают, что динамика численности татарского населения в регионе в 1959–2002 гг. довольно существенно варьировалась. В Курганской и Пермской областях рост численности татар, наблюдавшийся в 1959 – 1970 гг., сменился уменьшением в 1970–2002 гг. численности этноса, что можно объяснить общей тенденцией миграции населения из этих областей в районы газонефтедобычи, промышленного строительства и т. д. (в период 1970–1979 гг. в Курганской и Пермской областях имела место абсолютная убыль всего населения²). В Оренбургской, Свердловской, Челябинской областях, в Башкирии и Удмуртии в 1959–2002 гг. происходил стабильный рост численности татарского населения, однако его удельная доля в ряде областей снижалась. Так, в Свердловской области при росте общей численности татар их удельный вес незначительно уменьшился с 4,1% в 1970 г. до 3,7% в 2002 г. в основном за счет некоторого увеличения доли башкир, марийцев и представителей других, более мелких этносов. В Башкирской АССР в период 1970–1979 гг. также уменьшилась доля татар, что было связано как с оттоком татарской молодежи в Татарскую АССР, так и с общей тенденци-

¹ Кабузан В. М. Народы России до второй половины XIX в.: численность и этнический состав. М., 1992. С. 193.

² Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 40.

ей миграции из Башкирской АССР¹. В Оренбургской и Челябинской областях, а также в Удмуртской АССР в рассматриваемый период наблюдался стабильный рост численности татар.

И наконец, группу малых этнических общностей образуют народы со значительно меньшей численностью, чем вышеназванные этносы. Данная группа разнообразна по своему этническому составу и включает в себя более 60 компонентов. Сопоставление данных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. показывает, что в динамике численности этих народов имеются весьма существенные различия: у одних она стремительно выросла, у других прирост был незначителен, а численность некоторых даже уменьшилась.

Наиболее многочисленны среди них представители народов Поволжья и Приуралья угро-финской и тюркской языковых групп – марийцы, мордва и чуваша, а также славянской языковой группы – белорусы. За рассматриваемый период их совокупная численность на Урале фактически не увеличилась. Незначительное возрастание численности наблюдалось у марийцев (с 1959 по 2002 гг. в 1,2 раза) и чувашей (в 1,1 раза), в то время как численность мордвы и коми-пермяков сократилась соответственно на 15 и 10%². Стагнация роста численности населения данных этносов и ее уменьшение связаны, вероятно, с тем, что при среднем уровне рождаемости в однонациональных браках в этнически смешанных семьях (русско-марийских, русско-мордовских и т. д.) дети относили себя чаще к русской национальности. Не последнюю роль в уменьшении численности сыграли и активные миграционные процессы, также способствовавшие ассимиляции³. Те же демографические тенденции были характерны и для белорусского этноса. По данным переписи 2002 г. белорусы составляли от 0,2% всего населения в Удмуртской Республике до 0,6% в Челябинской области. Из-за активных ассимиляционных процессов их численность и удельный вес на Урале, особенно на Среднем, доволь-

¹ Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале в XVII–XX вв. Уфа, 1992. С. 51.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–7, 81–87, 107–112, 184–190; Д. 1566-а. Л. 46–52, 134–140, 157–164; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 71–95.

³ Фаузер В. В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994. С. 11–12.

но быстро сокращались, лишь в Удмуртии на протяжении второй половины XX в. эти показатели росли¹.

Коми-пермяки компактно расселялись на территории своего национального округа, входившего в состав Пермской области; их удельная доля в остальных областях и республиках Урала была ничтожно мала. В Коми-пермяцком национальном округе коми-пермяки составляли в 1970 г. 58,3%, в 1979 г. – 61,4%, в 1989 г. – 60,2% всего населения², в целом же по Пермской области удельная доля коми-пермяков не превышала 4,6% всего населения (см. прил. 1).

От переписи к переписи наблюдается стабильное увеличение доли представителей нетипичных для Урала национальностей Северного Кавказа и Закавказья. Темпы этого процесса можно рассмотреть на примере Свердловской области (табл. 1).

За период 1970–2002 гг. совокупная численность этой группы выросла в 3,2 раза. Из представленных в области 20 кавказских народов по своей численности выделяются азербайджанцы, армяне и грузины, составлявшие вместе к концу рассматриваемого периода 71,8% всех представителей Северного Кавказа и Закавказья. Наибольшим приростом численности отличается азербайджанская группа (в 12,3 раза – с 1227 чел. в 1959 г. до 15171 чел. в 2002 г.), несколько меньший прирост наблюдается у армян (в 5,4 раза – с 2061 до 11093 чел. соответственно) и грузин (в 1,5 раза – с 1704 до 2656 чел.). На протяжении периода резко возросла численность народов Северного Кавказа – в 3 раза. Среди них наиболее многочисленными в области являлись чеченцы, лезгины, осетины и аварцы, резко увеличившие за период 1970–2002 гг. свою численность: так, численность чеченцев в области возросла в 2,8 раза (с 329 чел. в 1959 г. до 920 чел. в 2002 г.), лезгин – в 6 раз (с 205 до 1246 чел. соответственно), аварцев – в 5,4 раза (со 126 до 680 чел.). Возрастала численность и более мелких народностей северокавказского региона: в 2,4 раза (со 148 до 358 чел.) увели-

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–7, 81–87, 107–112, 184–190; Д. 1566-а. Л. 46–52, 134–140, 157–164; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. С. 96–97, 109, 111–112, 118, 126, 131, 146; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192. Л. 36; Д. 6195. Л. 22–23; Д. 6197. Л. 47; Д. 6199. Л. 34; Д. 6202. Л. 1–2; Д. 6203. Л. 12–13; Д. 6207. Л. 54–55; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 71–95.

² Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 132.

чило число ингушей, в 10 раз – табасаранов (с 18 до 182 чел.). Численность остальных северокавказских народов не превышала 100 чел.¹

Таблица 1

Численность этнических групп Закавказья и Северного Кавказа в Свердловской области (по материалам переписей населения 1970, 1979, 1989 и 2002 гг.), чел.²

Национальность	Численность населения			
	1970	1979	1989	2002
Армяне	2061	2961	3684	11093
Азербайджанцы	1227	3672	7290	15171
Грузины	1704	1762	2161	2656
Абхазы	92	96	263	91
Чеченцы	329	397	915	920
Лезгины	205	393	891	1246
Аварцы	126	312	556	680
Ингуши	148	127	391	358
Табасараны	18	47	222	182
Осетины	708	720	850	710

Из наиболее многочисленных народов Средней Азии и Казахстана выделялись казахи, киргизы, туркмены и таджики (табл. 2). В течение 50 лет их совокупная численность увеличилась в 1,9 раза. Самой крупной этнической общностью этой группы были казахи, составлявшие к 2002 г. 61,2% всех названных среднеазиатских народов. В отличие от остальных этнических групп Средней Азии, представленных на Урале, казахи являются одной из коренных этнических групп региона, достаточно компактно расселенной в областях Южного Урала. Наиболее значительный удельный вес казахов на протяже-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1-7, 81-87, 107-112, 184-190; Д. 1566-а. Л. 46-52, 134-140, 157-164; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. С. 96-97; 109, 111-112, 118, 126, 131, 146; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192. Л. 36; Д. 6195. Л. 22-23; Д. 6197. Л. 47; Д. 6199. Л. 34; Д. 6202. Л. 1-2; Д. 6203. Л. 12-13; Д. 6207. Л. 54-55; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 71-95.

² Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1970 г. Табл. 7с «Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. Свердловская область». Л. 17-26; Перепись 1979 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 9-18; Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку».

нии второй половины XX в. сохранялся в Курганской, Оренбургской и Челябинской областях. В Оренбургской области казахское население было наиболее многочисленно и составляло к 2002 г. 5,8% всего населения, увеличив свою численность за 50 лет в 1,6 раза (с 77708 чел. в 1959 г. до 125568 чел. в 2002 г.). Высокие темпы прироста были свойственны и казахам Курганской и Челябинской областей, где их удельная доля выросла в Курганской области с 0,9% в 1959 г. (9740 чел.) до 1,5% в 2002 г. (14697 чел.), а в Челябинской – с 0,7% (22813 чел.) в 1959 г. до 1,0% (36219 чел.) в 2002 г.¹

Таблица 2

Численность представителей коренных народов Средней Азии и Казахстана в Свердловской области (по материалам переписей населения 1970, 1979, 1989 и 2002 гг.), чел.²

Националь- ность	Численность населения			
	1970	1979	1989	2002
Таджики	357	1230	1427	6125
Казахи	4210	4302	6354	4403
Киргизы	240	693	1330	1923
Туркмены	587	642	1264	314

Таджики, киргизы и туркмены относились к самым немногочисленным этническим группам Уральского региона, но темпы их прироста в рассматриваемый период были настолько высоки, что к концу XX в. они стали существенно влиять на этнодемографическую обстановку в регионе. Только в Свердловской области с 1970 по 2002 г. численность таджиков выросла в 17 раз (с 357 до 6125 чел.), киргизов – в 8 раз (с 240 до 1923 чел.).

Во второй половине XX в. низкие темпы прироста были характерны для представителей всех трех прибалтийских республик. Наибольшее количество прибалтийцев к 1959 г. проживало в Пермской

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–7, 81–87, 107–112, 184–190; Д. 1566-а. Л. 46–52, 134–140, 157–164; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. С. 96–97, 109, 111–112, 118, 126, 131, 146; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192. Л. 36; Д. 6195. Л. 22–23; Д. 6197. Л. 47; Д. 6199. Л. 34; Д. 6202. Л. 1–2; Д. 6203. Л. 12–13; Д. 6207. Л. 54–55; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 71–95.

² Рассчитано по: Там же.

и Свердловской областях, а также в Башкирской АССР, где на протяжении длительного времени существовали латышские диаспоры¹.

Таблица 3

Численность представителей прибалтийских этнических групп на Урале (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.), чел.²

Национальность	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермская область	Башкирская АССР
Литовцы	2060	624	138	268	3025	771
Латыши	1258	889	147	262	1078	3804
Эстонцы	1329	1390	124	...	1128	762
Всего	4647	2903	409	530	5231	5337

Примечания:

1. Данных по численности прибалтийских народов в Удмуртской АССР нет.
2. Здесь и далее многоточием обозначено отсутствие сведений.

В Свердловской области они в совокупности составляли в 1959 г. 0,1% всего населения, в 1989 г. – лишь 0,06%. По сравнению с итогами переписи населения 1959 г. произошло снижение численности литовской группы на 20%, латышской – на 30%, эстонской – почти в 2 раза. Наличие довольно большого числа представителей прибалтийских этнических групп на Урале к середине XX в. было результатом массовых репрессий 1930–1950-х гг., и стремительное сокращение их численности объясняется общей для бывших узников лагерей тенденцией к возвращению в свои этнотерриториальные образования, входившие в состав СССР.

Динамика численности народов Урала, чьи этнотерриториальные образования находились за пределами СССР, отличалась неустойчивостью. За изучаемый период в Свердловской области совокупная численность наиболее многочисленных этносов в данной категории уменьшилась на 42%, произошли существенные изменения не только в перечне представителей зарубежных этносов, постоянно проживающих на Урале, но и в соотношении их общей численности. Нарисовать полную статистическую картину соотношения этих этносов в течение всего рассматриваемого периода не представляется

¹ См.: Блинкена А. Я. Указ. соч.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку».

возможным из-за отсутствия статистики по ряду этносов в материалах переписи населения 1959 г. Однако по имеющимся данным переписей 1970, 1979 и 1989 гг. можно проследить тенденцию уменьшения одних групп и увеличения других (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности представителей зарубежных национальностей Свердловской области (по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.)¹

Националь- ность	Численность населения, чел.				1989 г. в % к 1959 г.*
	1959	1970	1979	1989	
Немцы	53137	36226	33588	31461	59,2
Евреи	26016	21252	18349	14317	55,0
Поляки	4100	3291	2967	2626	64,0
Болгары	3008	1875	1765	1549	51,4
Греки	1806	1295	1189	1352	74,8
Корейцы	...	580	618	632	108
Финны	734	544	443	337	45,9
Румыны	...	97	184	164	169,0
Венгры	...	136	98	120	88,2
Сербы	...	50	44	95	190,0
Китайцы	...	115	88	68	59,1
Чехи	...	93	82	60	64,5

* При отсутствии данных за 1959 г. процентное соотношение рассчитано от данных за 1970 г.

Из приведенных данных видно, что в течение 1959–1989 гг. происходили существенные изменения в соотношении рассматриваемых этнических групп. На протяжении 30 лет преобладающими по численности этническими группами оставались немцы и евреи, составлявшие вместе к 1989 г. 87% представителей всех зарубежных народов в Свердловской области. Однако их численность, как и численность других довольно крупных этнических групп этой категории – поляков, болгар, греков, финнов, в течение рассматриваемого периода стремительно сокращалась.

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1970 г. Табл. 7с «Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. Свердловская область». Л. 17–26; Перепись 1979 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 9–18; Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку».

Особенно резкое сокращение численности произошло в период 1959–1970 гг., когда еще наблюдался отток с Урала бывших узников лагерей. Немалую роль играли и общие миграционные процессы: В. Б. Игнатьева в своем диссертационном исследовании отмечает увеличение численности немцев в Якутии за тот же период в 2,3 раза, поляков – на 97%¹, что свидетельствует об активном участии представителей перечисленных этносов в общероссийских миграционных процессах. В то же время в Свердловской области неуклонно возрастала численность сербов, наблюдался незначительный рост численности корейцев. Динамика численности румын и венгров носила волнообразный характер: в отдельные периоды она резко возрастала, затем столь же резко снижалась. Тем не менее изменение численности населения этих небольших этносов не могло существенно повлиять на этнодемографическую обстановку в регионе.

Этническую картину Уральского региона сложно представить без аборигенного населения Среднего и Северного Зауралья – хантов и манси, хотя их численность весьма невелика. Перепись 1989 г. зафиксировала представителей 23 народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживавших на территории Свердловской области. Ханты и манси были самыми крупными по численности группами, в совокупности составляя 62,3% всех представителей народов Севера. Динамику численности народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с начала изучаемого периода проследить достаточно сложно, поскольку в программе переписи 1959 г. эти этнические группы не выделялись, но последующие переписи содержат статистику, позволяющую проследить изменения в их численности (табл. 5).

Приведенные в табл. 5 данные позволяют сделать вывод о том, что численность этих народов отличалась крайней нестабильностью, основной причиной которой также являлись активные миграционные процессы. Народы, насчитывавшие всего несколько человек, никак не влияли на этнодемографическую картину региона. Численность хантов, манси и ненцев постепенно увеличивалась благодаря патерналистской опеке государства. Как считает Е. А. Пивнева, манси стали терять «демографическую устойчивость» примерно с 1960–70-х гг. в связи с развернувшимися на территории их проживания государственными мероприятиями (переселение в укрупненные поселки), итогом которых

¹ Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Республики Саха (Якутия) 1959–1989 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1993. С. 27.

стало нарушение естественного механизма связи хозяйства и расселения с природой. Однако, как считает исследователь, в советский период демографического обвала не произошло, так как государство взяло на себя функцию поддержки исчезающих народов. Линия государственной политики на сохранение малочисленных народов Севера могла поддерживать их численность на должном уровне¹.

Таблица 5

Динамика численности представителей народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока в Свердловской области (по материалам переписей 1970, 1979 и 1989 гг.)²

Националь- ность	Численность населения, чел.			1989 г. в % к 1970 г.*
	1970	1979	1989	
1	2	3	4	5
Манси	277	262	315	113,7
Ханты	64	111	119	185,9
Ненцы	35	52	84	240,0
Долганы	5	16	31	620,0
Эвенки	12	64	30	250,0
Коряки	4	27	19	475,0
Эвены	8	6	19	237,5
Селькупы	4	15	17	425,0
Нанайцы	7	10	9	128,5
Юкагиры	1	4	9	900,0
Саамы	—	8	7	87,5
Алеуты	1	4	5	500,0
Ительмены	2	1	5	250,0
Нивхи	4	1	4	100,0
Чуванцы	—	—	4	—
Удэгейцы	5	4	3	60,0
Нганасаны	—	2	3	150,0
Эскимосы	2	1	3	150,0

¹ Пивнева Е. А. Этнодемографические процессы у манси в XVIII–XX вв. (в аспекте проблем естественного воспроизводства): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

² Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1970 г. Табл. 7с «Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. Свердловская область». Л. 17–26; Перепись 1979 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 9–18; Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку».

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5
Энцы	–	–	3	–
Кеты	–	7	2	28,5
Чукчи	11	3	2	18,1
Орочи	–	1	2	200,0
Ульчи	2	2	1	50,0

* При отсутствии данных за 1970 г. процентный расчет сделан от данных за 1979 г.

Таким образом, кардинальных изменений в этническом составе населения Уральского региона в течение изучаемого периода не происходило, этнический состав всех областей и республик Урала оставался пестрым и стабильным. Однако источники – материалы переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. – показали существенные сдвиги в соотношении отдельных этносов. Эти сдвиги не носили кардинального характера и не могли дестабилизировать межнациональные отношения в многонациональном регионе, но, тем не менее, они выявили те тенденции, которые впоследствии, к концу XX в., проявились более ярко (проблема «татаро-башкирского узла», стремительный рост диаспор нового типа и т. д.). На изменение соотношения различных этносов влияли особенности как естественного, так и механического их движения, которые рассмотрены в последующих главах.

1.2. Национальная политика и этноязыковые процессы в регионе

Проблема сохранения и функционирования национальных языков была и остается актуальной для многонациональной России. Как писал Ю. В. Бромлей, из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее отчетливо выраженными этническими функциями. Являясь средством общения людей, язык обслуживает все сферы человеческой жизнедеятельности. В этом отношении он как бы олицетворяет всеобъемлющий характер культуры в целом, обеспечивая фиксацию, хранение и передачу соответствующей информации. В силу таких своих свойств язык в пределах каждой этнической общности, с одной стороны, выступает главным фактором культурной интеграции этноса, с другой – важнейшим средством осуществления межпоколенной культурной преемственности в его рамках. Являясь важнейшим коммуникативным сред-

ством, язык в то же время выполняет и весьма существенные сигнификативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенной группе¹.

Такой исторический процесс, как передвижение по экономическим мотивам представителей различных этносов по территории бывшего СССР, привел в Уральском регионе к довольно сложным этнотерриториальным и этнодемографическим результатам, которые оказывают большое влияние на характер и направленность современных этнических процессов. Их содержание во многом определяется динамикой отдельных этносов в этнической структуре населения, реально складывающимися межэтническими отношениями, а также возможностями представителей различных этнических коллективов в плане формирования оптимальных адаптивных механизмов в изменявшейся этнополитической ситуации в масштабах Урала и в целом Российской Федерации. В связи с этим в целях научного обеспечения национальной политики необходимы исторические исследования с учетом этнокультурной специфики региона, поскольку многие современные межнациональные проблемы и противоречия уходят корнями в историю. С учетом того что население Уральского региона представляет собой конгломерат народов, большое значение приобретает изучение различных аспектов жизнедеятельности этносов.

Для каждого этноса главным является стремление к сохранению собственной этнической специфики или же его способность адаптироваться к новому этническому окружению². Одним из важнейших показателей проявления этих качеств выступает состояние функционирования национальных языков³.

В специальной литературе имеется множество трактовок термина «языковая ситуация»⁴. Для нас же более приемлема трактовка тер-

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 53–54.

² Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе: социол. очерки. Л., 1987. 174 с.

³ Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 12.

⁴ Аврорин В. А. Языковая ситуация как предмет социальной лингвистики // Изв. СО АН СССР, Сер. обществ. наук. 1973. № 11, вып. 3. С. 126–131; Никольский Л. Б. Проблемы изучения языковой ситуации и языковых процессов в странах Азии и Северной Африки. М., 1970. С. 4–12; Губогло М. Н. Этнолингвистические контакты и двуязычие // Социальное и национальное: опыт этносоциол. исслед. по материалам Татар. АССР. М., 1973. С. 231.

мина Ч. Фергюссоном: «Языковая ситуация... относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные: как, сколько языков и какого рода языки используются в данном ареале, сколько человек на них говорит и при каких обстоятельствах, каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива»¹. При этом мы учитываем, что образование всякой языковой ситуации не может рассматриваться как процесс имманентный. Слишком очевидна ее обусловленность культурными, историческими, демографическими, географическими, экономическими, социальными, собственно лингвистическими и политическими факторами, прежде всего языковой политикой, осуществляемой государством².

Длительное время отношение к проблеме сохранения и функционирования национальных языков определяло национальную политику государства, становилось индикатором взаимоотношений государственной власти и «национальных меньшинств», а также состояния этнической жизни общества в целом. Языковая политика в изучаемый период регламентировалась рядом специальных постановлений. Изменения социально-политической ситуации в СССР в 1930-е гг. привели к принятию СНК СССР и ЦК ВКП(б) 13 марта 1938 г. постановления «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»³. Постановление не содержало положений, явно ущемлявших национальные языки, однако его практическое осуществление открыло «...полувековой период ограничения сферы функционирования родных языков в образовании»⁴. Вместе с тем по всей стране развернулась работа по ничем не обоснованному переводу национальных языков с латинской графики на русскую. Новые алфавиты, в отличие от латинизированных, составлялись наспех и недостаточно квалифицированно. При этом целому ряду языков отводилась судьба «неперспективных», и об алфавитах для них вообще

¹ Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1977. С. 131.

² Социальное и национальное: опыт этносоциол. исслед. по материалам Татар. АССР. С. 321.

³ Народное образование в РСФСР. М., 1970. С. 107.

⁴ Российское образование в переходный период: программа стабилизации и развития / М-во образования РФ. М., 1990. С. 54.

не заботились, что выглядело как «...преступное разбазаривание культурного потенциала этносов»¹.

В конце 1950-х гг. главный акцент был сделан на распространении русского языка во всех сферах хозяйственной и культурной жизни народов СССР. Так, в 1958 г. во время школьной реформы был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране», согласно которому изучение национального языка и обучение на нем ставились в зависимость от воли родителей². Поскольку будущий социальный статус ребенка зависел от его знания русского языка и вовлеченности в русскую культуру, то можно представить, каким было решение родителей. В результате количество учащихся, изучающих свой национальный язык в школах РСФСР и союзных республик, заметно уменьшилось (табл. 6).

В основе такой национальной политики лежал социально-классовый подход. Вывод, сделанный на XXVI съезде КПСС, гласил, что в формировании и развитии советского народа как новой исторической общности людей главную роль играют социально-классовые факторы. При этом снова подчеркивалось, что в социалистическом обществе классовые интересы определяют национальные и в основном, главном совпадают с ними³. Такая политика проводилась в двух направлениях: широкое распространение русского языка и приобщение к современной культуре. Вместе с тем распространение русского языка не являлось результатом целенаправленной русификаторской политики центра. Как считает В. И. Бакланов, цель была другая и диктовалась она социально-экономическими мотивами: на базе распространения русского языка и русско-советской индустриальной культуры подготовить условия для полного социального, экономического и национального единства страны⁴. Факты говорят не о процессе русификации, а скорее всего о процессе денационализации и унификации общества. Однако у народов и этнических групп в СССР это создавало иллюзию

¹ Дьячков М. В. Родной язык и межэтнические отношения // Социол. исслед. 1995. № 11. С. 69.

² Народное образование в СССР: сб. документов. 1917–1973. М., 1974. С. 51.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 13.

⁴ Бакланов В. И. Национальные движения в СССР. 1953–1985: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 52.

целенаправленной политики русификации¹, прежде всего в среде национально ориентированной интеллигенции, но выражаемое ею недовольство пока еще не имело массовой поддержки, и национально-языковые проблемы были прочно загнаны вглубь до конца 1980-х гг.

Таблица 6

Обучение в дневных общеобразовательных школах РСФСР
на русском языке и языках других национальностей²

Языки	Количество учащихся, тыс. чел.			В процентах от общей численности учащихся		
	1980/81 уч. г.	1986/87 уч. г.	1988/89 уч. г.	1980/81 уч. г.	1986/87 уч. г.	1988/89 уч. г.
Русский	16832	18320	18881	97,10	98,10	98,20
Башкирский	68	55	44	0,40	0,30	0,20
Бурятский	6	6	14	0,04	0,03	0,10
Языки народ- ностей Даге- стана	59	52	51	0,30	0,30	0,30
Коми-пермяц- кий	1	0,2	—	0,00	0,00	—
Марийский (горный и лу- говой)	14	11	12	0,10	0,10	0,10
Мордовский (эрзя и мокша)	12	5	4	0,10	0,02	0,02
Татарский	217	108	98	1,30	0,60	0,50
Тувинский	38	30	29	0,20	0,20	0,10
Удмуртский	2	2	2	0,01	0,01	0,01
Чеченский	1	0,2	—	0,01	0,00	—
Чувашский	58	44	37	0,30	0,20	0,20
Якутский	46	37	54	0,30	0,20	0,30

Еще больший ущерб системе образования, функционированию и развитию этнических языков, совокупной культуре страны был нанесен на рубеже 1950–60-х гг., когда СССР вступил в фазу зрелого индустриального развития. Бурное развитие научно-технических достижений Советского Союза в этот период совпало с возрождением со-

¹ Барсенков А. В. Русский народ в межнациональных отношениях (к преодолению стереотипов) // Вестн. Моск. гос. ун-та. 1991. № 5. С. 78.

² Народное образование и культура в СССР: стат. сб. М., 1989. С. 88.

циальной утопии в форме новых проектов ускоренного построения социализма. Идеологический «штурм неба» состоялся в октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС, где была принята программа форсированного строительства коммунизма, в ходе которого, по мнению Н. С. Хрущева, будет достигнуто полное единство наций СССР¹. Одной из главных теоретических новаций хрущевского периода стала концепция советского народа как «новой исторической общности людей различных национальностей», о чем было заявлено с трибуны XXII съезда КПСС². Это была очередная попытка деэтнизировать население и, по сути, подорвать этническую культуру, отказаться от многих языков, не утративших функциональные возможности.

Политика расширения школ с изучением русского языка приобрела широкий размах в 1970–80-х гг. По правительственному постановлению от 29 августа 1978 г. «О дальнейшем совершенствовании изучения и преподавания русского языка в союзных республиках» министерства народного образования союзных республик вводили в подведомственных учебных заведениях углубленное изучение русского языка за счет перераспределения часов в учебных планах³.

Борьба народов за сохранение своей этнической культуры, языка, интересов объявлялась рецидивом национализма и рассматривалась как противоречащая советскому интернационализму. Нивелировка, растворение культур малых народов в культуре больших очень часто выдавались за объективный процесс сближения и слияния наций в единую «советскую семью». Считалось, что «уменьшение числа национальностей в СССР и рост многонациональности республик... приведут к тому, что национальный состав населения СССР в целом и каждой из союзных республик в отдельности станет в основном идентичным»⁴. Причем отрицание национального совершалось без внешнего насилия. «Ведь никто, – отмечает И. М. Дзюба, – не стоял с палкой, приказывая говорить непременно по-русски, но создали обстановку, при которой украинцу с родным языком было не прожить. Это работало и на ослабление национальной культуры»⁵. Однако столь агрессив-

¹ Программы и уставы КПСС. М., 1969. С. 190.

² Материалы XXII съезда КПСС. С. 191.

³ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1961–1986 гг.). М., 1987. С. 82.

⁴ Советский народ – строитель коммунизма. М., 1981. С. 300.

⁵ Дзюба И. М. И ничего не скрывая // Сов. культура. 1990. 28 июля.

ная борьба коммунистической идеологии с любым выражением национального в СССР приводила к обратному результату – действительно порождала национализм, который являлся формой защиты этнических культур от нивелировки и унификации. Недооценка фактора социального статуса и функционирования миноритарных языков – языков, принадлежащих малочисленным этносам и обладающих ограниченным полем общественной жизнедеятельности, – в ходе осмысления национальных отношений во многом определяется мнением, что вся межэтническая коммуникация может довольно эффективно и адекватно осуществляться на более распространенном в данном обществе (мажоритарном) языке. Между тем использование в качестве средства межэтнического взаимодействия только одного мажоритарного языка нередко приводит к неполной коммуникации или вообще к ее прерыванию, когда не очень хорошо владеющие им лица переходят на родной язык. Еще одно обстоятельство выделил М. В. Дьячков: неоправданное сужение функциональности миноритарного языка создает у его носителей внутреннюю психологическую напряженность, подчас имеющую скрытый характер и резко проявляющуюся в моменты социально-экономических потрясений¹.

Но коренное изменение этноязыковой ситуации на Урале связано с интенсивной миграцией населения из различных регионов СССР. Результатом миграционных процессов и национальной политики Советского государства стало существенное сокращение численности нерусского населения, свободно владеющего своим языком и считающего его родным. Такая тенденция была свойственна как для РСФСР в целом, так и для Уральского региона в частности. Ситуация осложнялась и тем, что многочисленные этносы на Урале проживали в условиях абсолютного превалирования русского населения и расселялись, как правило, дисперсно, что усиливало ассимиляционные процессы (прил. 2).

Особенно негативно национальная политика государства сказалась на довольно многочисленных на Урале этносах, чьи этнотерриториальные образования находились за пределами СССР, – *евреях* и *немцах*. Во многом по политическим мотивам государство активно препятствовало созданию благоприятных условий для этнокультурного развития этих народов, и одними из основных направлений национальных движений в СССР стали движения депортированных на-

¹ Дьячков М. В. Указ. соч. С. 67.

родов за предоставление им конституционных прав (немцы) и движение за эмиграцию из СССР (евреи, частично немцы), а также движения, ориентированные на защиту и сохранение этнической культуры и языка (что было связано с борьбой за предоставление автономии).

Крайне негативно на этнокультурном развитии российских немцев отразилась ликвидация в сентябре 1941 г. Республики Немцев Поволжья, когда вышел указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»¹. На Урале появление большого количества граждан СССР немецкой национальности было связано с мобилизациями советских немцев «для нужд народного хозяйства» в период Великой Отечественной войны. 1948 г. ознаменовался ужесточением режима проживания немцев: по Указу Верховного Совета СССР им запрещалось возвращаться на довоенные места жительства. За самовольный выезд – 20 лет каторги². Только в 1972 г. было отменено ограничение права на выбор места жительства.

Во всех областях и республиках Урала немцы фигурируют в качестве одного из крупных этносов. Лишенные возможности сохранить и развивать свою культуру, разбросанные по лагерям, они стремительно начали терять важнейшую составляющую этнического самосознания – национальный язык. Негативную тенденцию отразили переписи населения (табл. 7).

Наибольшее количество немцев считало свой национальный язык родным там, где располагались компактные немецкие поселения, – в Оренбургской области. Они позволяли, насколько это было возможно в сложившихся политических условиях, сохранять культуру и язык. Стремительно теряли языковые навыки немцы в областях с особенно высокой удельной долей русского населения – в Свердловской и Пермской, а также в Курганской области, где их удельная доля была низкой, а расселение – дисперсным. Таким образом, восстановление этнотерриториального образования российских немцев стало обязательным условием сохранения их как нации на территории Советского государства. В итоге к началу исследуемого периода глав-

¹ Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 7 сент. 1941 г. // История российских немцев в документах (1769–1992 гг.). С. 163.

² Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 26 нояб. 1948 г. // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 176.

ными мотивами национального движения советских немцев являлась борьба за восстановление автономии в Поволжье и эмиграция немцев на историческую родину (в Германию). Причем на разных этапах национального движения эти две составляющие шли параллельно друг другу, но до 1970-х гг., безусловно, преобладало движение за автономию. Это объяснялось тем, что на раннем этапе национального движения советские немцы возлагали большие надежды на власть, веря в ее способность восстановить ликвидированное ранее конституционное право немцев иметь свою автономию. Кроме того, жесткая репрессивная политика властей в этот период по отношению к эмиграции вообще, независимо от ее этнического состава, не позволяла этому явлению иметь широкую социальную базу. После Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»¹ высшим руководителям партии и правительства стали поступать письма и петиции от советских немцев с требованиями их полной реабилитации и восстановления государственной автономии в Поволжье².

Таблица 7

Численность немцев Урала, считающих родным языком немецкий, по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг. (относительные данные на 1000 чел.)³

Год	Курган- ская область	Орен- бург- ская область	Перм- ская область	Сверд- ловская область	Челя- бинская область	Баш- кирская АССР	Удмурт- ская АССР
1959	585	786	695	665	562	601	784
1979	334	686	412	373	355	494	526
1989	331	658	324	334	331	469	427

¹ О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении: Указ Президиума Верхов. Совета СССР // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 177.

² Бакланов В. И. Указ. соч. С. 89.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–2, 81–82; Д. 1566-а. Л. 134; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 130–134; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1979 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 9–18; Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку».

Однако борьба советских немцев за восстановление своих прав растянулась на долгие десятилетия. Над ними долго висело клеймо предателей и изменников, которое было снято с них Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г.¹ Все это приводило к фактически скрытой дискриминации местными властями советских немцев. Ущемление немцев наблюдалось не только в развитии культуры, языка, но и при поступлении в вузы, при приеме в партию и назначении на руководящие партийные и хозяйственные посты².

Последствия языковой дискриминации не могли не проявиться в материалах переписи населения 1989 г. Каждое последующее поколение уральских немцев теряло навыки общения на своем языке. В Свердловской области, где немцы занимали по численности четвертое место, из 1000 представителей немецкой национальности в возрасте 60 лет и старше лишь 646 чел. называли немецкий своим родным языком, в возрасте 40–59 лет – 362 чел., в возрасте 20–39 лет – 187 чел., в возрасте 10–19 лет – 121 чел.³

Национальная политика сталинского периода характеризовалась также неприкрытым антисемитизмом. Смерть Сталина и приход к власти «коллективного руководства», как и последующие политические изменения в стране, дали надежду многим советским евреям на то, что с государственной политикой антисемитизма отныне будет покончено. Действительно, официальный антисемитизм практически не присутствовал в государственной политике СССР, однако это не означало перехода к политике доверия властей к лицам еврейской национальности. На практике это приводило к продолжению негласной дискриминации евреев в политической и военной деятельности, хотя, конечно, не в таких масштабах. В партийном и государственном руководстве страны оставались сомнения в полной лояльности евреев к Советскому государству. В советском обществе продолжал сохраняться бытовой антисемитизм. Не были также восстановлены многие куль-

¹ О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 29 авг. 1964 г. // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 178–179.

² История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 211, 242, 251, 254.

³ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 10.

турные, образовательные учреждения евреев, закрытые в сталинский период борьбы с «космополитизмом». Все это вызывало недоверие многих евреев к советской власти и подпитывало в них эмиграционные настроения, принявшие большой размах в 1970-е гг. Особенностью еврейского национального движения было сочетание двух основных тенденций: этнокультурной (за возрождение и отстаивание своей культуры, религии, языка) и политической (борьба за выезд в Израиль). В 1950-х и первой половине 1960-х гг. в еврейском национальном движении преобладало этнокультурное направление. Это объяснялось, во-первых, жесткой советской политикой запретов в 1950-е гг. по отношению к эмиграции из СССР вообще, а во-вторых, тем, что многие поколения советских евреев чувствовали свою «укорененность» в Советском Союзе и не стремились к репатриации в Израиль. Поэтому эмиграция советских евреев в эти годы была сравнительно небольшой.

Аномалии в положении евреев в стране продолжали оставаться на протяжении всего хрущевского периода. На официальном уровне с ними обращались как с национальным меньшинством, которое в отличие от других меньшинств не имело ни политической, ни культурной автономии. До начала 1960-х гг. не издавались книги по еврейской тематике не только на идише, но и на русском языке. Лишь в начале 1960-х гг. стала происходить очень ограниченная реабилитация еврейской культуры в СССР. Начал выходить литературный журнал на идише, публиковались книги еврейских писателей, был издан иврит-русский словарь¹. Несомненно, существовавшая в стране проблема советских евреев была тесно связана с внешнеполитическим фактором – отношениями между СССР и Израилем на международной арене. Довольно сложные отношения между этими двумя странами, продолжавшаяся антиссионистская и антиизраильская пропаганда в СССР, с одной стороны, подогревали националистические чувства советских евреев, с другой – вызывали у них комплекс национальной неполноценности в связи с агрессивной антиизраильской кампанией в советской печати. Последнее обстоятельство только усиливало недовольство властей по отношению ко всем евреям и тем самым вызывало все бóльшую отчужденность советских евреев, порождало у них желание эмигрировать.

¹ Давыдов С. Г. Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине 60-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 169.

В целом же, как отмечает в своем диссертационном исследовании Т. В. Прощенок, советское время стало самым кризисным периодом всей истории российских евреев: ни дискриминация, ни антисемитизм эпохи Российской империи не повлекли за собой таких разрушительных для традиционной культуры еврейского населения последствий. Традиционная культура еврейского населения Урала в полной мере ощутила на себе воздействие всех неблагоприятных факторов, обусловивших в конечном итоге массовую аккультурацию уральских евреев. Ликвидация еврейских культурно-образовательных учреждений и религиозных организаций в сочетании с высокой степенью занятости евреев в индустриальном строительстве обеспечили отход евреев от этнических традиций и утрату родного языка (табл. 8).

Таблица 8

Численность евреев Урала, считавших родным языком еврейские диалекты, по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг., относительные данные на 1000 чел.¹

Год	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область
1959	204	107	151
1979	143	77	102
1989	108	82	101

Процессам аккультурации особенно было подвержено еврейское население Свердловской области: уровень языковой ассимиляции в Свердловской области был выше, чем в целом по СССР, и отличался стабильным ростом. 20 декабря 1945 г. в Свердловске было зарегистрировано еврейское религиозное общество, являвшееся в 1950-х гг. единственной официально зарегистрированной организацией иудейского вероисповедания в области². В период «хрущевской оттепели» численность его членов увеличивалась (с 500 чел. В 1954 г. до 600 чел.

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1–2, 81–82; Д. 1566-а. Л. 134; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 130–134; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1979 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 9–18; Перепись 1989 г. Табл. 9с. «Распределение населения по национальности и родному языку».

² Прощенок Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие). С. 178.

в 1957–1958 гг.¹). Помимо свердловской общины, по данным на 1 января 1959 г., в Свердловской области было еще одно иудейское общество (незарегистрированное) в Нижнем Тагиле, насчитывавшее около 50 чел. верующих². Однако очередная антирелигиозная кампания начала 1960-х гг. привела к закрытию синагог в ряде городов Советского Союза. В 1961 г. была закрыта единственная свердловская синагога на ул. Куйбышева, 38³.

В итоге, по данным переписи населения 1989 г., на 1000 евреев в возрасте 60 лет и старше приходилось всего 112 чел., считавших свой язык родным языком, и 61 чел. свободно владел им в качестве второго языка; для возрастной группы 40–59 лет эти показатели составляли соответственно 55 и 16; для группы 20–39 лет – 77 и 16; для группы 10–19 лет – 52 и 11⁴. Еврейское население Пермской области долгое время отличалось большей консервативностью, но и здесь процессы аккультурации приобрели значительные масштабы⁵. Таким образом, в рассматриваемый период наблюдалось резкое сокращение численности евреев, считавших свой национальный язык родным языком.

Сложная этноязыковая ситуация наблюдалась и у народов Уральского региона, принадлежавших к финно-угорской и тюркской языковым группам. Политика государства по отношению к ним была, несомненно, мягче, чем по отношению к немцам и евреям, но все же даже просто отсутствие государственной поддержки развития этнических культур, как показала практика, может негативно повлиять на этноязыковую ситуацию. Наличие у большинства этих народов своих этнотерриториальных образований в границах СССР несколько смягчало проблему сохранения и развития национальных языков, но, тем не менее, негативные тенденции коснулись и этих народов.

Близость культур, многовековое чересполосное проживание и совместное миграционное движение с русскими не могли не отразиться

¹ Проценко Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие). С. 180.

² Там же. С. 181.

³ ГАСО. Ф. 286-Р. Оп. 1. Д. 2071. Л. 1–3.

⁴ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 9.

⁵ Проценко Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие). С. 186–187.

на этнокультурном развитии финно-угорских народов. Усилившиеся в советский период ассимиляционные процессы оказали негативное влияние на этноязыковую ситуацию (табл. 9).

Таблица 9

Численность народов Уральского региона угро-финской языковой группы, считавших родным язык своей национальности, по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг., относительные данные на 1000 чел.¹

Национальность	1959	1979	1989
Марийцы	834	839	785
Мордва	595	600	570
Удмурты	871	700	659
Коми-пермяки	584	638	580

Некоторое сокращение численности населения, считавшего свой национальный язык родным языком, произошло среди удмуртов, марийцев и мордвы в период 1979–1989 гг. Как нами было отмечено ранее, этноязыковая ситуация, как правило, была более благоприятна в тех регионах, где сохранились компактные сельские этнические поселения, своеобразные «оазисы» этнических культур в условиях абсолютного преобладания русской культуры. Так, доля представителей *мордовской* национальности, говорящих на своем языке с детства, была наиболее высокой в Оренбургской области и Башкирской АССР – регионах, где компактные мордовские поселения существуют с начала XIX в.² (прил. 2, табл. 2.2). Если в Свердловской области в 1989 г. мордовский язык родным признавали 48,3% мордвцев, то в Оренбургской области – 69,1%, в Башкирской АССР – 66,9%³. *Марийцы* также сохраняли свой язык в рамках этнических поселений, расположенных в Свердловской области, Удмуртской и Башкирской АССР. На территории этих регионов доля марийцев, считающих свой национальный язык родным, была выше, чем в среднем по Уралу: в Уд-

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566–6. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 478–526.

² Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX века: численность и этнический состав. М., 1992. С. 178–179.

³ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 484, 500, 512.

муртской АССР этот показатель составлял к 1989 г. 78,6%, в Башкирской АССР – 91,2%, в то время как в среднем по Уралу – 75,6% (см. прил. 2, табл. 2.4, 2.6, 2.7)¹. Удмуртам легче было сохранять собственный язык в рамках своей автономной республики, поэтому численность представителей данного этноса, говорящих с детства на своем языке, была выше, чем в среднем по Уралу: в Удмуртской АССР в 1989 г. свой язык родным считали 75,7% удмуртов, в целом на Урале – 63,0%². Аналогичный показатель был выше и в Башкирской АССР – 74,7% (см. прил. 2, табл. 2.6, 2.7).

Принимая во внимание тот факт, что эти показатели были более значительными, чем в среднем по Уральскому региону, не только у титульных наций – башкир, удмуртов, но и у ряда угро-финских народов, можно сделать вывод, что в автономных национальных образованиях были созданы более благоприятные условия для развития мелких этнических культур в целом. Большая часть *коми-пермяков* Уральского региона была сосредоточена на территории Коми-Пермяцкого автономного округа, входившего в рассматриваемый период в состав Пермской области, и соответственно доля коми-пермяков, считающих свой язык родным, была достаточно высокой – в 1989 г. 82,9% коми-пермяков автономного округа и 75,9% – Пермской области (см. прил. 2, табл. 2.3)³. В целом же этноязыковая ситуация у финно-угорских этносов Уральского региона, как показывают переписи 1959, 1979 и 1989 гг., была весьма неблагоприятной, и эти этносы при сохранении негативной тенденции в ближайшие десятилетия рискуют окончательно потерять свои этнокультурные особенности на территории Уральского региона.

Большой интерес для изучения этноязыковой ситуации представляет возрастной аспект. Активные миграционные процессы и усиление культурно-языковой ассимиляции приводили в рассматриваемый период к тому, что каждое последующее поколение нерусского населения, лишенное благоприятных условий для этнокультурного развития, теряло навыки общения на своем национальном языке даже на бытовом уровне. Эти процессы у финно-угорских народов Урала можно рассмотреть на примере марийцев и удмуртов Свердловской

¹ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 484, 500, 512.

² Там же. С. 478–526.

³ Там же. С. 493, 498.

области. По данным переписи населения 1989 г., численность марийцев, считающих свой национальный язык родным, от поколения к поколению неуклонно снижалась: если на 1000 представителей этой национальности в возрасте 60 лет и старше приходилось в среднем 907 чел., считавших марийский язык для себя родным, и 24 чел. свободно им владели в качестве второго языка, то в возрастной группе 40–59 лет эти показатели составляли соответственно 853 и 45, 20–39 лет – 761 и 51, 10–19 лет – 642 и 27. Аналогичные показатели у удмуртов области были значительно ниже и составляли: в возрастной группе 60 лет и старше – 733 и 71, 40–59 лет – 634 и 113, 20–39 лет – 460 и 84, 10–19 лет – 287 и 41¹. Разница в уровне владения национальным языком между марийцами и удмуртами Свердловской области объясняется особенностями ее этнодемографической картины: в сельских местностях на юге и юго-западе (в частности, в Красноуфимском, Артинском и Ачитском районах²) расположены этнические поселения марийцев (например, Зюрзя, Марийские ключики в Красноуфимском районе), способствовавшие сохранению национального языка, и снижение уровня владения им от поколения к поколению в данный период отличалось плавным характером именно благодаря наличию этих поселений. Удмурты же расселялись по области достаточно дисперсно, в основном в городских поселениях, и подверглись более сильной языковой ассимиляции.

В тюркоязычной группе переписи отразили несколько более благополучную этноязыковую ситуацию, что было связано прежде всего с этноконфессиональными различиями между большинством тюркоязычных народов России и славянскими народами. Тесное взаимодействие тюркских и русского языков можно проследить на примере Башкирской АССР. В 1950-е гг., со вступлением в активную жизнь людей 1930–1945 гг. рождения, в республике начинается качественно новый этап развития национально-русского двуязычия. По мнению Р. Р. Галлямова, именно на это поколение приходится резкий всплеск урбанизированности нерусского (в основном татарского) на-

¹ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 6, 8.

² Национальный состав населения Свердловской области: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г. Свердловск, [1990]. С. 167.

селения республики¹. Массовое переселение в город, участие в индустриальном преобразовании на базе нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и машиностроительной промышленности вывело нерусские народы на совершенно новый уровень знания русского языка: свободно владеющих им здесь стало в 1940–50-е гг. свыше половины коренных жителей, что привело к преобладающему значению этого фактора, во всяком случае в производственно-соседском речевом общении². Наибольший процент легко изъясняющихся на русском языке зафиксировала перепись 1970 г. среди башкир и татар моложе тридцати лет (в городе – до двадцати лет). Относительно же признания его в качестве родного они превзошли своих родителей, как свидетельствуют расчеты, более чем в три раза, а дедов – в десятки раз.

Данную этноязыковую обстановку можно объяснить двумя группами факторов. Во-первых, в связи с тем что определенная, достаточно весомая часть нерусских этносов уже переместилась в город, сформировавшаяся новая генерация этническую и языковую ситуацию проходила преимущественно в урбанизированных условиях, отчего коммуникативная сфера родного языка сужалась в лучшем случае до семейно-бытового уровня. Не случайно как раз среди родившихся в 1950-х гг. появляется первая мощная волна по существу утративших язык своих предков. Во-вторых, многократно увеличилось количество случаев нарушения татарами и башкирами эндогамии, распространились этнически смешанные (татаро- и башкиро-русские) браки, дети от которых, даже считая родным национальный язык одного из родителей, во всех сферах жизнедеятельности (в том числе семейно-бытовой) пользовались лишь русской речью. Несмотря на преобладание уже к началу 1970-х гг. национально-русского двуязычия над многоязычием, среди башкир и татар наблюдалось неуклонное возрастание доли владевших русским языком, перевалившей в конце 1980-х гг. в городах уже 90%-ю отметку у обоих народов. Первоначальное отставание башкир от татар в этом процессе было связано, скорее всего, с относительно поздним вступлением титульной нации республики в интенсивный урбанизационный процесс. Нельзя не заметить и сравнительно резкий скачок национально-русского билингвизма в 1970-е гг., что объясняет-

¹ *Галлямов Р. Р.* Двуязычие в городах Башкортостана // Социол. исслед. 1997. № 8. С. 51.

² Там же.

ся проведением указанных выше правительственных мероприятий по переводу национальных школ в РСФСР на русский язык обучения. В целом для этих двух этносов характерно сохранение двуязычия на всем протяжении рассматриваемого периода, причем степень его распространения постепенно выравнивается.

Интересны результаты, отраженные переписью 1989 г.: если башкиры и татары владеют русской речью в возрасте от 20 до 30 лет на уровне 92,3 и 91,6% соответственно, то в 60 лет и старше – на уровне 41,7 и 50,2%. В городских условиях это расхождение выглядит не столь разительным (90,2 и 89,5% – у молодого поколения, 72,3 и 77,9% – у старшего) в силу того, что, с одной стороны, подавляющая доля сельской этнической молодежи мигрирует в город, а с другой – многие из горожан старшего возраста уже прошли «русскоязычную социализацию»¹.

Таблица 10

Численность народов Уральского региона тюркской языковой группы, считавших родным язык своей национальности, по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг., относительные данные на 1000 чел.²

Национальность	1959	1979	1989
Татары	926	844	801
Башкиры	704	709	692
Казахи	889	912	885
Чуваши	743	633	601

Процесс отхода от национального языка в качестве родного в тюркской языковой группе усилился в период 1979–1989 гг. (табл. 10), однако далеко не во всех случаях это был переход к русскому языку. В этом плане большой интерес представляет изучение взаимодействия татарского и башкирского языков в Уральском регионе. Еще перепись 1959 г. зафиксировала довольно большую долю башкир, считавших родным языком татарский: так, в Башкирской АССР она составляла 41,8%, в то время как лишь для 57,5% башкир

¹ Галлямов Р. Р. Двуязычие в городах Башкортостана. С. 52.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566-б. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 478–526.

национальный язык являлся родным¹. Н. В. Бикбулатов объясняет это явление тем, что еще до революции 1917 г. у татар и башкир Мензелинского, Бирского, Осинского, частично Уфимского и Белебеевского уездов разговорный язык обрел черты, общие для обоих народов. При выработке норм башкирского литературного языка в 1923 г. диалектные особенности языка башкир этих территорий не были учтены. В результате нормы татарского литературного языка, во многом продолжавшего традиции старого тюрки, для них оказались более доступными, чем башкирского. В этих условиях начиная с 1926 г. башкиры северо-западных районов республики во время переписей стали идентифицировать свой разговорный (родной) язык с татарским, хотя между ними имеются заметные различия. В результате произошел разрыв между этнической (национальной) и языковой принадлежностью западных башкир. Обучение в школах на татарском языке, печать, телевидение и радио усиливали этот разрыв, и каждое следующее поколение было склонно преодолевать возникшее «противоречие» путем перехода в татарскую национальность².

От переписи к переписи в Башкирской АССР уменьшался процент башкир, считавших родным языком татарский. Доля башкир, считавших своим родным языком татарский, стремительно сокращалась и в других областях Уральского региона: так, например, если по данным переписи 1959 г. в Свердловской области родным языком татарский назвали 15,2% башкир, то по переписи 1989 г. – лишь 9,6%³. Н. В. Бикбулатов связывал факт сокращения использования татарского языка башкирами с постепенным оттоком башкир в другие регионы страны, их ассимиляцией, но не с расширением сферы распространения башкирского языка, как полагал, в частности, Д. М. Исхаков⁴.

Этноязыковая ситуация у чувашей Урала несколько сложнее. За изучаемый период удельная доля чувашей, считавших свой язык род-

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 1566–6. Л. 107.

² Бикбулатов Н. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирии // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVIII–XX вв. Уфа, 1992. С. 53–54.

³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566–б. Л. 1; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку».

⁴ Исхаков Д. М. К вопросу об этнической ситуации на северо-западе Башкирской АССР // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР. Устинов (Ижевск), 1985. С. 20.

ным, медленно, но постоянно сокращалась. Занимая в этнокультурной картине Урала некое промежуточное положение между тюркоязычными и финно-угорскими народами, в течение нескольких столетий впитывая лингвистические особенности обеих языковых групп, чуваша были чрезвычайно подвержены этнокультурному в целом и этноязыковому в частности влиянию преобладающего этноса района проживания. Как правило, чуваша были двуязычны (в областях с подавляющим преобладанием русского населения), а в республиках – трехязычны, кроме чувашского и русского свободно владея языком титульной нации республики (см. прил. 2). Так, по данным переписи населения 1989 г., в Башкирской АССР башкирский язык считали родным 163 представителя чувашской национальности, свободно им владели 779 чувашей. В Удмуртской АССР, где влияние русской культуры было сильнее, чем удмуртской, к 1989 г. родным удмуртский язык называли лишь 4 чуваша, а свободно им владели 7 чувашей, в то время как русский язык родным был для 1315 чувашей (что составляло 41,4% всех представителей этой этнической группы республики), а свободно им владели 1783 чуваша (56,1%)¹.

Казахи, по сравнению с башкирами, татарами и чувашами, составляли в рассматриваемый период сравнительно небольшую по численности тюркоязычную этническую группу на Урале и в течение длительного времени компактно расселялись на юге региона, преимущественно в Курганской, Оренбургской и Челябинской областях. Компактность проживания и весьма ограниченное участие в миграционных процессах, с одной стороны, позволяли казахам сохранять свой язык, с другой – не мешали овладению русским языком в качестве второго (см. прил. 2, табл. 2.1, 2.2, 2.5). Так, даже в Свердловской области, отличающейся самой высокой удельной долей русского населения в Уральском регионе, по данным переписи 1959 г., 83,6% казахов называли свой национальный язык родным языком, и лишь для 15,2% казахов родным языком являлся русский. По данным переписи 1989 г., в Свердловской области 78,2% казахов считали свой язык родным, а 3,1% свободно им владели².

¹ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 520.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1; Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку»; табл. 10с «Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР».

Наиболее сложная этноязыковая ситуация сложилась в изучаемый период у этносов, культурно наиболее близких к русскому, а потому особенно сильно подверженных ассимиляции, – у *белорусов* и *украинцев* (табл. 11).

Таблица 11

Численность украинцев и белорусов Уральского региона, считающих родным язык своей национальности, по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг., относительные данные на 1000 чел.¹

Национальность	1959	1979	1989
Украинцы	492	425	411
Белорусы	376	358	338

Как видно из приведенных статистических данных, доля украинцев и белорусов, считавших свой национальный язык родным, от переписи к переписи сокращалась, однако доля владевших своим национальным языком в качестве второго у этих этносов достаточно высока (см. прил. 2). Однако такая благополучная для особенно подверженных этноязыковой и этнокультурной в целом ассимиляции этносов статистика объясняется отнюдь не наличием специальных условий для их этнокультурного развития или конфессиональной замкнутостью, а активным участием в миграционных процессах. Статистика миграционного движения, которая рассмотрена в третьей главе данного исследования, свидетельствует о том, что в 1960-е гг. через Урал проходили довольно мощные миграционные потоки из западных и юго-западных регионов СССР. Уральский регион в этот период регулярно пополнялся представителями украинского и белорусского этносов, которые, естественно, знали свой язык с детства и считали его родным. Но последующие поколения украинцев и белорусов, родившихся на Урале уже в 1970-е гг., теряли навыки общения на своем языке. Этот процесс в полной мере отражен в материалах переписи населения 1989 г. По данным Свердловского областного комитета по статистике, в области к 1989 г. на 1000 украинцев в возрасте 50–60 лет (т. е. 1929–1939 гг. рождения) приходилось в среднем 440 чел.,

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566–6. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 478–526.

считавших украинский язык родным, и 190 чел. владели им в качестве родного. Для украинцев, родившихся в 1940–60-х гг., эти показатели составляли соответственно 411 и 158 чел. Это те поколения граждан украинской национальности, которые принимали активное участие в миграционных процессах. Ко второй половине 1970-х гг. миграционная активность украинцев, как, впрочем, и русских, резко снижается¹, и это не могло не отразиться на этноязыковой ситуации: если свой национальный язык считали для себя родным к 1989 г. 26,5% 18–19-летних украинцев и 5,9% свободно им владели в качестве родного (что уже в 2 раза ниже вышеприведенных показателей по средним и старшим поколениям), то на 1000 10–17-летних подростков украинской национальности приходился лишь 201 чел., для которого национальный язык был родным, и 77 чел. свободно им владели².

Аналогичные языковые процессы происходили и у белорусов. Доля владевших своим национальным языком белорусов в рассматриваемый период также неуклонно снижалась. Миграционные потоки послевоенных лет принесли на Урал значительную часть населения белорусской национальности, говорившего на своем языке с детства и считавшего его родным. По данным переписи населения 1989 г. по Свердловской области, из 1000 белорусов старшего поколения – 1930–40-х гг. рождения – свой национальный язык считали родным в среднем 413 чел. и 129 свободно им владели; у среднего поколения белорусов (1950–60-х гг. рождения) эти показатели составляли соответственно 276 и 119; у молодого (1970-х гг. рождения) – 155 и 44³. Из приведенной статистики видно, что темпы языковой ассимиляции у белорусов в изучаемый период были более интенсивными, чем у украинцев.

Большой интерес представляет изучение этноязыковой ситуации у *русского этноса*. Безусловно, абсолютное большинство русского населения Урала владело русским языком с рождения, однако переписи населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. показывают наличие тенденции увеличения абсолютной численности русского населения, владевшего другими языками как в качестве родного, так и в качестве второго язы-

¹ Брук С. И. Указ. соч. С. 135.

² Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные». Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

ка (см. прил. 2). Наиболее ярко эта тенденция проявлялась в Башкирской АССР, особенно к концу рассматриваемого периода: по данным переписи населения 1979 г. башкирский язык родным назвали 178 русских, а в 1989 г. – 316; в качестве второго языка башкирский назвали в 1979 г. 2901 чел. русской национальности, в 1989 г. – 3700 русских¹. Активизация русско-национального билингвизма была связана со значительным ростом этнического самосознания титульных народов в республиках России, возрождением этнических ценностей, а самое главное – с многократным возрастанием роли национально-государственного фактора. Однако относительные показатели этого явления невелики, поэтому можно утверждать, что серьезных изменений этноязыковой ситуации у русских в данный период все же не происходило.

Этноязыковая ситуация в *кавказских диаспорах* также требует отдельного рассмотрения. Кавказские диаспоры нового типа начали активно формироваться на Урале уже в 1970-х гг., и к 1989 г. существенно увеличили свою численность. Замкнутость и «молодость» диаспор позволяли их членам сохранять навыки общения на своем языке (табл. 12).

Таблица 12

Распределение представителей кавказских этнических групп по уровню владения своим национальным языком²

Национальность	Считают родным языком язык своей национальности, % от общей численности населения данной национальности		Свободно владеют родным языком в качестве второго, % от общей численности населения данной национальности	
	1979	1989	1979	1989
Азербайджанцы	86,6	80,2	2,6	2,4
Армяне	64,9	65,0	7,1	5,2
Грузины	77,8	71,6	3,7	4,9
Чеченцы	78,6	80,4	2,3	2,7
Лезгины	73,0	73,2	4,3	2,6
Осетины	67,1	62,6	5,6	6,4
Аварцы	84,0	83,6	4,2	1,4
Ингуши	87,4	86,5	0,8	1,5
Кабардинцы	84,4	78,3	2,2	3,4

¹ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 512.

² Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку». Л. 1.

Большинство представителей активно формировавшихся на Урале кавказских диаспор считали свой национальный язык родным. Ниже эти показатели были у более ранних диаспор, относящихся к «классическим», – армянской и грузинской. Но при этом более половины кавказцев свободно владели русским языком в качестве второго, что свидетельствовало о высоких темпах адаптации иммигрантов в русскоязычной среде. Так, к 1989 г. свободно владели русским языком в качестве второго языка 58,8% армян, 66,3% азербайджанцев, 78,6% аварцев, 65% грузин, 76% чеченцев, 61,4% осетин¹. Как отмечает З. И. Левин, степень адаптации иммигранта прямо зависит от того, насколько он владеет языком принимающего общества. С освоением языка человек осваивает принятые в обществе нормы поведения, элементы местной культуры, что ведет к сокращению культурной дистанции. Чем лучше владеет человек государственным языком и чем выше уровень полученного им образования, тем выше темпы его аккультурации².

Однако, учитывая стремительные темпы нарастания иммиграции в Россию лиц титульных этносов Закавказья и Северного Кавказа в 1990-е гг., обогнавших к 1995 г. по показателям русских и украинцев, можно уже сказать, что в ближайшее время аккультурация выходцам с Кавказа не грозит. Следует отметить, что Уральский экономический район сегодня особенно популярен у молодого поколения выходцев с Закавказья³. Кавказской молодежи гораздо сложнее полностью адаптироваться в русскоязычной среде, чем более старшим поколениям, ввиду низкого уровня владения русским языком – языком принимающего общества. Если иммигранты старших поколений получали элементарные знания в области русского языка в своей национальной школе, то кавказская молодежь уже была лишена такой возможности, и соответственно темпы адаптации молодого поколения сегодня более низкие. Активный приток выходцев с Кавказа и отсутствие у кавказских иммигрантов навыков общения на русском языке делает национальную диаспору более сплоченной и более замкнутой, слабо подверженной влияниям культуры обще-

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 10с «Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР». Л. 1.

² Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 93.

³ Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Борзунова Т. И. Региональные аспекты российской иммиграции // Социол. исслед. 1998. № 6. С. 50–51.

ства-реципиента и, следовательно, затрудняет адаптацию иммигранта в этом обществе.

На ассимиляционные процессы большое влияние оказывали также урбанизационные процессы. В рассматриваемый период Уральский регион отличался невысокими темпами роста городского населения и опережающими темпами сокращения сельского населения, что усугубляло этноязыковую ситуацию в уральских селах (более подробно миграционные процессы нами рассмотрены в третьей главе). Относительно невысокие показатели роста городского населения в значительной степени были обусловлены уже достигнутым к началу рассматриваемого периода преобладанием городского населения над сельским, значительно превышающим среднереспубликанские показатели, и миграционными процессами, затронувшими и городское население¹. Концентрация значительной части населения региона в городах в конечном счете приводила к постепенной утрате представителями нерусских этносов навыков общения на своем языке, поскольку в городских условиях превалирующим языком общения являлся русский. Интенсивный отток населения из сельской местности и разрушение компактных сельских этнических поселений способствовали ускорению темпов языковой ассимиляции. Данные переписей населения показывают, что удельный вес сельского населения, считавшего свой национальный язык родным, более значителен, чем аналогичные показатели по городскому населению (см. прил. 2). К 1959 г. в среднем на Урале свой национальный язык родным считали 93,7% горожан и 93,9% жителей села, но к концу изучаемого периода (к 1989 г.) эти показатели несколько снизились и составляли соответственно 92,8 и 93,3%².

Однако они оставались высокими за счет преобладания в регионе русского населения. Изучение статистики по *нерусскому населению* Урала позволяет выявить особенности этноязыковой ситуации каждого территориального образования региона. Так, по данным Свердловского областного комитета по статистике среди нерусского населения области к 1989 г. лишь 52,1% горожан и 29,6% сельчан на-

¹ Территориальные особенности народонаселения РСФСР / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М., 1976. С. 46–47.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 478–526.

звали родным свой национальный язык и 8,3% горожан и 3,6% сельчан владели им в качестве второго языка. Таким образом, этноязыковая ситуация на селе была даже еще более неблагоприятная, чем в городе. Это объясняется подавляющим превалированием в области русского населения, как в городе (89,2%), так и на селе (85,2%)¹. В Башкирской АССР, где доля русского населения в данный период была существенно ниже (51% в городской местности и 18,4% в сельской), среди нерусского населения свой национальный язык родным считали 78,6% горожан и 86,8% сельчан, и лишь 2,7% горожан и 0,5% сельчан свободно владели им в качестве второго языка².

И все же, несмотря на названные выше факторы, препятствовавшие развитию национальных языков, в качестве главного фактора снижения уровня владения национальным языком следует назвать невостребованность национального языка обществом. Языком межнационального общения был и остается русский язык, преобладающий не только в социально-профессиональной, но и в семейно-бытовой сфере. Поэтому вполне можно было понять родителей татарской национальности, отдававших своих детей в русские, а не в татарские школы: жизненные успехи детей в будущем целиком и полностью зависели от того, насколько хорошо они владеют русским языком.

Таким образом, на этнокультурное развитие этносов Уральского региона оказывал влияние целый комплекс факторов: национальная политика государства, территориальные особенности расселения этнических групп и степень его дисперсности, интенсивность миграционных процессов, а также возростающая невостребованность национального языка советским, а впоследствии российским обществом.

Материалы переписей населения содержат весьма скудную информацию об этнокультурном развитии, его «зеркалом» является распределение населения по родному и второму языку, отражавшее и уровень этнического самосознания в целом. Несмотря на то что каждый этнос Уральского региона имел свои особенности этнокультурного развития (в зависимости от вышеперечисленных факторов), пе-

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку»; Табл. 10с «Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР».

² Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 513–514.

реписи населения выявили общую тенденцию снижения удельного веса на Урале в рассматриваемый период нерусского населения, свободно владеющего своим национальным языком.

1.3. Уровень образования и социальный состав населения основных этносов Уральского региона

Историки склонны по-разному оценивать достижения советского периода, однако фактически все признают, что в первые послеоктябрьские десятилетия был осуществлен самый настоящий прорыв в ликвидации всеобщей неграмотности, беспрецедентный по своему размаху и результатам. Безусловно, преодоление массовой неграмотности являлось одной из важнейших стратегических задач, стоявших перед государством, выполнение которой потребовало громадного напряжения сил. В итоге к началу изучаемого периода страна уже перешла на всеобщее обязательное семилетнее обучение, была восстановлена пострадавшая в результате военных действий сеть высших учебных заведений, восстанавливалась численность студентов (табл. 13, 14).

Таблица 13

Динамика численности дневных общеобразовательных школ, учащихся школ и учителей в РСФСР (1940–1989 гг.)¹

Учебный год	Количество школ		Численность учащихся, тыс. чел.	Численность учителей, тыс. чел.
	Всего	В том числе средних		
1940/41	113880	9932	20229	700
1950/51	121714	7366	18611	796
1960/61	117038	13565	18736	1011
1970/71	96934	21164	23235	1232
1980/81	68777	26490	17638	1067
1985/86	67118	28510	18574	1171
1987/88	66843	29678	19335	1315
1988/89	66917	30509	19581	1361

В значительной степени вузы пополнялись молодежью, вернувшейся с фронта, для которой были созданы льготные материальные и бытовые условия. Особенно быстро развивалась система вечернего

¹ Народное образование и культура в СССР: стат. сб. С. 49.

и заочного образования. На многих крупных предприятиях открывались филиалы и отделения вузов и техникумов для подготовки инженерно-технических кадров из местных рабочих.

Таблица 14

Динамика численности вузов и студентов в РСФСР (1940–1989 гг.)¹

Учебный год	Количество вузов	Численность студентов, тыс. чел.
1940/41	817	811,7
1950/51	880	1247,4
1960/61	739	2396,1
1970/71	805	4580,6
1980/81	883	5235,2
1985/86	894	5147,2
1987/88	898	5025,7
1988/89	898	4999,2

На Урале к началу 1960/61 уч. г. насчитывалось 18236 общеобразовательных школ – на 1116 школ больше, чем в 1940/41 уч. г.; удельный вес семилетних школ вырос с 14–18% в 1945/46 уч. г. до 16–25% в 1960/61 уч. г., средних – с 4–10% до 15–19% за аналогичный период. В 1960/61 уч. г. в школах Урала обучалось 3137,7 тыс. учащихся – на 2615 тыс. чел. больше, чем в 1940/41 уч. г.²

Конечно, реформы в области образования учитывали потребности прежде всего русского населения как наиболее многочисленного, к тому же русский язык имел статус государственного. Для решения проблемы обучения нерусского населения потребовалось значительно больше времени. И хотя на Урале основной этнический состав сформировался задолго до установления советской власти, преодоление конфессиональной замкнутости ряда этносов региона заняло довольно длительный срок. К 1959 г. большая часть проблем, связанных с втягиванием нерусских народов в социально-экономическую жизнь страны, была решена, миграционные процессы захватили большинство народов РСФСР, тем не менее между этносами еще оставались не-

¹ Народное образование и культура в СССР: стат. сб. С. 193.

² Муравьева Н. Ф. Основные направления развития общеобразовательной школы на Урале в 1946–1961 гг. // Октябрь на Урале: история и современность. Осуществление культурной революции и культурное строительство на Урале в условиях совершенствования социализма. Свердловск, 1988. С. 35–37.

которые различия в уровне общего и профессионального образования, а также в последующем выборе профессии. И стирание этих различий происходило именно во второй половине XX в. В связи с этим для нас большой интерес представляет динамика уровня образования населения различных этносов, а также изменения, происходившие в их социальном и профессиональном составе.

Наиболее высокий общий уровень образования в рассматриваемый период наблюдался у *еврейского* населения Урала (прил. 3, табл. 3.1). Данные переписей населения по Свердловской области показывают, что, несмотря на все притеснения по национальному признаку, евреи находили возможность постоянно повышать свой образовательный уровень: если в 1970 г. из 1000 евреев в регионе высшее образование имели 379 чел., то в 1979 г. – уже 626 чел., а в 1989 г. – 768¹. Среди евреев на протяжении всего изучаемого периода наблюдалось наибольшее количество дипломированных специалистов (в 1989 г. из 1000 евреев 768 имели высшее образование, в то время как у русских этот показатель составлял 362 чел.²), постоянно сокращался удельный вес работавшего еврейского населения с незаконченным высшим, средним общим и неполным средним образованием. Высокий уровень образования еврейского населения не мог не отразиться на его профессиональном составе. К сожалению, переписи населения 1970, 1979 и 1989 гг. не содержат данных по социальному и профессиональному составу евреев области, поэтому проследить динамику их профессионального развития по этим материалам не представляется возможным. Материалы переписи 1959 г. дают довольно полную картину особенностей профессиональной занятости еврейского населения. Согласно приводимым в них данным, большая часть евреев (76,8%) работали служащими и были преимущественно заняты в качестве служащих в промышленности (26,8%), просвещении (10,9%), здравоохранении, сферах физической культуры и бытового обслуживания (8,3%), строительстве (7,6% всего занятого еврейского населения). Несколько меньший удельный вес евреев наблюдался среди служащих в отрасли торговли и общественного питания (5% всех занятых евреев области) и в управлении (3,4%). К 1959 г. 22,9% евреев были заняты на рабочих специальностях, причем значительная часть

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 55. Л. 52–55.

² Там же.

(15,6%) – в промышленности, намного меньшая (2,9%) – в строительстве. И лишь 0,08% евреев были заняты в сельском хозяйстве, причем преимущественно в колхозах (0,07%). Небольшая доля евреев области являлись кооперированными (1,1%) и некооперированными (0,08%) кустарями. Значительная часть евреев была занята в отраслях, связанных с материально-техническим снабжением и сбытом (4,4% всех занятых в этой отрасли), и в сфере искусства (4,2% всех занятых в этой отрасли)¹.

Довольно большой удельный вес евреев наблюдался среди научных работников (3,8% всех евреев области²). По данным Статистического управления Свердловской области за 1958 г., среди научных работников учреждений и предприятий Свердловского совнархоза удельный вес евреев равнялся 8,2% (второе место по численности после русских). В 1970 г. евреи составляли 7,1% среди общего числа научных и научно-педагогических кадров предприятий и учреждений Свердловской области (также второе место по численности после русских), при этом удельный вес евреев среди докторов наук составлял 16,4%, среди кандидатов наук – 8,9%; 29,5% евреев – научных сотрудников имели ученую степень кандидата наук, 5% – доктора наук³.

Наибольшая численность и удельный вес евреев отмечались в вузах, а также в научно-исследовательских учреждениях промышленного и медицинского профиля, тогда как в научных учреждениях гуманитарной и сельскохозяйственной направленности (музеи, ветеринарные и селекционные станции, сельскохозяйственные НИИ и т. п.) процент евреев был очень невысок. По вузам Свердловска в 1958 г. показатели удельного веса евреев выглядели следующим образом: в Уральской государственной консерватории евреи составляли 19,4% среди научно-педагогического состава, в Свердловском государственном педагогическом институте – 14,2%, в Свердловском институте народного хозяйства – 11,0%, в Свердловском юридическом институте – 9,0%, в Уральском политехническом институте – 7,3%, в Свердловском медицинском институте – 7,0%, в Уральском лесотехническом институте – 6,1%, в Уральском государственном универ-

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 55. Л. 52–55.

² Там же.

³ *Комар И. В.* География хозяйства Урала: порайонная экономико-географическая характеристика. М., 1964. С. 29.

ситете – 6,0%, в Свердловском сельскохозяйственном институте – 4,2%, в Свердловском горном институте – 3,3%. По абсолютной численности евреев – научных сотрудников лидировал Уральский политехнический институт – самый крупный вуз Свердловска. Здесь работало более трети (35,3%) всех евреев – научных сотрудников города, занятых в вузах. На втором месте был Свердловский государственный педагогический институт (16,0% евреев – работников вузов Свердловска), на третьем – Свердловский институт народного хозяйства (9,3%), на четвертом – Свердловский медицинский институт (7,3%), на пятом – Уральский государственный университет (7,0%). Наименьшая номинальная численность евреев была в Свердловском сельскохозяйственном институте и Свердловском горном институте¹.

Что касается научно-исследовательских учреждений, то удельный вес евреев составлял здесь в среднем 6–7%. В наиболее крупных НИИ промышленного профиля он колебался от 1,2% до 14,4%, а в среднем составлял 7,8%. В научных и научно-педагогических учреждениях медицинского профиля (включая Свердловский медицинский институт) численность евреев также была значительной (9,2% от общей численности научных сотрудников этих учреждений). При этом евреи составляли 36,0% от общей численности докторов медицинских наук².

Во вторую группу по уровню образования в рассматриваемый период входили *русские и украинцы* (см. прил. 3, табл. 3.1). У обоих этносов наблюдались сходные тенденции: в течение 1959–1989 гг. удельный вес дипломированных специалистов неуклонно возрастал (со 135 чел. на 1000 в 1970 г. до 362 чел. в 1989 г. у русских и с 89 чел. на 1000 в 1970 г. до 428 чел. в 1989 г. у украинцев³), но при этом увеличивалась и удельная доля работавших русских и украинцев, имевших лишь общее среднее образование (у русских – с 67 чел. из 1000 в 1970 г. до 357 чел. в 1989 г.; у украинцев – с 82 в 1970 г. до 313 чел. в 1989 г.⁴). Этот показатель стал сокращаться лишь в начале 1990-х гг. Однако темпы роста удельного веса дипломированных специалистов у русских и украинцев не были одинаковы: значительно уступая русским по численности дипломированных специалистов в 1970 г., за девять

¹ Проценко Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие). С. 131–133.

² Там же. С. 133.

³ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 55. Л. 52–55.

⁴ Там же.

последующих лет украинцы обогнали их по численности специалистов с высшим и средним специальным образованием, и это опережение сохранялось до конца рассматриваемого периода. За период 1970–1989 гг. численность украинцев – специалистов с высшим образованием увеличилась в среднем в 4,8 раза, в то время как русских – лишь в 2,6 раза. Этим вполне можно объяснить тот факт, что удельный вес украинцев, работавших в управлении, к 1989 г. был в 2 раза выше, чем аналогичный показатель у русских управленцев, и составлял 7,3% всего занятого населения украинской национальности, в то время как у русских – лишь 3,5% всего занятого русского населения (см. прил. 3, табл. 3.2).

В целом же предпочтения отрасли занятости у русских и украинцев были во многом схожи. Около половины русских и украинцев Свердловской области были заняты в промышленности (соответственно 44,7 и 41,4%), «популярными» отраслями также считались строительство (особенно у украинцев), народное образование, торговля и общественное питание, здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение, а также наука и научное обслуживание. Причем если в 1959 г. удельный вес украинцев, занятых в отрасли народного образования, был значительно ниже аналогичных показателей у русских (2,6% против 3,5% у русских¹), то к 1989 г. эти показатели фактически сравнялись. Несколько больший удельный вес украинцев, по сравнению с русскими, наблюдался среди работников партийных и общественных организаций (см. прил. 3, табл. 3.2).

Если рассматривать статистику по профессиональному составу населения этих этносов, то здесь также можно зафиксировать некоторые особенности. Доля украинцев, занятых преимущественно умственным трудом, была на порядок выше аналогичных показателей у русских и составляла 402 чел. на 1000 представителей украинской национальности против 336 чел. на 1000 представителей русской национальности. Значительно больший удельный вес украинцев наблюдался среди руководителей предприятий и организаций, особенно их структурных подразделений – отделов, секторов, цехов и т. д. (33 украинца на 1000 представителей данной национальности против 20 русских на 1000 представителей этой национальности), инженерно-технических специалистов (127 и 107 чел. соответственно), медицинских

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 55. Л. 52–55.

работников (36 и 31 чел.), работников искусства (5 и 3 чел.) и милиции (4 и 3 чел.). Среди профессий, требовавших применения преимущественно физического труда, удельный вес украинцев преобладал над удельным весом русских лишь в сфере лесозаготовок, охраны и выращивания леса (14 украинцев против 6 русских на 1000 представителей данных национальностей)¹.

Уровень образования *татарского и башкирского* населения области в рассматриваемый период был несколько ниже, чем у русских и украинцев, что объясняется длительностью периода преодоления конфессиональной замкнутости тюркоязычного населения Урала и активного включения его в социально-экономическую жизнь страны, требовавшую более высокого уровня профессиональной подготовки. Материалы переписей населения показывают, что резкое увеличение удельного веса дипломированных специалистов татарской и башкирской национальностей произошло в период 1970–1979 гг., когда численность татар с высшим образованием увеличилась в 4 раза, а со средним специальным – в 5,4 раза, башкир – соответственно в 2,7 и в 5,6 раза. Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался и рост удельного веса занятого населения татарской и башкирской национальностей, имевшего лишь общее среднее образование: с 1970 по 1989 г. его численность возросла в 8,5 раз у татар и в 6,4 раза у башкир (см. прил. 3, табл. 3.1).

Особенно ярко высокие темпы роста образовательного и профессионального уровня башкир проявились в Башкирской АССР. До конца 1920-х гг. в Башкирии вообще отсутствовала система высшего образования при ограниченной сети профессиональных училищ. Однако уже в 1927 г. на 10 тыс. чел. башкирского населения приходилось 1,1 студента вузов, а в 1940 г. – 8,2; учащихся средних специальных учебных заведений – соответственно 13,7 и 27,3. В 1946 г. башкиры составляли всего 6,5% студентов вузов республики. В некоторых вузах доля студентов-башкир была еще ниже: по состоянию на май 1947 г. они составляли в Уфимском авиационном институте всего 1,8%, а в Уфимском сельскохозяйственном институте – 5,0% от общего количества студентов. Почти все студенты-башкиры были выходцами из деревень, горожане среди

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 36в-2 «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям». Л. 12–23.

студенчества составляли менее 6,0%¹. Одной из причин, сдерживавших подготовку кадров национальной интеллигенции, М. Д. Киекбаев называет малочисленность выпуска средних национальных школ. В результате слабого знания русского языка только 29% учащихся десятых классов башкирских школ республики в 1945 г. выдержали экзамены на аттестат зрелости, в 1946 г. – 54,2%. Из-за этого башкирские юноши и девушки часто не могли приобщиться к специальному образованию, что задерживало подготовку интеллигенции из представителей коренной национальности республики. Если в 1946/47 уч. г. в вузах и средних специальных учебных заведениях обучалось менее 2 тыс. башкир, то в 1980/81 уч. г. – почти 30 тыс. Доля башкир в студенческом контингенте республики в 1960/61 уч. г. составляла 20%, в 1976/77 уч. г. – 23,9%, а в 1980/81 уч. г. – уже 24,9%. Возросла и численность учащихся-башкир в средних специальных учебных заведениях (с 14% в 1960/61 уч. г. до 22,4% в 1980/81 уч. г.). Если в 1960–1980 гг. численность дипломированных специалистов в целом в народном хозяйстве республики увеличилась почти в 3,1 раза, то численность специалистов-башкир возросла в 4,7 раза (татар – в 3,9 раза). В то же время наблюдался некоторый разрыв между долей башкир в общей массе населения республики и долей их среди специалистов: в 1980 г. доля башкир составляла 18% общей численности кадров с высшим и 15% – со средним специальным образованием (в 1960 г. соответственно 12 и 10%)².

Существенные социально-политические изменения, начавшие проявляться в 1980-х гг. и сопровождавшиеся всплеском сепаратистских тенденций в национальных республиках России, в том числе и в Башкирской АССР, рост этнического самосознания башкирской учащейся молодежи, ставшие следствием повышения интеллектуального, культурного и социального потенциала башкир, привели в итоге к неуклонному увеличению числа желающих поступить на башкирские отделения филологических факультетов Башкирского государственного университета (БГУ) и Башкирского государственного педагогического института. В 1989 г. в БГУ на 25 мест башкирского отделения филфака претендовало 110 абитуриентов, в 1991 г. – 129, в 1995 г. – 134³.

¹ Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998. С. 79.

² Там же.

³ Там же. С. 79.

И все же более низкий общий уровень образования тюркоязычного населения отразился на его профессиональном составе: большая часть татар Свердловской области к 1989 г. была занята преимущественно физическим трудом (77,2%) и лишь 22,8% – преимущественно умственным трудом. Материалы переписи населения 1989 г. показывают, что удельный вес татар, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и сфере общественного питания, был значительно выше, чем удельный вес занятых в этих отраслях русских и украинцев (см. прил. 3, табл. 3.2). Значительная часть татар работала в машиностроительной отрасли и металлообработке (19,2%), строительстве (5,6%), в сельскохозяйственной отрасли удельный вес татар по сравнению с русскими и украинцами был выше среди трактористов (2,3%), операторов, работавших с крупным рогатым скотом (1%). В сфере жилищно-коммунального хозяйства татары работали преимущественно по низкоквалифицированным специальностям: уборщиками (2,6%), дворниками (0,5%) и прачками (0,3%)¹.

В целом доля тюркоязычного населения Урала, занятого неквалифицированным и низкоквалифицированным физическим трудом, была заметно выше, чем доля русских и украинцев. Татары уступали русским и украинцам по общей численности и по удельному весу занятых преимущественно умственным трудом: среди руководителей предприятий и организаций, научных работников, преподавателей вузов и школьных учителей доля татар была в 3–4 раза ниже, чем доля русских. Доля татар среди партийных и государственных работников в Свердловской области также была невысока и составляла от 1% в 1959 г. до 1,8% в 1989 г. Однако в Башкирской АССР пропорциональный состав представителей основных этносов среди партийных и государственных служащих имел некоторые особенности, связанные с государственной линией в национальной политике в рассматриваемый период.

Смерть И. В. Сталина и смена руководства СССР повлекли за собой изменения в национальной политике в сторону «коренизации» руководящих кадров в союзных республиках и предоставления республикам большей самостоятельности. Эти изменения были тесно

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 36в-2 «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям». Л. 12–23.

связаны с именем Л. П. Берия, с санкции и под прямым давлением которого в республиках среднее и даже высшее звено руководства, русских по национальности, стали заменять национальными кадрами. В обстановке острой борьбы за власть в Кремле Берия таким образом рассчитывал получить поддержку и опору в лице национальных элит в республиках для захвата власти в стране. После ареста и последовавшего за ним «дела Берия» во всех республиках прошли пленумы, на которых Берия и его сторонники осуждались за провокационные попытки поссорить национальности СССР между собой, однако наметившееся с этого времени преобладание национальных кадров в руководстве республик было сохранено¹. В итоге к 1959 г. среди служащих партийных, государственных и общественных организаций Башкирской АССР башкиры составляли 17%, татары – 20%, в Удмуртской АССР представители титульной нации – удмурты – составляли 22,6% партийных и государственных работников².

Тенденции повышения уровня образования *немцев* в 1959–1989 гг. были сходными с аналогичными тенденциями у татар. Удельный вес дипломированных специалистов немецкой национальности резко повысился: в период 1970–1979 гг. численность немцев с высшим образованием увеличилась в 3,4 раза, со средним специальным – в 3,8 раз (см. прил. 3, табл. 3.1). В течение же всего рассматриваемого периода удельный вес занятого немецкого населения с высшим, средним специальным и средним общим образованием неуклонно повышался, что связано прежде всего с ослаблением ограничений по национальному признаку в отношении граждан немецкой национальности и появлением свободного доступа немцев к обучению в высших и средних специальных учебных заведениях.

В целом, несмотря на отмеченные выше этнические особенности социального и профессионального состава, тенденции повышения общего уровня образования были характерны для всех этносов Урала. Во второй половине XX в. неуклонно увеличивалась численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, а также возрастала численность населения, получившего среднее общее образование, что стало результатом перехода к всеобщему обязательному семилетнему образованию.

¹ Бакланов В. И. Указ соч. С. 49.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2008. Л. 2.

Таким образом, несмотря на то что основной этнический состав населения Уральского региона к середине XX в. уже сложился, довольно активные этнодемографические процессы продолжались и во второй половине XX столетия. На них оказывали влияние несколько факторов, главными из которых были миграционные процессы и национальная политика государства. Эти факторы существенно влияли как на изменения пропорционального соотношения населения, принадлежащего к различным этносам, так и на этнокультурную ситуацию в регионе.

Активные миграционные процессы, происходившие в советский период, привели к повсеместному превалированию на Урале русского населения, а значит, и русского языка. При этом национальная политика государства в рассматриваемый период была направлена на насаждение и распространение русского языка при ущемлении прав национальных языков и культур в целом. Все это приводило к утрате нерусским населением региона навыков общения на своем национальном языке. Особенно пострадали этносы, близкие к русским «родственно» (украинцы, белорусы) и культурно (удмурты, чувашаи), подвергшиеся естественным процессам ассимиляции, а также народы, ставшие жертвами национальной политики государства (немцы, евреи). Больше возможностей сохранить свой национальный язык в качестве основного языка общения имели компактно расселявшиеся замкнутые этносы (казахи) и начавшие формироваться кавказские диаспоры.

Тем не менее многие этносы Урала именно в советский период получили возможность существенно повысить свой образовательный уровень и активно включиться в социально-экономическую жизнь страны. Представители этносов, которые к началу изучаемого периода уже имели достаточный для того времени общий уровень образования (евреи, русские, украинцы), уже к 1959 г. составляли существенную часть дипломированных специалистов. Изолированные в прошлом этносы (татары, башкиры) преодолевали разницу в уровне образования значительно дольше и достигли уровня русских лишь к 1979 г.

Глава 2

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

2.1. Половозрастная структура основных этносов

Половозрастная структура населения играет активную роль во всех общественных процессах, и конечно в демографических. Она оказывает влияние на величину всех демографических показателей: брачности, рождаемости, смертности и т. д. — и находится в тесном взаимодействии со всеми демографическими процессами. Одним из важных следствий такого взаимодействия является то, что половозрастная структура накапливает в себе и хранит запас демографической инерции, потенциал роста населения, в силу которого движение населения (с положительным либо отрицательным сальдо) продолжается долгое время после того, как его движущие силы уже иссякли или изменили свое направление на противоположное¹.

Распределение по полу и возрасту населения Уральского региона определяется влиянием на него, с одной стороны, общих для страны факторов социально-экономического и демографического характера, а с другой стороны, факторов, специфически присущих региону. Природные условия, географическое положение, темпы хозяйственного развития, движение народонаселения Урала — все это в той или иной мере отражается в демографической структуре.

Материалы переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. позволяют вскрыть этнические различия в половозрастной структуре населения Уральского региона, проследить те изменения, которые произошли в распределении населения различных этносов по возрасту и полу с 1959 по 2002 г., а также проанализировать этнические особенности демографической структуры региона.

Важнейшей характеристикой демографической структуры, существенно влияющей на многие стороны функционирования народонасе-

¹ Борисов В. А. Демография: учеб. для вузов. М., 2003. С. 94–95.

ления, является соотношение между полами. Это соотношение выражается посредством удельных весов мужчин и женщин в населении.

Россия в XX в. понесла огромные потери населения в ходе войн, классовой борьбы, насильственных миграций. На протяжении всей первой половины XX в. половое соотношение почти неуклонно ухудшалось, удельный вес мужчин в населении сокращался, а женщин – рос. Если в конце XIX в. (по переписи 1897 г.) число женщин в Российской империи превышало число мужчин всего на 1,1%, то в начале 1927 г. – на 10,6%, а к началу 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, – уже на 12,1% (табл. 15).

Таблица 15

Половая структура населения России в 1897–1989 гг.¹

Год	Численность населения, тыс. чел.			Доля населения, %		Женщин на 1000 мужчин
	Всего	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
1897	65978	32102	33876	48,7	51,3	1055
1927	93604	44454	49150	47,4	52,6	1106
1939	108377	51101	57276	47,2	52,8	1121
1940	110098	51856	58242	47,1	52,9	1123
1941	108377	52539	58449	47,2	52,8	1121
1946	97548	41708	55840	42,8	57,2	1339
1959	117534	52425	65109	44,6	55,4	1242
1970	129941	59161	70780	45,5	54,5	1196
1979	137410	63208	74202	46,0	54,0	1174
1989	147022	68714	78308	46,7	53,3	1140

Вторая мировая война привела к громадной деформации половой структуры населения. После окончания войны, в начале 1946 г., число женщин на 1000 мужчин в России составляло 1339, т. е. женщин было на 33,9% больше, чем мужчин². В течение изучаемого периода половая структура населения страны постепенно, очень медленно выравнивалась, однако негативные последствия войны продолжали сказываться.

Тенденции изменения половой структуры населения в течение второй половины XX в. были общими для всех этносов региона, од-

¹ Рассчитано по: Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998. С. 36–37.

² Там же.

нако переписи выявили некоторые различия в показателях, что можно рассмотреть на примере Свердловской области (табл. 16).

Таблица 16

Распределение населения Свердловской области по национальности и полу¹, чел.

Национальность	Женщин на 1000 мужчин			
	1970	1979	1989	2002
Всего по области	1173	1167	1144	1171
В том числе:				
русские	1205	1196	1164	1182
украинцы	728	766	868	1041
белорусы	871	917	1016	1173
башкиры	1077	1113	1184	1203
марийцы	1208	1208	1211	1230
мордва	1245	1326	1340	1335
татары	1130	1142	1134	1164
удмурты	1236	1252	1305	1359
чуваши	1004	1029	1121	1202
евреи	1051	1039	1024	960
немцы	960	947	963	1030

Приведенные данные свидетельствуют о том, что Средний Урал во второй половине XX в. отличался численным преобладанием женщин в населении. Наличие этой диспропорции в значительной мере связано с особенностями экономического и демографического развития Уральского региона. Пик наращивания Уралом экономического потенциала и хозяйственного освоения уже прошел, и регион во второй половине XX в. считался вполне обжитым, а, как известно, обжитые районы, терявшие в данный период население в межрайонных миграциях, характеризуются пониженной долей мужчин в населении².

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1970 г. Табл. 31с «Распределение населения по возрасту, состоянию в браке и национальности»; Перепись 1979 г. Табл. 27в «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту»; Перепись 1989 г. Табл. 29с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту»; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. С. 558–570.

² Территориальные особенности народонаселения РСФСР / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М., 1976. С. 79.

Наибольшее численное преобладание женщин над мужчинами наблюдалось у угро-финских народов – удмуртов (1359 женщин на 1000 мужчин в 2002 г.), мордвы (1335) и марийцев (1230), причем если у марийцев соотношение мужского и женского населения на протяжении 20 лет оставалось стабильным и диспропорция возросла только в самом конце XX в. (в межпереписной период 1989–2002 гг.), то преобладание морденок и удмурток над мужчинами этих же этносов неуклонно росло на протяжении последних 30 лет XX в. (см. табл. 16). Стабильным оставалось 0,5–4%-е численное преобладание женщин над мужчинами у русского (1182 женщины на 1000 мужчин в 2002 г.), татарского (1164), башкирского (1203), чувашского (1202) этносов. Такой «перекос» объясняется более высоким миграционным приростом женщин данных этносов по сравнению с мужчинами: так, по данным статистики за 1988 г., миграционный прирост женщин-морденок в городах составлял 92 чел., в то время как мужчин этой национальности – лишь 2 чел., евреек – 57 чел., в то время как евреев – 35 чел.¹ В последнее десятилетие XX в. диспропорция в еврейской группе меняется в сторону преобладания мужчин (с 1024 женщин на 1000 мужчин в 1989 г. до 960 в 2002 г.). По данным Свердловского областного комитета государственной статистики, в 1995 г. миграционная убыль по Свердловской области составляла среди евреев-мужчин 145 чел., среди женщин этой национальности – 170 чел.²

Наоборот, резкое численное преобладание женщин над мужчинами в рассматриваемый период наблюдалось в украинской (1041 женщина на 1000 мужчин в 2002 г.), белорусской (1173) и немецкой (1030) группах, что также было связано с особенностями миграционных процессов (см. табл. 16). По городам Свердловской области на 1988 г. миграционный прирост мужчин белорусской национальности составил 233 чел., в то время как женщин этой национальности – лишь 64 чел. К этому периоду миграционная убыль среди немцев области составляла у мужчин 17 чел., у женщин – 221 чел.³ Подобные диспропорции полов напрямую влияли на ассимиляционные процес-

¹ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. М 3000003 «Распределение мигрантов по полу и национальности за 1988 г.». Л. 3.

² Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. М 3000001 «Распределение мигрантов по полу и национальности за 1995 г.». Л. 1.

³ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. М 3000003 «Распределение мигрантов по полу и национальности за 1988 г.». Л. 3.

сы в регионе: этим процессам особенно сильно были подвержены те этносы, у которых данные диспропорции были наиболее ярко выражены, что показали, в частности, половозрастные пирамиды (прил. 4).

Другая важная характеристика демографического потенциала региона – возрастная структура населения. Существующий режим рождаемости и смертности год за годом формирует возрастную структуру населения, которая и определяет, в свою очередь, течение демографических процессов на долгие годы вперед. Характеристики возрастной структуры (пропорции возрастов мужчин и женщин, средние, модальные и медианные показатели возраста, уровни долголетия и пр.) отличаются наибольшей региональной спецификой из всех демографических оценок развития территории. Возрастные пропорции аккумулируют исторический опыт развития региона, в них «записано» и прошлое, и отчасти будущее демографических процессов¹.

В течение второй половины XX в. существенных различий в возрастных структурах многонационального населения Урала не прослеживалось, тем не менее в 1959–2002 гг. наметилась устойчивая тенденция постарения населения. Процессом демографического старения возрастной структуры населения принято называть неуклонный рост в ней доли населения старших возрастов. Для оценки степени демографической старости населения существует конкретный показатель – удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше во всем населении. В табл. 17 показана его динамика по данным на время переписей населения. Обращает на себя внимание разница в величинах показателя демографического старения между городским и сельским населением. Сельское население значительно старше городского, что объясняется интенсивными процессами миграции молодежи из деревни в город.

Для анализа половозрастной структуры населения широко используется один из графических методов, называемый половозрастной пирамидой. Она представляет собой двустороннюю полосовую диаграмму, построенную в обычной системе координат. По оси ординат в произвольном масштабе отображается шкала возрастных групп, по оси абсцисс – шкала численности населения определенного возраста. Возрастные пирамиды наглядно отражают проявления основ-

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 81.

ных исторических событий в судьбах «своих» поколений и чутко реагируют на текущие изменения в рождаемости, смертности, миграции. Эти изменения заметно проявляются в критические для общества периоды войн, переселений, восстаний, голода и иных тотальных и региональных событий¹.

Таблица 17

Индекс демографической старости населения РСФСР, % от общей численности населения²

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1959	9,0	7,6	10,5
1970	11,9	10,6	14,1
1979	13,7	12,2	17,0
1989	15,3	14,2	18,4

Возрастная структура населения Уральского региона, как и РСФСР в целом, на момент переписей 1959 и 1970 гг. носила на себе следы трех войн, но особенно серьезными были последствия Второй мировой. Послевоенная пирамида лишь отдаленно напоминает классическую и имеет два отчетливо выраженных провала, поскольку в первые годы войны наряду с начавшимся снижением рождаемости имело место чрезвычайно большое число смертных случаев. Дальше смертность росла уже за счет военных прямых и косвенных потерь³. За счет снижения рождаемости очень малочисленными были в 1959 г. возрастные группы 10–19 лет, а за счет увеличения смертности – 35–44 лет (табл. 18).

Благодаря повышенному уровню рождаемости в предшествующий переписи период в 1959 г. группы детей до 9 лет многочисленны. Малочисленные поколения первых послевоенных лет свидетельствуют о значительном оттягивании периода компенсаторной волны рождаемости в голодные 1940-е. Доля детей, родившихся спустя десять лет после войны, почти в полтора раза больше, чем в первую послевоенную пятилетку⁴.

¹ Борисов В. А. Указ. соч. С. 88.

² Там же. С. 105.

³ См. Корнилов Г. Е. Уральское село и война: пробл. демогр. развития. Екатеринбург, 1993. С. 47.

⁴ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 93.

Пирамида 1970 г. показывает резкое увеличение доли пожилых и престарелых поколений. Особенно увеличилось число женщин в возрасте 60 лет и старше. Это явление, в свою очередь, обусловило проявление новейших депопуляционных тенденций именно среди женской части населения Урала, и прежде всего в сельской местности. В возрастной пирамиде переписи 1970 г. женская группа населения самая представительная. Отчетливо просматриваются повторные следы войны (инверсия военных лет в численности родившихся через поколение). Так, одной из причин уменьшения числа детей в возрасте от 0 до 4 лет была малочисленность возрастной группы женщин 20–24 лет. За 1959–1970 гг. значительно сократилась доля детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет (с 37,7 до 29,9%)¹.

Таблица 18

Половозрастная структура населения Урала в 1959 г., %²

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Оба пола
0–15	35,5	28,7	31,8
0	2,8	2,2	2,5
1–6	16,2	13,1	14,5
7–15	16,5	13,4	14,8
16–54 (жен.)	59,5	56,9	58,0
16–59 (муж.)			
16–19	7,7	6,4	7,0
20–24	11,7	9,4	10,5
25–29	10,4	8,6	9,4
30–34	9,9	9,6	9,7
35–39	4,3	5,5	5,0
40–44	4,2	5,6	5,0
45–49	4,7	6,3	5,6
50–54	3,8	5,5	4,7
55–59 (муж.)	2,5	0,0	1,1
55 и старше (жен.)	5,1	14,4	10,2
60 и старше (муж.)			
Итого	100,0	100,0	100,0

В возрастных пирамидах 1979 и 1989 гг. следы войн и иных катаклизмов заметно сглаживаются. Пропорции мужчин и женщин в молодежных и рабочих возрастах улучшаются.

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 94.

² Население Урала. XX век. Екатеринбург, 1994. С. 195.

Обратимся к рассмотрению этнических особенностей половозрастной структуры населения региона. Половозрастные пирамиды, составленные по данным переписи населения Свердловской области 1989 г., показывают, что возрастной состав населения основных этносов региона имел как общие черты, так и довольно заметные различия (см. прил. 4). Общую черту пирамид определили последствия войны: все половозрастные пирамиды сужены в области показателей поколения 40–49 лет (1940–1949 гг. рождения). Они также показывают численное преобладание женщин по сравнению с мужчинами в возрастной категории 65 лет и старше, т. е. среди того поколения, которое принимало активное участие в военных действиях.

Что же касается различий, то половозрастные пирамиды основных этносов региона можно разделить на две группы. В *первую группу* входят народы, чьи половозрастные пирамиды имеют относительно правильную форму, – русские, марийцы, татары и башкиры (см. прил. 4). От второй группы народов по данной классификации первая группа отличается стабильным ростом рождаемости во второй половине изучаемого периода и соответственно повышением удельного веса молодого поколения – населения в возрасте 0–14 лет. Резкий спад рождаемости у русских, марийцев, татар и башкир в 1960-х гг. с 1970–80-х гг. сменился стабильным ростом, продолжавшимся до конца рассматриваемого периода. Среди русского населения повышение рождаемости отмечалось уже с начала 1970-х гг., среди марийцев – с середины 1970-х гг., среди татар и башкир – с начала 1980-х гг. В результате к 1989 г. в этих этносах доля детей до 14 лет была наиболее высокой в Свердловской области (табл. 19), а средний возраст населения ниже, чем у других этносов (табл. 20). Причем доля мальчиков была существенно выше, чем девочек, что объясняется повышенной долей женщин пожилого возраста в общей численности населения.

Но, несмотря на это, общие тенденции постарения населения коснулись и этих этносов (табл. 21).

Осуществляя анализ степени постарения населения, мы используем классификацию демографической старости, разработанную Э. Россетом:

- 12–14% – начальный уровень демографической старости;
- 14–16% – средний уровень демографической старости;
- 16–18% – высокий уровень демографической старости;
- 18% и более – очень высокий уровень постарения населения.

Таблица 19

Удельный вес населения основных этносов Свердловской области
в возрасте 0–14 лет (по материалам переписи населения 1989 г.),
% от общей численности¹

Национальность	Оба пола	Мужчины	Женщины
Русские	17,8	26,7	22,3
Украинцы	8,5	8,1	8,9
Белорусы	5,7	5,7	5,8
Башкиры	19,7	21,8	17,9
Марийцы	23,2	25,4	21,4
Татары	18,5	20,3	16,9
Удмурты	11,7	13,3	10,5
Евреи	7,2	7,9	6,4
Немцы	12,7	13,6	11,8

Таблица 20

Средний возраст населения основных этносов Свердловской области
(по материалам переписи населения 1989 г.), лет²

Национальность	Все население	Городское население	Сельское население
Русские	34,3	34,2	35,0
Украинцы	42,5	42,9	38,9
Белорусы	46,0	45,9	46,5
Башкиры	32,3	32,6	30,5
Марийцы	31,8	31,8	31,7
Татары	35,6	35,5	35,9
Удмурты	38,6	39,2	36,9
Евреи	50,8	50,8	48,6
Немцы	41,8	41,8	41,7

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 29с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту». Л. 1–9.

² Рассчитано по: Там же. Л. 1–27.

Таблица 21

Удельный вес населения основных этносов Свердловской области в возрасте 60 лет и старше (по материалам переписи населения 1989 г.), % от общей численности¹

Национальность	Оба пола	Мужчины	Женщины
Русские	15,0	9,7	19,5
Украинцы	24,0	21,7	26,6
Белорусы	24,3	20,0	28,4
Башкиры	9,4	6,6	11,8
Марийцы	10,4	6,9	13,4
Татары	13,5	9,4	17,2
Удмурты	15,0	9,5	19,2
Евреи	38,6	33,0	44,0
Немцы	24,7	24,0	25,4

Из выделенной нами первой группы народов наибольшая степень постарения населения к концу XX в. наблюдалась у русских, достигших среднего уровня демографической старости, и татар, находившихся на начальном уровне демографического постарения. Причем уровень постарения наиболее высоким был среди женского населения этих этносов, что объясняется более длительной продолжительностью жизни женщин и соответственно большим их удельным весом среди всего населения. Эти крупные этносы раньше остальных втянулись в характерный для России процесс постарения. Наиболее молодыми этносами Свердловской области были этносы, отличавшиеся достаточно высокой рождаемостью и значительной конфессиональной сплоченностью, снижавшей процент межэтнических браков, – марийцы и башкиры.

Во *вторую группу* вошли этносы, чей половозрастной состав отличался преобладанием населения средних и старших возрастных групп, – украинцы, белорусы, удмурты, немцы и евреи (см. прил. 4). Их половозрастные пирамиды резко сужены в нижней части, что свидетельствует о высоких темпах демографического постарения. Наиболее низкая доля детей 0–14 лет наблюдалась у белорусов, украин-

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 29с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту». Л. 1–9.

цев и евреев. Основной причиной снижения удельного веса детей белорусской и украинской национальностей, по всей видимости, являлось увеличение доли этнически смешанных русско-украинских и русско-белорусских браков, в которых ребенку, как правило, присваивалась русская национальность. К сожалению, материалы переписей населения не содержат достаточно полной информации о национальной принадлежности детей в межнациональных семьях.

Снижение как абсолютной численности, так и удельной доли детей и подростков еврейской национальности связано прежде всего с общей для этого этноса тенденцией перехода к малодетности и активной миграцией средних и молодых поколений за рубеж – в США, Израиль и другие страны мира. Немаловажным фактором снижения численности евреев этой возрастной группы была, как и в случае с украинцами и белорусами, ассимиляция их русскими¹. Уже перепись 1970 г. отметила крайне неблагоприятную возрастную структуру еврейского населения страны. По данным переписи, 26,4% евреев РСФСР составляли лица в возрасте старше 60 лет. По классификации Э. Росета, это очень высокий уровень постарения населения. Между тем доля лиц старше 60 лет в населении России в целом составила в 1959 г. 9,0%, в 1989 г. – 15,3%². В РСФСР 16,3 и 16,0% евреев относились к возрастным группам 50–59 и 40–49 лет соответственно. Далее структура еврейского населения по возрастам выглядела следующим образом: 30–39 лет – 15,1%, 20–29 лет – 10,9%, 11–19 лет – 8,2%, 0–10 лет – 6,9%³. Как было отмечено выше, постарение населения, как и падение уровня рождаемости и естественного прироста, было всеобщей тенденцией демографического развития населения страны, однако в среде еврейского населения эти процессы проходили в несколько раз интенсивнее. По результатам переписи 1989 г., евреи являлись самым старым этносом на Среднем Урале. Средний возраст еврейского населения – 50,8 лет, тогда как у представителей большинства этносов он составляет менее 40 лет. Доля лиц старше трудоспособного возраста у евреев составляла 38,6% (у всего населения – 15,6%), лиц трудоспособного возраста – 54,2% (у всего населения –

¹ Козлов В. И. Динамика населения СССР (общий и этнодемографический обзор) // История СССР. 1991. № 5. С. 10–11.

² Народы России: энцикл. М., 1994. С. 21.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 373.

66,4%), лиц моложе трудоспособного возраста – 7,2% (у всего населения – 18,0%)¹. По данным выборочного исследования, проведенного Б. И. Бурштейн и А. М. Бурштейном в конце 1980-х гг. среди евреев Перми, к возрастной категории старше 60 лет относились 24,5% евреев города, 40–59 лет – 27,0%, 30–39 лет – 23,3%, 16–29 лет – 16,2%, до 16 лет – лишь 9,0%².

Регрессивный тип воспроизводства был свойственен и немцам Урала. Перепись 1989 г. показала резкое снижение в Свердловской области удельного веса немцев возрастной группы 0–24 года, что также связано с начавшимся с конца 1980-х гг. оттоком их за рубеж, главным образом в Германию. Уменьшение доли молодых поколений немцев сопровождалось соответственно увеличением доли старшего поколения и началом необратимого, по всей видимости, процесса депопуляции.

Аналогичные негативные тенденции наблюдались и у удмуртов, однако наиболее ярко они были выражены в областях Урала с низкой удельной долей населения этой национальности. Так, в Свердловской области, где удмурты к 1989 г. составляли лишь 0,3% всего населения, расселялись преимущественно дисперсно и поэтому сильнее всех подверглись ассимиляции со стороны русских, доля детей и подростков в возрасте 0–19 лет была чрезвычайно низкой, в то время как в Удмуртской АССР особых различий в половозрастной структуре между русскими и удмуртами не наблюдалось³.

Таким образом, переписи населения выявили общую для всех этносов Урала тенденцию постарения. Определенные различия в половозрастной структуре населения основных этносов Урала состоят в некотором замедлении этого процесса у одних этносов, причиной которого является их несколько бóльшая этническая сплоченность, либо в ускорении процесса постарения у других этносов под влиянием миграции и ассимиляции.

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 29с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту». Л. 1–27.

² *Прощенок Т. В.* Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие). С. 100.

³ *Чернышева И. В.* Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике. 1989–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2001. С. 65.

2.2. Этнические аспекты воспроизводства населения

Необходимым условием существования этноса является естественное воспроизводство населения. Такие процессы естественного движения населения, как рождаемость, смертность, брачность и разводи́мость, оказывают самое непосредственное воздействие на развитие этноса. Показатели естественного движения населения являются одним из важных критериев общего процесса демографического движения населения. При изучении истории этноса демографические данные служат источником для решения самых различных исследовательских задач. В число таких задач входит, в частности, исследование динамики численности представителей данного народа на определенной территории. Это, в свою очередь, предполагает выявление специфических этнических факторов, влияющих на процессы естественного воспроизводства. Известно, что уровень рождаемости, смертности и т. д. зависит не только от социально-экономических условий, он во многом предопределен психологическими установками, обусловленными приверженностью историко-культурной или религиозной традиции. Численность и половозрастной состав этнодисперсной группы, рассмотренные нами в предыдущем параграфе, кроме того, являются одним из факторов культурного взаимодействия представителей данной группы с другими народами, оказывают воздействие на ход ассимиляционных процессов. Понимая под демографическим развитием процесс количественных и качественных изменений в народонаселении, можно констатировать, что этот процесс во многом формирует особенности этнокультурного облика населения в целом и определенного народа в частности.

В процессе воспроизводства населения ярко проявляется этнический фактор. Для России, как и для большинства многонациональных государств, на протяжении XX в. были характерны этнические различия в рождаемости. Они отражают как своеобразие культуры и брачно-семейных отношений, так и неравномерность демографического перехода у разных народов в силу особенностей исторического развития. Как отмечает Г. А. Бондарская, этнические различия в рождаемости стали одной из важных черт демографического развития России, особенно в послевоенный период, хотя и были гораздо менее выражены в ней, чем в СССР в целом. Более высокой рождаемостью всегда выделялись мусульманские народы (башкиры, большинство татар, почти все народы

Северного Кавказа). На фоне очень больших различий в рождаемости народов СССР (максимальные показатели у народов Средней Азии в 4–5 раз превышали минимальные показатели у народов европейской части страны) Российская Федерация выглядела сравнительно однородной в этом отношении республикой¹. Разница в уровне рождаемости в целом зависит от степени модернизации этнического сообщества (например, от уровня урбанизации, образования, особенно женщин). Демографический потенциал у народов Кавказа еще высок, в то время как у народов европейской части России он практически исчерпан².

По материалам переписей населения чрезвычайно сложно выявить этнические особенности естественного движения населения, поскольку при проведении переписи данные о воспроизводстве населения непосредственно не выявлялись. Для проведения переписи населения 1959 г. были разработаны табл. 16а «Группировка семей по размерам и национальному составу», табл. 16б «Состав смешанных семей по размерам, полу, национальностям» и табл. 16в «Состав семей по полу, возрасту и размерам по отдельным национальностям», однако все они учитывали данные с 5%-й выборкой, что существенно снижало достоверность демографических показателей. К переписи 1970 г. формы статистических таблиц были несколько усовершенствованы: табл. 31с «Возраст и состояние в браке населения по основным национальностям», табл. 36вб «Распределение семей по типам, числу детей и национальностям», табл. 38в «Распределение семей по размеру по основным национальностям» и табл. 39вд «Число и возраст детей в семье в связи с возрастом и национальностью матери» позволяют с большей достоверностью выявить уровень рождаемости и брачности населения основных национальностей, а табл. 38ва «Семья с одной брачной парой, в которой супруги имеют разные национальности» фактически дает единственную возможность проследить численность и удельный вес этнически смешанных браков в регионе.

Преимущества статистики 1970 г. перед аналогичной статистикой 1959 г. состоят в том, что при сборе данных учитывалось все население. Формы статистических таблиц переписи 1979 г. мало отличались от форм таблиц предыдущей переписи: табл. 28с «Распреде-

¹ Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 65.

² Население России. 1999: седьмой ежегод. демогр. докл. / под ред. А. Г. Вишневого. М., 2000. С. 31.

ние населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту», табл. 38с «Распределение семей по размеру по отдельным национальностям» и табл. 44в «Распределение женщин по возрасту, состоянию в браке, числу рожденных детей и национальности», сходные с аналогичными таблицами переписи 1970 г., содержали статистические данные по уровню брачности и рождаемости, но в программе переписи уже отсутствовала таблица по анализу численности и удельного веса этнически смешанных браков. К началу проведения переписи 1989 г. форма табл. 30с «Распределение населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту» осталась фактически неизменной и сходной с табл. 28с предыдущей переписи, в то время как табл. 42с «Распределение семей по их размеру и национальности членов семей» в большей степени учитывала национальный состав членов семьи, что позволяло выявить численность и удельный вес этнически смешанных браков, а также количество членов семей в зависимости от их этнической принадлежности.

Таким образом, статистические разработочные таблицы переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. позволяют лишь косвенно выявить этнические особенности уровня рождаемости и брачности. Отсутствие стабильных форм для выявления общей численности и удельного веса этнически смешанных браков не дает возможности проследить динамику этих показателей, что соответственно затрудняет изучение уровня и особенностей ассимиляционных процессов в регионе и состояния межэтнических отношений в целом.

Прежде чем рассматривать этнические особенности естественного движения населения Уральского региона, необходимо обратиться к общим аспектам этих процессов в стране в целом и на Урале в частности, характерным для рассматриваемого периода.

Вступив на путь демографической модернизации позднее экономически развитых стран, лишь в конце XIX в., Россия уже к началу 1960-х гг. имела близкие к ним показатели рождаемости и продолжительности жизни.

В числе причин, способствовавших снижению рождаемости и смертности, много сходных, хотя их влияние на динамику этих двух процессов зачастую было противоположным. Так, достаточно низкий по стандартам западных стран уровень жизни населения одновременно ускорял снижение рождаемости и тормозил рост продолжительности жиз-

ни. Аналогичной была и роль всех пережитых Россией политических и социально-экономических катаклизмов первой половины XX столетия, среди которых в первую очередь следует назвать коллективизацию, политические репрессии и массовые принудительные миграции.

В то же время общее повышение в сравнении с дореволюционным состоянием уровня жизни, грамотности и социально-гигиенической культуры населения, способствуя снижению рождаемости, одновременно оказывало сильное положительное влияние на динамику смертности. Особую роль в этом процессе играла отечественная концепция развития общественного здравоохранения, ориентированная на массовую профилактику и предупреждение инфекционных и эпидемических заболеваний, на вакцинацию и иммунизацию всего населения. В результате Россия, пережившая в XX в. несколько разрушительных войн, достигла к середине 1960-х гг. среднеевропейского уровня продолжительности жизни (около 70 лет). Под достаточно эффективный социальный контроль были поставлены все опасные инфекционные и паразитарные заболевания, эпидемии, болезни органов дыхания и пищеварения, младенческая и материнская смертность.

Это означало, что в России были решены основные задачи первого этапа эпидемиологической революции и она вступила во второй ее этап – этап доминирования хронических, трудноизлечимых патологий: болезней системы кровообращения и новообразований, свойственных постпереходному, активно стареющему обществу. В то же время сохранялись и значительные резервы роста продолжительности жизни за счет снижения смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, а также других – экзогенных, принципиально устранимых причин смерти¹.

Несколько иначе выглядела динамика рождаемости. После нескольких десятилетий последовательно то ускорявшегося, то замедлявшегося снижения в довоенный период, в первые послевоенные годы произошел значительный ее взлет – так называемый послевоенный компенсаторный подъем. Последовавший за ним резкий спад рождаемости, начавшийся уже в конце 1950-х гг., вплотную подвел Россию к среднеевропейскому уровню рождаемости тех лет. Практически 1950-е гг. были последними, когда уровень рождаемости обеспечивал расширенное воспроизводство всего населения страны, а не только отдельных ее частей

¹ Захарова О. Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы // Социол. исслед. 1995. № 9. С. 101.

(например, сельского населения) или регионов (национальных республик). С середины 1960-х гг. уровень рождаемости населения России перестал обеспечивать даже простое замещение поколений родителями поколениями детей, и наступление депопуляции стало, по сути, делом времени. Ее наступление могло быть лишь ускорено или, напротив, отодвинуто какими-то внешними обстоятельствами¹.

При большом внешнем сходстве количественных показателей рождаемости в середине 1960-х гг. между Россией и другими европейскими странами сохранялось огромное качественное различие. Суть его в значительной этнической и социальной гетерогенности населения России, обуславливавшей вплоть до недавнего времени этнорегиональную дифференциацию режимов воспроизводства населения. Несмотря на то что уровень рождаемости населения страны в целом уже в середине 1960-х гг. упал ниже границы простого замещения поколений, сохранялись две группы территорий, составлявших арьергард демографического перехода. Помимо уровней рождаемости, обеспечивавших расширенный режим воспроизводства, они обладали и значительной численностью населения, могли оказывать существенное влияние на динамику и воспроизводство населения России. Это, во-первых, национальные республики в составе Российской Федерации и, во-вторых, сельское население большей части краев и областей страны².

Однако такое положение не могло сохраняться долго в условиях, когда основная масса жителей страны (городское население России) уже исповедовала новый тип репродуктивного поведения – малодетность. Мощный удар по традициям многодетности нанес запрет на использование труда детей и подростков в общественном производстве и в частном секторе. Аналогичную роль в 1960-е гг. начала играть система социального обеспечения. Согласно пенсионному законодательству были повышены уровни пенсионного обеспечения, снижены возрастные границы выхода на пенсию по старости и нетрудоспособности. В результате резко увеличилось число пенсионеров, сократилась занятость пожилых людей в общественном производстве и ослабело влияние многодетности как своеобразного гаранта материального обеспечения в старости, хотя законодательство и предусматривало

¹ Захарова О. Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. М., 1995. С. 34–46.

² Там же. С. 49–59.

взаимную материальную ответственность родителей и детей в случае нетрудоспособности сторон¹. В то же время и этническое большинство страны (русские) практически полностью перешло на режим суженного воспроизводства. Это обстоятельство сыграло, возможно, решающую роль в ускорении демографического перехода большей части других этносов страны из-за смешанного этнического состава населения практически всех национальных республик.

По мере распространения процессов демографической модернизации на часть арьергардных регионов и усиления миграционного оттока сельских жителей в города база «сопротивления» депопуляционному режиму воспроизводства населения сужалась. Одновременно под влиянием низкой рождаемости как таковой и постепенного уменьшения смертности усиливалось старение. В результате примерно за полтора десятилетия (к концу 1970-х гг.), в течение которых коэффициент суммарной рождаемости стабильно оставался ниже границы простого замещения поколений, население России вплотную подошло к порогу депопуляции (табл. 22).

Таблица 22

Региональная дифференциация рождаемости²

Регионы	Число рожденных в среднем одной женщиной в возрасте 15–49 лет по годам					
	1978–1979	1982–1983	1986–1987	1989	1991	1993
Россия	1,885	2,047	2,195	2,007	1,732	1,385
В том числе: Национальные республики	2,388	2,501	2,728	2,460	2,191	1,822
Области Европейской России и Урала	1,826	1,962	2,118	1,944	1,661	1,318
Области Сибири и Дальнего Востока	2,025	2,236	2,256	2,059	1,775	1,401

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 64.

² Захарова О. Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы. С. 103.

При этом естественный прирост населения продолжал оставаться положительным, и оно постоянно увеличивалось, несмотря на отрицательное сальдо внешней миграции, что было обусловлено сохранением потенциала роста самой возрастной структуры, значительная часть репродуктивных когорт которой была сформирована в годы более высокой рождаемости. Это и обеспечивало достаточно большую массу рождений, превосходящую число смертей.

В региональном разрезе ситуация в рассматриваемый период выглядела следующим образом. К концу 1970-х гг. в России сформировались две в целом достаточно однородные с точки зрения режима рождаемости группы регионов. К первой относятся республики в составе России, для которых характерно, с одной стороны, этнически смешанное население, с другой – расширенный режим воспроизводства, базирующийся на нормах среднедетности с остаточными проявлениями многодетности. Во вторую группу входили области и края России с преобладанием русского населения, для которых режим суженного воспроизводства к этому моменту стал свершившимся фактом. При всей качественной однородности эта группа также может быть разделена на две самостоятельные подсовокупности, обладавшие заметными количественными различиями в возрастном и этническом составе населения и соответственно в уровнях рождаемости и естественного прироста. Первая из них – области и края Европейской России и Урала, в которых при депопуляционном уровне рождаемости были исчерпаны все эндогенные резервы роста населения (высокий уровень старения); вторая – области и края Сибири и Дальнего Востока, где за счет более молодой возрастной структуры, сформированной под воздействием миграции, при близких уровнях рождаемости сохранялись предпосылки для более устойчивого воспроизводства и положительного естественного прироста населения. Значительным преимуществом этих регионов является и то, что для них характерен менее гомогенный этнический состав, также способствующий поддержанию более высокого уровня рождаемости¹. В Екатеринбурге показатель рождаемости упал с 36,7 рождений на 1000 чел. в 1950 г. до 18,7 в 1960 г., а в 1970 г. произошел тяжелейший спад – 14,6, который был воспроизведен вновь в динамике 1990-х гг., т. е. через поколение. Эта тенденция объясняет-

¹ Захарова О. Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы. С. 103.

ся тем, что после 1960-х гг. на общие коэффициенты рождаемости в городе оказывала влияние в основном наполняемость группы наиболее фертильного возраста – 20–29 лет. Удельный вес женщин этого возраста в группе 15–49 лет составил в 1959 г. 36,9%, к 1970 г. упал до 27,8%, в 1979 г. подскочил до 36,1%, что сказалось на вале рождаемости, в 1989 г. вновь снизился до 31,4%¹.

Наряду с общим падением рождаемости сократилась ее социальная дифференциация. Если в 1967 г. величина суммарного коэффициента рождаемости (СКР) составила у колхозниц 3,89, у женщин-рабочих – 2,65 и у служащих – 1,93, то в 1977 г. она уменьшилась во всех указанных группах (соответственно 2,92; 1,98; 1,76). Наиболее заметным процесс снижения рождаемости был в городах. Так, средний порядковый номер родившегося составил в городской местности Уральского экономического района в 1964 г. у рабочих 2,09, у служащих – 1,67; в 1977 г. показатели снизились и сблизились (соответственно 1,72 и 1,6). За полувековой период рождаемость значительно помолодела. Доля детей, родившихся у женщин в возрасте до 30 лет, в 1928 г. составляла у крестьянок 35,0%, у рабочих – 69,1, у служащих – 72,5%. В 80–90-е гг. XX в. от 80 до 90% родившихся появляются у женщин в возрасте до 30 лет². Сокращение частоты рождаемости в течение изучаемого периода происходило во всех возрастных группах за исключением самой молодой – до 20 лет (табл. 23).

Однако по параметрам воспроизводства населения Уральский экономический район не был однороден. В 1982 г. в его состав вошла Башкирская АССР, что несколько изменило общеуральские показатели суммарного коэффициента рождаемости: если в 1988–1989 гг. СКР в Уральском районе составил 2,08, то при учете Башкирии – 2,10, в городской местности – соответственно 1,91 и 1,90, в сельской – 2,79 и 2,85³. Тем не менее падение рождаемости в условиях урбанизации происходило в рассматриваемый период и в Башкирской АССР, причем оно по-разному проявлялось среди различных этносов республики. Например, уже с конца 1970-х гг. относительная рождаемость русских была самой низкой (табл. 24). Падение масштабов рождаемости, начавшееся с середины 1980-х гг., более высокими темпами

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 66.

² Там же. С. 68.

³ Там же.

происходило также у русских. До середины 1980-х гг. рождаемость татар превосходила показатели башкир и русских, затем началось ее резкое падение, и к 1993 г. она уменьшилась более чем в 2,5 раза (табл. 24).

Таблица 23

Динамика повозрастных коэффициентов рождаемости на Урале,
число живорождений на 1000 женщин¹

Воз- раст, лет	Годы							
	1958–1959		1969–1970		1978–1979		1988–1989	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
До 20	27,7	53,9	37,5	51,1	38,7	59,5	51,7	91,7
20–24	148,9	217,6	141,9	196,1	147,5	213,9	160,5	223,4
25–29	139,3	203,3	100,6	139,7	99,6	137,3	93,8	126,2
30–34	84,3	149,9	59,4	96,3	51,3	77,7	46,2	71,2
35–39	44,4	96,1	30,1	53,3	14,7	35,6	19,1	35,0
40–44	13,7	38,0	7,0	18,9	3,8	13,1	4,8	10,9
45–49	1,6	6,3	0,5	2,7	0,1	0,7	0,1	0,3
15–49	77,9	119,7	54,6	70,9	57,7	78,4	46,7	86,4
Среднее число детей на одну женщи- ну	2,31	3,83	1,89	2,87	1,78	2,69	1,91	2,79

Таблица 24

Рождаемость народов Башкортостана в динамике,
относительные данные на 1000 чел.²

Националь- ность	1979	1985	1987	1989	1990	1991	1993
Башкиры	17,9	22,1	26,0	23,5	21,8	20,2	14,9
Русские	15,4	16,0	16,7	13,7	12,2	11,1	9,1
Татары	18,3	23,8	19,9	18,7	16,9	15,2	11,6
Всего по республике	17,2	19,9	20,9	17,8	16,1	14,6	11,6

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 69.

² Галлямов Р. Р. Многонациональный город: этносоциол. очерки. Уфа, 1996. С. 67.

Таким образом, уже к началу 1990-х гг. рождаемость у русских в Башкирии была почти в два раза ниже, чем у башкир, и почти в полтора раза ниже, чем у татар, хотя снижение темпов рождаемости наблюдалось у всех трех народов.

Здесь необходимо учитывать дифференциацию рождаемости этносов в зависимости от места проживания. Еще в 1970 г. Г. А. Бондарской было отмечено, что в городской и сельской местности с разной степенью интенсивности происходит воспроизведение традиционных норм, этнических особенностей в быту и брачно-семейных отношений. Данные процессы оказывают влияние на формирование репродуктивных установок и во многом определяют демографическое поведение отдельных этносов. В сельской местности, отличающейся большей однородностью этнического состава населения и относительно большей консервативностью условий жизни, создаются предпосылки для более стойкого и длительного следования обычаям предков, гораздо дольше сохраняется традиционность в быту и семейно-брачных отношениях, а также психологической настрой на многодетную семью, негативное отношение к методам ограничения деторождения. В городах же с их более разнообразным этническим составом населения и образом жизни, предоставляющим широкие возможности для преобразования старого семейно-бытового уклада жизни и формирования новых традиций, создаются условия для коренных изменений и в психологии человека, вызывая появление среди многочисленных новых потребностей и потребности внутрисемейного регулирования деторождения¹.

В связи с этим в определенной степени различия в темпах рождаемости у разных этносов объясняются неравномерным расселением населения по этническому признаку: в сельской местности Башкирской АССР к концу рассматриваемого периода, например, проживало около 57% башкир от их общей численности, татар – 42%, тогда как доля русских составляла всего 17%. Поскольку рождаемость высока именно на селе, то, естественно, и коэффициент рождаемости гораздо выше у башкир, больше половины которых проживало в деревне. Данный вывод подтверждается и сопоставлением коэффициента рождаемости в городах и сельских районах, преимущественно заселенных

¹ Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР: этнодемогр. аспект. М., 1977. С. 47.

представителями того или иного этноса. Например, в районах, традиционно заселенных башкирами (юго-восток и северо-восток республики) коэффициент рождаемости составлял 20 промилле и выше. Во многих же западных сельских районах (видимо, по причине истощения «фертильного потенциала», старения населения) и городах (под урбанизационным влиянием) коэффициент рождаемости не достигал и 15 промилле¹.

Вместе с тем анализ репродуктивного поведения народов Башкирии показывает, что жесткой пропорциональной зависимости между ростом городских составляющих населения и развитием прокреативности не существует. Р. Р. Галлямов объясняет это явлениями инерционного характера, когда, например, башкиры, урбанизируясь буквально в течение одного-двух десятилетий, сохраняют уже в городе высокий уровень репродуктивного поведения. Рождаемость в городе у отдельных этносов находится в функциональной зависимости от уровня и начала их вовлеченности в урбанизационный процесс. Например, если в целом по Башкирской АССР татары до 1985 г. сохраняли первенство в относительной рождаемости, то в городах соотношение рождаемости у башкир, русских и татар почти адекватно отражало еще с середины 1970-х гг. уровень их урбанизированности. У татар и русских уже с начала 1980-х гг. рождаемость в городе была ниже, чем в целом по республике, что обуславливалось прежде всего воздействием специфических городских образцов и нормативов детности, а у башкир на протяжении всего рассматриваемого периода городская рождаемость превышала республиканскую (табл. 25).

Таблица 25

Рождаемость основных народов в городах Башкирской АССР
в динамике, относительные данные на 1000 чел.

Национальность	1979	1985	1987	1989
Башкиры	21,80	22,80	26,70	24,60
Русские	15,60	15,58	16,46	13,50
Татары	17,80	20,05	22,50	19,80
Всего по республике	17,20	18,10	20,05	17,20

¹ Галлямов Р. Р. Многонациональный город: этносоциол. очерки. С. 68.

Р. Р. Галлямов объясняет этот этнодемографический парадокс, во-первых, сохранением у башкир высокого уровня репродуктивного поведения из-за совсем еще недавнего времени вступления в масштабную урбанизацию; во-вторых, преобладанием из-за резкого урбанизационного «скачка» в последнее двадцатилетие молодого поколения башкир в городе и проживанием в деревне в основном старшего поколения. Так, с 1970 по 1989 г. относительная численность башкир, проживающих в городе, выросла на 22 пункта, татар – на 15, русских – на 12 пунктов¹. Поэтому у башкир в городах просто не успела сложиться «пожилая» генерация, сильно понижающая, естественно, городскую относительную рождаемость у русских и татар².

Нельзя игнорировать и такое явление, как неравномерность перехода семей разной социальной принадлежности к ценностям новой индустриальной цивилизации. Сначала к новым социальным ценностям и нормам (в том числе и нормам детности) переходят наиболее образованные и, главное, ранее других социальных групп утратившие связь с сельскохозяйственным укладом жизни слои интеллигенции. В результате появляется заметная дифференциация в рождаемости (вернее, в числе детей). Затем нормы малодетности усваиваются рабочим классом, также начиная с его относительно высокооплачиваемой и образованной верхушки. Наконец, по мере индустриализации сельского хозяйства и урбанизации деревенской жизни нормы малодетности закономерно распространяются и среди крестьян³.

Переход к малодетной семье раньше произошел в городе, на селе этот процесс был еще далек от завершения. Это главным образом относится к титульным этносам республик, большая часть которых была сосредоточена в сельской местности. Так, в Удмуртской АССР, как отмечает Г. А. Бондарская, удмурты в городских поселениях были уже близки к завершению перехода к малодетной семье, а в сельской местности еще сохранялся тип репродуктивного поведения, характеризующийся слабым ограничением рождаемости⁴. По данным Н. Н. Ежовой, рождаемость у удмуртов в 1950-е гг. в городе характеризовалась

¹ Народы Башкортостана: этнодемографическое и этноязыковое развитие. Уфа, 1995. С. 5.

² Галлямов Р. Р. Многонациональный город: этносоциол. очерки. С. 69.

³ Борисов В. А. Указ. соч. С. 191.

⁴ Бондарская Г. А. Указ. соч. С. 57.

более высокими показателями. Как полагает автор, это явление скорее надо рассматривать не как рост рождаемости среди удмуртов – коренных жителей города (таких относительно мало), а как следствие того, что среди удмуртской части городского населения, постоянно возрастающей за счет сельской молодежи, еще сохраняются те обычаи, традиции и привычки, которые свойственны удмуртскому населению в сельских районах. В основном в начале рассматриваемого периода в город прибывали лица без специальностей, они приобретали их, а также определенное образование, уже в последующие годы жизни в городе. Все это служило причиной того, что рождаемость у удмуртов в городах была хотя и ниже, чем на селе, но выше, чем у русских горожан¹.

Анализируя материалы рождаемости по отдельным общественным группам населения (рабочие, служащие, колхозники) в 1958–1959 гг., Н. Н. Ежова отмечает, что женщины-служащие как в городах, так и в сельской местности ограничиваются меньшим числом детей, и репродуктивный период у них значительно короче. Следовательно, рождаемость среди этой группы населения ниже, чем у женщин-рабочих и колхозниц. Это еще одно объяснение низкого уровня рождаемости в городе по сравнению с селом².

Тенденция более высокого уровня рождаемости у удмуртов по сравнению с русскими сохранялась в Удмуртской Республике и в 1990-х гг. Так, по данным микропереписи 1994 г., число удмуртских женщин в возрасте 18 лет и старше, не родивших ни одного ребенка, составило 133 женщины из 1000 против 169 русских женщин. Наблюдалась аналогичная ситуация превышения первых и вторых рождений у русских (269 и 371 против 203 и 334 у удмуртов) по отношению к числу детей, родившихся третьими и далее. На момент микропереписи число удмуртских женщин, родивших трех детей, составило 164 (русских – 109), четырех детей – 65 (русских – 36), пятерых и более – 101 (русских – 46). Среднее число рожденных детей у удмуртского населения составило 2214, у русского – 1750 детей на 1000 женщин³.

¹ Ежова Н. Н. Материалы для санитарно-демографической характеристики населения Удмуртской АССР: дис. ... д-ра мед. наук. Ижевск, 1969. С. 167.

² Там же. С. 192.

³ Чернышева И. В. Указ. соч. С. 88.

Отсутствие статистики рождаемости по национальностям в областях Уральского региона не позволяет выявить этнические особенности этого процесса, однако отдельные материалы переписей дают информацию о количестве детей в семьях, принадлежащих к различным этносам. Так, данные переписи населения Свердловской области 1970 г. выявляют интересные особенности рождаемости, точнее детности, как однонациональных, так и этнически смешанных семей (табл. 26).

Таблица 26

Распределение семей по числу детей и национальностям
в Свердловской области, % ¹

Категории семей	Всего семей	Однонациональные семьи, где члены семьи состоят из лиц одной национальности						Смешанные семьи, где родители разных национальностей
		Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Немцы	Прочие	
Все семьи	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе семьи: без детей	21,1	21,5	30,2	27,8	13,9	20,5	20,3	19,5
с 1 ребенком	38,7	39,2	42,7	31,8	31,9	28,9	33,5	37,3
с 2 детьми	28,7	28,4	20,9	28,5	31,8	26,9	25,2	30,8
с 3 детьми	7,8	7,4	4,7	7,4	14,0	16,1	10,8	8,6
с 4 детьми	2,3	2,0	0,9	3,3	5,4	4,4	5,4	2,4
с 5 и более детьми	1,4	1,2	0,5	1,2	3,0	3,1	4,7	1,5

¹ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 402. Л. 7.

Наибольший удельный вес многодетных семей наблюдался среди немецких и татарских однонациональных семей, а также среди семей, вошедших в графу «Прочие». Если учитывать, что башкиры в данной статистической форме не были выделены, но уже тогда являлись одним из наиболее многочисленных этносов региона, то можно предположить, что они и составили значительную долю в численности семей «прочих» национальностей. Данные табл. 26 совершенно четко выявили более высокий уровень рождаемости среди тюркских народов, что объясняется сохранившимися мусульманскими установками на многодетность, а также большим удельным весом сельского населения среди татар и башкир области. Высокий удельный вес многодетных немецких семей объяснить сложнее. До депортации российские немцы также проживали преимущественно в сельской местности, и спустя несколько десятилетий еще могли остаться установки на многодетность, присущие сельскому населению. Наиболее низкую рождаемость перепись 1970 г. показала в семьях типично «городских» этносов – русских, украинцев и белорусов.

Отдельного рассмотрения требует и такой важнейший фактор уровня рождаемости, как брачно-возрастная структура женщин репродуктивного возраста – 15–49 лет, поскольку брачное состояние женщины увеличивает возможность реализации ее репродуктивной функции. Материалы переписей населения дают интересную информацию об этнических аспектах этого фактора (табл. 27).

Данные табл. 27 свидетельствуют о том, что наиболее высокий общий удельный вес состоявших в браке женщин репродуктивного возраста к 1970 г. наблюдался среди белорусок, незначительно уступали им немки, украинки и русские; третье место по удельному весу замужних женщин 15–49 лет занимали женщины тюркских этнических групп – татарки, башкирки и чувашки. Наиболее низкий уровень брачности женщин репродуктивного возраста наблюдался среди евреек, а также женщин угро-финских этносов – мариек, морденок и удмурток. При этом наибольшее количество ранних браков (в возрасте 15–19 лет) заключалось среди украинок, чувашек и морденок. Однако в целом различия в относительных показателях уровня брачности женщин данной возрастной группы наиболее многочисленных этносов Свердловской области были незначительными. Из общей картины уровня брачности выделялись еврейки. Удельный вес замужних евреек 15–49 лет по всем

возрастным группам был ниже аналогичных показателей остальных этносов, статистика также показывает непопулярность ранних браков среди евреев. Низкий уровень брачности женщин репродуктивного возраста, вероятно, явился одной из основных причин уменьшения как абсолютной численности, так и удельного веса евреев в области.

Таблица 27

Возраст и удельный вес состоявших в браке женщин репродуктивного возраста основных национальностей Свердловской области по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г., относительные данные на 1000 женщин данной национальности¹

Возраст, лет	Национальность										
	Русские	Украинки	Белоруски	Башкирки	Марийки	Мордовки	Татарки	Удмуртки	Чувашки	Немки	Еврейки
15–19	73	106	78	71	62	83	61	72	79	68	25
20–24	530	538	593	454	556	491	479	514	528	487	334
25–29	807	823	836	808	785	815	788	819	838	854	662
30–34	848	852	873	826	792	820	831	845	819	890	742
35–39	841	850	869	826	761	791	823	779	802	862	752
40–44	788	794	791	766	667	757	767	700	716	836	756
45–49	717	763	733	677	571	645	696	571	639	765	744
15–49	658	675	682	633	599	629	635	614	632	680	574

К концу рассматриваемого периода в РСФСР в целом и на Урале в частности установился депопуляционный режим рождаемости. В решениях ряда съездов КПСС и постановлениях правительства неоднократно появлялся тезис о желательности более высоких темпов роста населения и о необходимости осуществления мер государственной поддержки семей с детьми². Фундаментальной идеологической основой стал уравнительный принцип осуществления социальной политики в стране, описываемый формулой «выравнивание условий жизни семей с разным числом детей», а целью – не подъем уровней рождаемости в депопуляционных регионах, а нивелировка уровней жизни населения в регионах с различными нормами детности

¹ Рассчитано по: ГАСО. Ф. 1813-Р. Оп. 12. Д. 377. Л. 1–22.

² Материалы XXVI съезда КПСС. С. 105; Материалы XXVII съезда КПСС. С. 52; Третья сессия Верховного Совета СССР, 10–16 апр. 1990 г. М., 1990. Ч. 7. С. 3.

и уровнями рождаемости. Поскольку размеры пособий возрастали по мере увеличения порядкового номера очередного рождения, то применительно к условиям бывшего СССР это означало автоматическое перераспределение средств, выделенных на реализацию всего комплекса мер, в пользу многодетных регионов Средней Азии, Казахстана и Закавказья. Так, семьи с тремя и более детьми моложе 18 лет составляли на тот момент в России менее 1/10 всех семей с детьми, тогда как в Таджикистане, Узбекистане и других многодетных регионах – около 3/5. Напротив, однодетными в России были 3/5 семей, тогда как в Средней Азии – не более 1/5. В результате на долю России за годы проведения этой политики пришлось около 1/5 всех авансированных средств, а число многодетных семей, получающих пособие, сократилось с 1981 по 1987 г. почти вдвое. Преобладающий же в РСФСР малодетный тип семьи, свойственный большинству населения этой многонациональной республики, фактически оказался за бортом социальной политики¹.

Тем не менее принятые меры имели для России последствия, обусловленные, как показывает мировой опыт их использования в практике государственного регулирования рождаемости, самим характером этих мер, а именно – локальным направленным воздействием на сроки рождения детей в семье. Массовое изменение этих сроков для рождений различных порядков приводит к образованию так называемой демографической волны за счет резкого увеличения численности родившихся в течение нескольких лет, за которым обычно следует адекватный по масштабам ее спад. В отечественных условиях действие данных мер оказалось относительно пролонгированным (в силу того что был предусмотрен их поэтапный ввод по территориям) и стало одной из причин различий в сроках подъемов и спадов интенсивности рождаемости и численности родившихся по регионам.

Таким образом, главным источником подъема рождаемости в 1980-х гг. стали сдвиги в календаре рождений различной очередности (изменения тайминга рождений). Каковы же реальные масштабы этого подъема? Данные табл. 22 свидетельствуют, что режим воспроизводства населения России в целом не изменился, если не принимать во вни-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 6, ч. 2. С. 58–76; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. М., 1987. С. 284; Народное хозяйство СССР. 1922–1982. М., 1982. С. 453; Народное хозяйство СССР. 1988. М., 1989. С. 85.

мание формальные данные за 1986–1987 гг. Максимальный подъем в сравнении с уровнем конца 1970-х гг. составил около 18%, что одновременно было примерно на столько же ниже уровня конца 1950-х гг., когда воспроизводство было стабильно расширенным. Основной подъем рождаемости наблюдался в возрастных группах женщин моложе 30 лет, когда в условиях преобладания малодетности завершается процесс формирования основной массы семей. Соответственно максимальными были и изменения в численности и доле детей второй очередности, доминирующей в условиях постпереходного режима рождаемости.

Различия во введении мер по регионам России в сочетании с ее демографической неоднородностью обусловили наличие двух пиков в динамике уровня рождаемости: 1982–1983 и 1986–1987 гг. Первый был практически полностью сформирован за счет тайминговых сдвигов в рождении вторых и отчасти третьих детей в областях и краях России, где меры вводились в первую очередь. Вторым явился результатом пересмотра сроков рождения детей различных очередностей среди сельского населения России и в национальных республиках, т. е. в регионах с сохраняющимися нормами среднететности и рудиментарными проявлениями многодетности. До определенной степени в формировании второго пика рождаемости приняли участие и регионы первой группы за счет обновления молодых репродуктивных когорт (тех женщин, которым в начале 1980-х гг. было менее 20 лет). Именно на вторую половину 1980-х приходится наибольший прирост числа и удельного веса рождений старших очередностей, уровней рождаемости в старших возрастных группах женщин, а также в группе национальных республик. Одновременно произошло и некоторое ослабление региональной дифференциации уровней рождаемости, воспроизводства и естественного прироста населения в основных группах регионов России (коэффициент вариации понизился с 17,5% в 1979 г. до 16,3% в 1987 г.)¹.

Общее снижение рождаемости в России, так же как и на Урале, началось уже с 1988 г. Однако, несмотря на то что темпы снижения были близки во всех регионах, уровень рождаемости 1989 г. был еще несколько выше, чем в 1979 г., т. е. эффект мер был исчерпан не до конца. Данные о динамике рождаемости старших очередностей рождения в ряде республик показывают, что тайминговые сдвиги про-

¹ Захарова О. Д. Указ. соч. С. 104–105.

должались минимум до 1990 г. Таким образом, с точки зрения влияния на режим рождаемости и замещения поколений принятые меры оказались абсолютно неэффективными. Страна оказалась на пороге депопуляции, захватившей фактически все этносы.

2.3. Этнически смешанные браки

Этнически смешанные браки в многонациональном Уральском регионе во второй половине XX в. имели существенный удельный вес в общей доле всех заключенных браков. Такие браки и семьи достаточно активно изучались этнографией, демографией, социологией, психологией и другими науками. Этнически смешанные браки являются важной составной частью этнических процессов, мощным фактором и одним из важнейших показателей их развития. В целом для этноса как особой общности людей характерны этнически однородные, гомогенные браки, которые обеспечивают стабильность этноса и воспроизводство его в социальном отношении путем передачи новому поколению языка, культуры, хозяйственно-бытовых традиций и т. д.¹ Такая закономерность обусловлена тем, что народы обычно расселены компактно, т. е. самим фактом нахождения индивидов брачного возраста в этнически однородной среде. При наличии других этнических групп предпочтение, отдаваемое брачному партнеру той же национальности, обычно обусловлено традициями, поддерживаемыми однородностью языка, культуры и быта, общностью этнических и эстетических норм и другими факторами².

В недалеком прошлом официальная установка на акцентирование значения интеграционных этнических процессов приводила к искажению действительности, к умалчиванию существовавших проблем. В этих условиях этнически смешанные браки преувеличенно восхвалялись, рост их количества трактовался исключительно как проявление дружбы народов³. В последние годы такая преувеличенно восторженная оценка этнически смешанных браков сменилась критическим отношением к ним. Как ответная реакция появились высказы-

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 114–120.

² Козлов В. И. Национальности СССР: этнодемогр. обзор. С. 262.

³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 203; Грдзелидзе Р. К. Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе. Тбилиси, 1980. С. 109–111; Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР: ист.-социол. очерк межнац. отношений. М., 1981. С. 220.

вания о вредном влиянии таких браков на развитие этноса, о нарушении естественной этносоциальной структуры, о катастрофическом сокращении из-за этнически смешанных браков численности этноса и последующем его исчезновении в результате ассимиляции. Часто одновременно стало звучать понятие «чистота этнического генофонда». Между тем статистические материалы, характеризующие динамику смешанной брачности, показывают, что число и доля этнически смешанных браков не снижаются и в то же время не наблюдается их значительного роста, как это было в 1970-е гг.¹

Развитие смешения этносов в брачно-семейной сфере определяется рядом факторов. В. И. Козлов на первое место ставит диспропорцию полового состава той или иной этнической группы². Однако такая диспропорция обычно характерна для групп мигрантов, особенно переселенцев на дальнее расстояние, среди которых, как правило, преобладают мужчины молодого и среднего, т. е. наиболее активного в брачном отношении, возраста. Обосновываясь на новом месте, они вынуждены вступать в брачные отношения с женщинами из местного инонационального населения. Урал же к XX в. вышел из категории осваиваемых отдаленных районов, поэтому этот фактор мог влиять лишь на увеличение количества браков мужчин кавказских национальностей, активно прибывавших в регион в течение всего рассматриваемого периода (см. гл. 3), с русскими женщинами. Но проследить динамику таких браков, к сожалению, не представляется возможным, поскольку переписи населения фиксировали численность заключенных браков между представителями лишь наиболее многочисленных этносов.

Существенное влияние на распространенность смешанных браков оказывают почти все факторы развития собственно этнических процессов: территориальная смешанность, общность религии, близость языка и культуры, социальная мобильность, отсутствие сильных этнорасовых предубеждений и т. п.³ Как правило, большее значение имеют *этнокультурные сближающие факторы*, а также активные *урбанизационные процессы*, что можно рассмотреть на примере этнически смешанных браков в Башкирской АССР и в Свердловской области.

¹ Кукбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: (опыт ист.-этногр. и этносоциол. исслед.). С. 150.

² Козлов В. И. Национальности СССР: этнодемогр. обзор. С. 262.

³ Там же.

Длительное сосуществование народов Башкирии не могло не отразиться на сфере семейно-брачных отношений, в частности на численности этнически смешанных браков. Материалы переписей населения свидетельствуют о неуклонном росте числа таких браков в республике. Поскольку сельское население живет преимущественно в моноэтнической среде, где преобладают однонациональные браки, рост этнически смешанной брачности происходит в основном за счет городского населения. Многонациональный состав городов является той благоприятной средой, на фоне которой растет доля смешанных браков. В конце 1930-х гг. в городах республики традиции эндогамии были довольно прочными, однако смешение в браках медленно набирало силу. Так, если к 1950 г. в Уфе этнически гетерогенные браки составляли немногим более 22%, из них татарско-башкирских браков было чуть более 17%, то к 1995 г. смешанные браки составляли уже 88,3% от всех зарегистрированных к этому времени браков, из них башкирско-татарские – 69,7%¹.

Башкиры на территории республики вступали в браки и с русскими, но в силу принадлежности башкир и русских к различным, причем довольно далеким, языковым и конфессиональным группам, различий в культуре, нравах и обычаях башкирско-русские браки были нечастым явлением. Заметного увеличения количества браков между представителями башкирской и русской национальностей в первой половине XX в. не происходило. В 1950 г. в Уфе было 25, Октябрьском – 5, Белорецке – 3 таких брака. Спустя 10 лет число башкирско-русских браков в Уфе удвоилось и составило 4,6% смешанных браков, а в Октябрьском и Белорецке осталось на прежнем уровне. Количество браков башкир с русскими к концу рассматриваемого периода несколько увеличилось, но доля башкирско-русских браков в городах по-прежнему была невысока: в 1980 г. она составила в Мелеузе 4,5%, Октябрьском – 5,1, Салавате – 6,1, Белорецке – 8,6, Белебее – 10,0, Уфе – 10,7, Нефтекамске – 11,6% этнически смешанных браков².

Доля же татарско-русских браков в Башкирской АССР была значительно выше, чем башкирско-русских, несмотря на аналогичные

¹ Кукбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: (опыт ист.-этногр. и этносоциол. исслед.). С. 152.

² Мурзабулатов М. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирской АССР // Вопросы культурного строительства в Башкирской АССР (1917–1985 гг.). Уфа, 1985. С. 92.

этнокультурные и конфессиональные различия. Довольно высокий удельный вес татарско-русских браков в изучаемый период наблюдался и в Свердловской области: к 1970 г. они составляли 10,6% всех этнически смешанных браков, в то время как браки татар с представителями других национальностей – лишь 5,2%¹.

Основным фактором, способствовавшим увеличению количества таких браков, являлись одинаково активно протекавшие среди татарского и русского населения урбанизационные процессы. В среде городского населения наиболее активно развивались межэтнические контакты, глубже проникали элементы нового быта. По мнению В. И. Козлова, немаловажное значение для распространения таких браков в городах имела и автономизация брачных пар, ослабление их связей с кругом родственников, в том числе с более консервативным в вопросах выбора брачного партнера старшим поколением². Урбанизационные процессы среди башкир начались позже, и соответственно в рассматриваемый период на выбор брачного партнера еще оказывали влияние традиционные этнокультурные установки. Доля русского и татарского населения в городах Башкирии в 1959–1989 гг. была очень высокой и в ряде городов даже более значительной, чем доля башкирского населения³. Еще в конце 1930-х гг. доля русского населения составляла около 9% в Белебее и свыше 10% в Белорецке и Уфе (доля башкирско-русских браков – соответственно 1,3; 2,1; 3,2%). Смешение в браках городского татарского и русского населения активно шло в 1940–50-х гг.: в 1960 г. татарско-русские браки составляли в Салавате 5,5%, Кумертау и Белебее – 6,2 – 6,7, в Октябрьском, Белорецке и Мелеузе – свыше 7, в Уфе – более 15%. Но довольно сильным оно стало в 1960-х гг.; в начале 1970-х гг. лишь в двух городах – Белебее и Нефтекамске – доля татарско-русских браков была ниже 10%, а в Белорецке она достигла 50%. В 1980 г. в Белебее, Белорецке, Уфе и Октябрьском татарско-русские браки составляли уже 20,8 – 27,0%, в относительно «молодых» городах – Мелеузе, Нефтекамске, Салавате и Кумертау – 12,9 – 19,9%⁴.

¹ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 12. Д. 401. Л. 1.

² Козлов В. И. Национальности СССР: этнодемогр. обзор. С. 268.

³ Там же. С. 87.

⁴ Мурзабулатов М. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирской АССР. С. 92.

Татары вступали в брак и с представителями других этносов. По данным переписи населения 1970 г., в Башкирской АССР татарско-чувашские браки составляли 1%, татарско-марийские – 0,3%, браки татар с представителями других национальностей – 1,6% этнически смешанных браков¹. В сельской местности вследствие более сильного влияния этнических и конфессиональных традиций на заключение браков количество этнически смешанных браков с татарами было значительно меньше. Как и в городе, преобладали башкирско-татарские браки, которые составляли 6,2% от всех смешанных браков. Русско-татарских браков было только 0,6%, татарско-чувашских – 0,2, татарско-марийских – 0,1, браков татар с представителями других национальностей – 0,3%².

В конце 1980-х гг. татары вступали в этнически смешанные браки реже, чем башкиры. Так, в 1989 г. в Уфе 36,0% мужчин и 37,9% женщин татарской национальности вступили в брак с представителями других национальностей, в то время как аналогичные показатели у башкир составляли соответственно 38,0 и 48,0%, у русских – 35,3 и 30,0%³. Вследствие того что у тюркоязычных народов при вступлении в брак предпочтение отдавалось людям своей национальности, а также потому что в эти годы в Уфе татар было больше, чем башкир, выбор брачного партнера своей национальности у татар был чаще. Это и отразилось на приведенных выше показателях. К тому же башкиры, и в первую очередь башкирские женщины, были намного мобильнее, чем лица других национальностей.

К сожалению, на Среднем Урале статистика по этнически смешанным бракам фактически не велась. С 1993 по 1995 г. Свердловский областной комитет по статистике собирал данные по этническим аспектам рождаемости и удельному весу новорожденных, у которых отец принадлежит к другому этносу (табл. 28).

Статистика показывает, что на Среднем Урале наименьший удельный вес этнически смешанных семей наблюдался среди русских, что объясняется подавляющим превалированием русского населения в регионе. Однонациональные семьи преобладали и среди этно-

¹ Рассчитано по: Давлетишина З. М. Указ. соч. С. 89.

² Давлетишина З. М. Указ. соч. С. 89.

³ Мурзабулатов М. В. Семья у башкир сегодня // Научное наследие башкирских ученых-эмигрантов и вопросы современности: тез. докл. Уфа, 1995. С. 56.

сов, активно образовывавших на территории Свердловской области в 1990-е гг. диаспоры нового типа, – азербайджанцев и армян.

Таблица 28

Удельный вес новорожденных, у которых отец принадлежит к другой этнической группе, в Свердловской области в 1993–1995 гг., % ¹

Национальность	Удельный вес новорожденных, у которых отец другой национальности		
	1993	1994	1995
Русские	8,7	8,6	8,3
Украинцы	92,4	93,2	90,1
Белорусы	97,8	94,7	95,1
Узбеки	75,0	61,6	72,7
Казахи	47,0	61,6	51,3
Грузины	54,6	61,9	35,1
Азербайджанцы	13,1	11,5	17,7
Литовцы	100,0	100,0	81,8
Молдаване	95,1	86,8	75,0
Латыши	100,0	100,0	100,0
Киргизы	18,7	34,8	11,1
Таджики	50,0	88,9	63,6
Армяне	17,9	13,8	21,4
Туркмены	33,3	...	75,0
Эстонцы	100,0	100,0	83,3
Татары	59,8	59,9	61,5
Евреи	64,3	86,7	90,0
Немцы	87,6	86,7	85,2
Коми	100,0	92,3	100,0
Марийцы	47,7	46,2	49,8
Мордва	92,0	89,5	87,7
Чуваши	91,0	88,3	85,6
Башкиры	74,5	76,6	74,8
Удмурты	87,8	85,4	80,7
Прочие	58,8	62,8	51,4
Всего	15,7	15,2	14,8

¹ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. А 0330000 «Родившиеся и умершие по национальности в 1993 г.»; «Родившиеся и умершие по национальности в 1994 г.»; «Родившиеся и умершие по национальности в 1995 г.».

Примерно равная доля этнически смешанных и однонациональных семей наблюдалась среди этносов, имеющих свои компактные сельские поселения, – марийцев, татар и казахов.

подавляющему же большинству этносов была свойственна высокая степень этнической толерантности, выразившейся в преобладании этнически смешанных браков. Причинами высокого удельного веса этнически смешанных браков являются этническая близость к русским (украинцы, белорусы), дисперсное расселение среди русского населения (мордва, чуваша, удмурты, коми, немцы, евреи), немногочисленность представителей отдельных этносов (литовцы, латыши, молдаване), этнокультурная близость к другим этносам (башкиры).

Выявленный статистический материал не позволяет определить национальный состав семей, мы лишь можем предполагать, что, например, высокий удельный вес этнически смешанных браков среди башкир на Среднем Урале объясняется многочисленностью татар, близких в этнокультурном плане башкирам. Резкое же повышение удельного веса этнически смешанных браков у евреев на протяжении всего трех лет (1993–1995 гг.) можно объяснить тем, что к этому периоду после массовой эмиграции на Среднем Урале остались преимущественно русско-еврейские семьи. Принадлежность второй половины к другому этносу могла стать сдерживающим фактором в эмиграционных процессах.

Отсутствие четкой статистики по Среднему Уралу не позволяет выявить динамику и этнический состав семей в зависимости от урбанизационных процессов. Данные по Свердловской области за 1993 г. показывают примерно равный удельный вес этнически смешанных семей в городе и сельской местности у большинства этносов (табл. 29).

Более высокий удельный вес этнически смешанных браков в сельской местности наблюдался среди узбеков, киргизов, армян, грузин, азербайджанцев, т. е. среди слабо представленных на селе этносов. Наоборот, более низкий удельный вес этнически смешанных браков был свойственен этносам, имеющим на территории Свердловской области свои компактные сельские поселения: казахам, татарам, марийцам, чувашам. В целом же доля этнически смешанных браков в городской и сельской местностях была примерно равной.

Таблица 29

Удельный вес родившихся в Свердловской области в 1993 г.,
у которых отец другой национальности, % ¹

Национальность	Удельный вес родившихся, у которых отец другой национальности	
	Город	Село
Русские	8,7	8,3
Украинцы	92,0	95,3
Белорусы	97,4	100,0
Узбеки	70,6	85,7
Казахи	64,5	20,0
Грузины	52,6	66,7
Азербайджанцы	11,1	33,3
Литовцы	100,0	100,0
Молдаване	93,9	100,0
Латыши	100,0	–
Киргизы	15,4	33,3
Таджики	55,6	–
Армяне	17,0	33,3
Туркмены	33,3	–
Эстонцы	100,0	100,0
Татары	67,0	32,5
Евреи	63,0	100,0
Немцы	88,3	80,6
Коми	100,0	100,0
Марийцы	68,9	27,0
Мордва	91,4	100,0
Чуваши	92,9	84,6
Башкиры	74,5	74,7
Удмурты	87,0	89,6
Прочие	59,4	55,6
Всего	15,9	14,6

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. А 0330000 «Родившиеся и умершие по национальности в 1993 г.».

На количество этнически смешанных браков оказывает влияние и такой важный фактор, как *половозрастной состав населения* региона. Так, по данным социологических исследований, проведенных в Удмуртской АССР в середине 1980-х гг., в поколении родителей преобладали однонациональные брачные союзы: 90,2% русских и 90,3% удмуртов сообщили, что национальность и отца, и матери совпадает с их собственной национальностью. Если же союз был этнически смешанный, дети получали, как правило, национальность матери. У русских такой вариант выбора национальности детей в этнически смешанных семьях встречается несколько чаще, чем у удмуртов. Доля этнически смешанных браков в поколении родителей составляла не более 10%¹.

Русские горожане в Удмуртской АССР к концу рассматриваемого периода состояли главным образом в однонациональных браках (82,4% всего русского населения, состоящего в браке). Однако доля таких браков по сравнению с поколением родителей несколько снизилась, т. е. возросла доля смешанных браков².

Удмуртское же население резко увеличило (почти в 4 раза по сравнению с поколением родителей) долю состоящих в этнически смешанных, в особенности в удмуртско-русских, браках. Такое резкое возрастание количества смешанных браков удмуртов Г. П. Белорукова объясняет тем, что в среде городского удмуртского населения значительно больше женщин, чем мужчин. Девушки уезжали из села и выходили замуж в городе, где вероятность найти русского партнера была больше в силу количественного преобладания русского населения. Наличие положительных установок на этнически смешанный брак способствовало росту числа таких союзов. В однонациональном удмуртском браке к середине 1980-х гг. состояли 38,8% женщин, но 67,7% мужчин, а в смешанном браке состояли около 2/3 от всех горожанок-удмурток и лишь 1/3 горожан-мужчин удмуртской национальности. При этом в удмуртско-русском браке состояли 53,7% от всех состоявших в браке удмуртских женщин и лишь 29,7% мужчин-удмуртов. Женщины-удмуртки гораздо чаще, чем мужчины-удмурты, вступали в смешанный брак и с лицами нерусской национальности. В смешанных браках

¹ Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы). Устинов, 1986. С. 117.

² Там же С. 118.

состояли чаще лица более молодых возрастов, хотя в среднем и даже в старшем поколениях доля таких браков тоже была значительной. Это говорит о том, что этнически смешанные браки в среде удмуртского городского населения являлись довольно устойчивыми и имели тенденцию к дальнейшему распространению¹ (табл. 30).

Таблица 30

Однонациональные и смешанные браки
среди удмуртов-горожан в разных возрастных группах
в середине 1980-х гг., % к числу лиц, состоявших в браке

Этниче- ский вариант брака	Возрастные группы, лет											
	16– 19	20– 24	25– 29	30– 34	35– 39	40– 44	45– 49	50– 54	55– 59	60– 64	65– 69	70 и бо- лее
Состоят в одно- нацио- нальном браке	45,5	40,7	45,5	47,9	45,1	62,0	72,2	61,4	52,9	61,0	66,7	70,8
Состоят в сме- шанном браке	54,6	59,3	54,5	52,1	54,9	38,0	27,8	38,6	47,1	39,0	33,3	29,2
В том числе уд- мурт- ско- рус- ском	54,5	53,8	49,0	45,5	52,9	32,8	24,4	33,3	41,2	39,0	29,4	12,5

Значение половозрастного фактора этнически смешанной брачности было исследовано М. Д. Киекбаевым на материалах брачных объявлений в газетах, содержащих сведения о национальности автора и предпочитаемой национальности будущего супруга. Газетное брачное объявление, по мнению исследователя, отражает психологические установки по отношению к этнически смешанным бракам. Анализ газетной информации показал, что среди городских башкир на этничес-

¹ Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР. С. 120.

ки смешанные браки больше ориентированы женщины. По мнению М. Д. Киекбаева, они не выдвигают национальность в качестве требований к будущему брачному партнеру с целью гарантировать более широкую почту и тем самым повысить шансы положительного решения семейного вопроса. Среди башкирских мужчин, воспользовавшихся службой брачных знакомств по объявлению, преобладает мнение, что национальность в браке имеет значение. Большинство среди них составили люди старше 40 лет, по преимуществу вдовцы. Для 20–40-летних башкир, судя по содержанию их объявлений, этнический фактор не играет существенной роли при заключении брака¹.

Установки на этнически смешанную брачность населения Урала отчасти зависели и от важнейших *социальных факторов*: социально-профессионального положения, образования, возраста. Г. П. Белорукова, основываясь на результатах этносоциологических исследований, проведенных в Удмуртской АССР в середине 1980-х гг., приходит к выводу, что нетвердая внутринациональная ориентация на брак существует скорее у женщин, притом старших возрастных групп и, следовательно, с более низким образованием. Такая установка была свойственна прежде всего женщинам наиболее старшего поколения – недавним мигрантам из колхозов, прибывшим в город на жительство к детям, т. е. слабо адаптированным к условиям города лицам. У русских женщин чаще, чем у удмуртских, встречалась отрицательная установка по отношению к такому браку. Анализируя установки разных социально-профессиональных групп, Г. П. Белорукова обнаружила некоторые особенности в установках специалистов с высшим образованием: доля настроенных положительно к факту этнически смешанных браков выше в группе удмуртских специалистов, чем русских; соответственно в русской группе высококвалифицированных работников умственного труда выше доля отрицательных ответов: среди удмуртов – 2,1%, среди русских – 10,3%².

Проанализировав показатели встречаемости наиболее «интернационалистского» типа в разных социальных группах удмуртов и русских, считающих, что национальная принадлежность не имеет значе-

¹ Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: (опыт ист.-этногр. и этносоциол. исслед.). С. 157.

² Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР. С. 120–121.

ния в родственных отношениях, Г. П. Белорукова обнаружила, что наиболее высокая встречаемость этого типа ориентации у русских и удмуртов наблюдалась среди работников высококвалифицированного труда, далее – среди специалистов умственного труда высокой и средней квалификации. Наиболее низкий показатель встречаемости «интернационалистского» типа у работников неквалифицированного физического труда. Встречаемость лиц с узконациональной ориентацией при выборе брачного партнера в городах Удмуртской АССР была выше у русских и татар, чем у удмуртов. В русской группе населения узконационально ориентированный тип встречался чаще среди служащих, чем среди рабочих (соответственно 5,4 и 3,7%). В удмуртской группе населения этот тип встречался тоже чаще среди служащих, но в целом он встречался реже (2,9 и 2,0%)¹.

Аналогичные закономерности прослеживались и в Башкортостане. М. Д. Киекбаев отмечает, что среди лиц башкирской национальности с невысоким уровнем образования доля состоящих в этнически смешанных браках невелика. С ростом уровня образования башкир тенденция к росту этнически смешанных браков в их среде увеличивается. Причем представители высококвалифицированной инженерно-технической интеллигенции заключали браки с лицами других этносов значительно чаще, чем представители научно-гуманитарной и творческой интеллигенции. В этом, по мнению исследователя, проявляются различия в характере этнического самосознания различных групп башкирской интеллигенции².

При изучении этнически смешанных браков нельзя обойти этноязыковую ситуацию, так как интенсивность и направленность этноязыковых процессов в этнически смешанных семьях во многом определяют тенденции их дальнейшего развития, а этнически смешанная брачность, в свою очередь, способна влиять на развитие языковых процессов.

Как правило, супруги из этнически смешанной брачной пары общаются между собой на одном языке. Язык внутрисемейного общения определяется прежде всего вариантом этнически смешанной семьи по

¹ Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР. С. 122.

² Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: (опыт ист.-этногр. и этносоциол. исслед.). С. 159.

этнической принадлежности супругов. К концу рассматриваемого периода в башкирско-русских семьях на территории Башкирской АССР преобладал русский язык независимо от половой принадлежности русского супруга. В башкирско-татарских браках язык семейного общения определялся этнической макросредой: в городах северо-западной части республики (Нефтекамск, Туймазы, Октябрьский) с преобладанием татарского населения в башкирско-татарских браках господствовал татарский язык. Напротив, в городах Башкирского Зауралья – Сибее, Учалах, Баймаке – в подобных браках преобладал башкирский язык¹.

Отмеченное широкое распространение двуязычия среди башкир, состоявших в этнически смешанных браках, сопровождалось некоторым снижением их знания языка своей национальности. Среди них высока доля тех, чьи познания в башкирском языке ограничивались пониманием и способностью объясняться. Так, 21,6% башкир из этнически смешанных семей говорят, но не читают и не пишут по-башкирски, 14,4% понимают и могут объясняться и 38,7% не владеют башкирским языком. Среди женщин-башкирок эти показатели составляют соответственно 17,3; 10,5 и 25,8%².

Большинство современных исследователей признают значительное влияние этнически смешанных браков на этнодемографические показатели и скорее негативное их влияние на этнокультурную ситуацию. Так, В. Е. Владыкин и Л. С. Христолюбова отмечают, что этнически смешанные семьи отличаются от однонациональных удмуртских семей по демографическим и этнографическим характеристикам: у них меньше детей, в них почти не говорят по-удмуртски, не придерживаются удмуртских обычаев и не приобщают к ним детей³.

В этнически смешанных семьях зачастую чрезвычайно затруднено этническое определение детей. Введенная в СССР в декабре 1932 г. паспортная система требовала строго определенной фиксации этнической принадлежности. По первоначальным правилам при получении паспорта допускался свободный выбор национальности, однако к 1970-м гг. этот выбор стал ограничиваться национальностью одного из родителей. При проведении переписей населения национальность

¹ Кукбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: (опыт ист.-этногр. и этносоциол. исслед.). С. 157.

² Там же.

³ Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск, 1997. С. 92.

фиксирувалась по самоопределению опрашиваемого, но влияние записи в паспорте о национальной принадлежности в подавляющем большинстве случаев являлось определяющим: дети в случае брака татарина и белоруски фиксировались как татары или как белорусы, хотя могли и не считать себя таковыми, да и фактически не считаться ими. Это огрубляло действительную этническую ориентацию многих граждан СССР, а в ряде случаев и искажало ее, сильно затемняя тем самым реальное развитие этнических процессов, в частности процессов этнической ассимиляции и межнациональной интеграции¹.

В отличие от языковой ассимиляции, которая лишь подготавливает полную этническую ассимиляцию, но сама по себе не сказывается на динамике численности взаимодействующих друг с другом народов, смешанные в национальном отношении браки оказывают на эту динамику существенное влияние. Выбирая так или иначе между национальной принадлежностью отца и матери, а иногда, в отступление от этого правила, выражая свою этническую связь с какой-то другой национальностью, второе поколение в таких семьях как бы обрывает этническую линию по крайней мере одного из родителей, исключая его тем самым из процесса воспроизводства коренной для него этнической общности. Сильное развитие смешанных браков между представителями двух народов при господствующей тенденции к слиянию с одним из них приводит к тому, что численность этого народа может расти более высокими темпами, а численность второго – сократиться не только относительно, но и абсолютно.

Рассматривая этнически смешанную брачность среди населения Уральского региона, следует остановиться на проблеме прочности таких браков, тем более что данный вопрос недостаточно изучен и отражен в научной литературе. В последние годы отечественные социологи и демографы на основе изучения данных социологических опросов пришли к выводу, что этнически смешанные браки по сравнению с однонациональными менее прочны. Данные этносоциологических исследований позволяют предположить, что именно различный уровень сплоченности групп, образующих мезоструктуру контактирующих этносов, определяет стабильность браков разного этнического состава. Этнически смешанные браки чаще оказываются вне системы не-

¹ Козлов В. И. Национальности СССР: этнодемогр. обзор. С. 264.

формального социального контроля, что в конечном итоге снижает их стабильность по сравнению с браками представителей коренных национальностей¹.

Так, по результатам исследований семей Башкортостана, среди смешанных семей удельный вес неудовлетворенных браком несколько выше. Если в башкирских семьях появляется мысль о разводе у 5,2% опрошенных, в русских – у 8,0%, то в смешанных – у 32,5%².

* * *

Таким образом, в изучаемый период наметились негативные тенденции в естественном движении населения: при выравнивании полового состава, деформированного войнами, происходит постепенное старение населения, связанное с урбанизационными процессами; всплеск рождаемости в 1970-х – первой половине 1980-х гг. после его падения не обеспечил элементарного замещения поколений, а последующие социально-экономические и политические катаклизмы усугубили ситуацию с рождаемостью; достаточно высокий уровень брачности не мог положительно влиять на уровень рождаемости из-за перехода к малодетному типу семьи.

Несмотря на то что общие тенденции естественного движения населения Урала в изучаемый период были свойственны всем этносам, источники позволили выявить некоторые этнические особенности этого движения, а именно:

- *по половозрастному составу* население основных этносов не было однородным и довольно четко делилось на две группы: для одной группы этносов было характерно относительно пропорциональное соотношение численности мужчин и женщин и стабильный рост рождаемости (русские, марицы, татары, башкиры), для другой – диспропорция численности мужчин и женщин и доминирование в возрастной структуре людей пожилого возраста, что свидетельствовало о стремительных темпах старения населения данных возрастных групп (украинцы, белорусы, удмурты, немцы и евреи). Такие перекосы в половозрастных пропорциях стали результатом как миграционных движений, так и национальной политики государства и напрямую

¹ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1999. С. 226; Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 94–105.

² Давлетшина З. М. Указ. соч. С. 109.

влияли на активизацию ассимиляционных процессов и уменьшение численности представителей этих этносов;

- *по уровню рождаемости* представители этносов с большим удельным весом сельского населения (немцы, татары, башкиры) превосходили типично «городские» этносы Урала (русские, украинцы, белорусы), что объясняется сохранявшимися традиционными установками сельского населения на многодетность, а также сохранявшимся среди татар и башкир влиянием ислама на репродуктивную деятельность;

- *по уровню брачности* этносы Урала также не были однородными: среди женщин репродуктивного возраста наибольший удельный вес замужних наблюдался среди немок, русских, украинок и белорусок; незначительно уступали им татарки, башкирки, мордовки, удмуртки и марийки; наиболее низкий уровень брачности был характерен для женщин еврейской группы, что отразилось на общих депопуляционных процессах, начавшихся у евреев раньше, чем у других этносов региона.

Влияние этнически смешанных браков на этнические аспекты естественного движения установить достаточно трудно по причине отсутствия исторических источников, отражавших эти особенности, тем не менее их влияние на этнодемографическую структуру населения бесспорно. Факторами, способствующими росту количества этнически смешанных браков на Урале, являются:

- этнокультурная близость (русско-украинские, татарско-башкирские браки);

- урбанизационные процессы (город является наиболее благоприятной средой для стирания или смягчения этнокультурных различий и развития «интернационалистской» ориентации при выборе брачного партнера);

- диспропорции половозрастного состава населения различных этнических групп;

- уровень образования и профессиональной квалификации (социальный фактор).

Этнически смешанные браки влияли на пропорциональное соотношение этносов в регионе, поскольку этническое самоопределение детей в этнически смешанных браках затруднено, а также на этноязыковую ситуацию вследствие утраты навыков общения на национальном языке одного из родителей (особенно в этнически смешанных браках с русскими).

Глава 3

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

3.1. Миграционные процессы в конце 1950-х – 1980-е гг.

На этнодемографическое развитие региона наряду с естественными процессами существенное влияние оказывает миграционное движение населения. Во второй половине XX в. Советский Союз относился к числу немногих стран мира, в которых миграционные процессы совершались в чрезвычайно больших масштабах. Наиболее важное значение приобрели межрайонные миграции населения. В первой половине 1970-х гг. абсолютные размеры пространственных перемещений населения по стране были заметно больше, чем во второй половине 1960-х гг. Возрастали масштабы миграции населения соответственно и по Российской Федерации¹.

Таблица 31

Размеры миграции городского населения РСФСР, тыс. чел.²

Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный оборот*
1965	4859	4012	8811
1967	5235	4438	9678
1969	5903	4948	10851
1970	5917	4892	10809
1971	6129	5011	11140
1972	6099	4954	11053
1973	6128	4966	11094

* Сумма прибывших и выбывших.

РСФСР занимала ведущее положение среди союзных республик по размерам миграционного движения населения. На ее долю приходилось свыше 62% общесоюзного объема миграции. Это связано с тем, что РСФСР обладала наибольшими в Союзе миграционными

¹ Территориальные особенности народонаселения РСФСР. М., 1976. С. 145.

² Там же.

возможностями для территориального перемещения: на территории республики проживало в 1972 г. 59,1% городского населения страны. Кроме того, в РСФСР находились интенсивно осваиваемые восточные районы, куда в больших масштабах направлялась рабочая сила. К тому же по сравнению с представителями многих других этносов и этнических групп русским была свойственна высокая территориальная подвижность¹.

Тем не менее в миграционные процессы были вовлечены огромные массы нерусского населения страны. Так, в результате активного освоения в 1950-х гг. целинных земель в Казахстане в период 1951–1965 гг. его население возросло за счет миграции из всех союзных и автономных республик почти на 1,5 млн чел., а перепись 1979 г. показала, что кроме казахов и русских там проживало свыше 1,1 млн украинцев, белорусов и молдаван, примерно 290 тыс. узбеков, киргизов, таджиков, туркмен, около 95 тыс. азербайджанцев, армян, грузин, не менее 40 тыс. представителей народов Поволжья и т. д. Национальный состав Дальнего Востока также стал необычайно пестрым в результате его активного освоения еще в довоенные годы².

Большое влияние на этнодемографические процессы в рассматриваемый период оказала урбанизация. В России урбанизационный переход – переход к городскому обществу – оказался крайне сжатым во времени, происходил в течение жизни 4–5 поколений и пришелся в основном на XX в. Урбанизация, таким образом, не только играла роль ускорителя темпов российского исторического процесса в XX в., но и во многом явилась основным его содержанием. Как отметил А. С. Сенявский, переход к городскому обществу означает не просто превращение российских горожан из абсолютного меньшинства в большинство жителей страны (15% – в конце XIX в., более 70% – уже в начале 1980-х гг.). Переход к городскому обществу – широкий модернизационный процесс, охватывающий качественные изменения широкого комплекса социальных характеристик подавляющей части населения страны. Речь идет о качественном изменении всех материальных, социокультурных основ жизни общества, его производитель-

¹ Территориальные особенности народонаселения РСФСР. С. 146.

² Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социол. исслед. 1982. № 4. С. 28.

ных сил, структуры расселения, о радикальном изменении качества, образа жизни и менталитета народа¹.

Основная часть пути России к городскому обществу пройдена в советское время. Именно тогда было основано и выросло 2/3 российских городов, а горожане из абсолютного меньшинства стали преобладающим большинством населения (почти 3/4)². В 1960–1970-е гг. в СССР продолжались миграционные процессы из села в город, что было связано с интенсивным индустриальным развитием страны. За период с 1959 г. до середины 1980-х гг. удельный вес городского населения увеличился с 48 до 65%. При этом в рассматриваемый период уже наблюдалось уменьшение миграции из села в город и, как следствие, замедление прироста городского населения. Резко возросла доля естественного прироста в общем приросте городского населения³.

В. И. Козлов выявил ряд этнических особенностей миграции село – город: в период 1959–1970 гг. процент городских жителей среди народов, имеющих свои республики, повысился сильнее всего у русских, белорусов, украинцев, слабее всего – у казахов, узбеков, киргизов, т. е. у народов с пониженным до того процентом горожан. Эта тенденция сохранилась и после 1970 г.; так, среди белорусов к 1979 г. доля горожан возросла с 43 до 54%, а среди туркмен – лишь с 31 до 32,3%. Таким образом, имевшаяся в прошлом разница в уровнях урбанизации у отдельных этносов не уменьшилась, а возросла. Если в 1926 г. амплитуда между крайними уровнями урбанизации народов составляла 20%, а в 1959 г. – 47%, то к 1979 г. она увеличилась уже до 54,8%⁴. Обращаясь к коренным этносам автономных республик, В. И. Козлов выявляет более однородную картину. У прежде сильно отстававших по уровню урбанизации народов Поволжья (кроме уже сильно продвинувшихся в этом отношении татар) – мордвы, чувашей, башкир – доля горожан возросла с 1959 по 1979 г. на 17–19%. Однако все эти народы продолжали существенно уступать русским, грузинам и другим урбанизированным народам⁵.

¹ *Сенявский А. С.* Российский путь к городскому обществу: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 5–6.

² Там же. С. 7.

³ Динамика населения СССР 1960–1980 гг. М., 1985. С. 22.

⁴ *Козлов В. И.* Национальности СССР: этнодемогр. обзор. С. 101.

⁵ Там же. С. 102.

Урбанизационные процессы продолжались в 1950–70-х гг. и на Урале. В начале этого периода Урал вступил в третью фазу миграционного перехода, сопровождающуюся ослаблением миграции из села в город и некоторым снижением темпов урбанизации, повышением интенсивности возвратных перемещений по мере усложнения пространственной структуры общества. Политика «ускоренного развития производительных сил» восточных районов нашла свое выражение в ускоренном перемещении туда значительных масс населения. Кроме того, в этот период были отменены законы, запрещающие репрессированным народам выезжать за пределы территорий вынужденного переселения. Были сняты и ограничения на выезд из сельской местности. Все это усилило миграционные процессы в регионе, сопровождавшиеся оттоком людей¹.

Данные табл. 32 свидетельствуют о том, что миграционный прирост на Среднем Урале осуществлялся в основном за счет миграционного обмена с различными регионами РСФСР. Стабильное отрицательное сальдо миграции в рассматриваемый период наблюдалось с Украиной, Молдавией, Прибалтийскими республиками, Киргизией. Миграционный обмен с Казахстаном был неустойчивым, носил волнообразный характер.

В миграционное движение были втянуты все этносы. С разной интенсивностью представители различных этносов прибывали на Урал либо покидали регион. Данные статистики по Свердловской области за 1969 г. с 20%-й выборкой показывают, что этнический состав мигрантов был в основном пропорционален этническому составу населения области (табл. 33).

В среднем 85–87% всех мигрантов составляли русские. Второе место по общей численности и удельному весу среди мигрантов занимали татары (4,0–4,1%). Достаточно высокой миграционной активностью обладали украинцы (2,8–2,9% всех мигрантов), особенно если учитывать, что удельный вес представителей этой этнической группы в 1970 г. составлял всего 1,9% (см. прил. 1). Удельный вес среди мигрантов представителей немецкой национальности был также выше удельного веса немцев в общей численности населения (см. табл. 21 и прил. 1), при этом если из каждой 1000 прибывших в область человек было зафиксировано 11 немцев, то среди выбывших – 18 (см. табл. 33). Высокий уровень миграционной активности был свойственен также

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 19–20.

башкирам (0,9–1,0% мигрантов при удельном весе в общей численности населения 0,5%), евреям, чувашам, марийцам, мордве (см. табл. 33).

Таблица 32

Механический прирост (убыль) населения Свердловской области в результате миграционного обмена с республиками СССР, чел.¹

Республики СССР, зарубежные государства	1959	1963	1967	1971	1974
РСФСР	25415	18591	12439	11721	17060
Украина	–3018	–6464	–5859	–5431	–2371
Белоруссия	794	–69	–991	–931	31
Азербайджан	–19	–313	–7	–84	–15
Грузия	–78	–108	46	2	11
Армения	105	89	91	–9	5
Туркменистан	–13	–64	–48	–139	–95
Узбекистан	642	–1809	–1088	–1254	–3
Таджикистан	–26	–307	–151	–194	219
Казахстан	–3494	2222	742	–303	1178
Киргизия	–248	–739	–559	–530	–31
Молдавия	–521	–530	–599	–452	–205
Литва	–103	–130	–141	–73	5
Латвия	–33	–145	–369	–165	–185
Эстония	1	–44	–23	–96	–45
Зарубежные государства	205	–69	179	–539	831

Некоторые различия в миграционной активности по Уралу наблюдались у удмуртов. Если на территории Удмуртской АССР миграционная мобильность представителей «титальной» нации была значительно ниже мобильности русских, что Г. К. Шкляев и З. П. Чеснокова объясняли историческими, бытовыми, социально-культурными, языковыми и другими различиями, во многом обусловленными по-

¹ Рассчитано по: ГАСО. Ф. 1813-Р. Оп. 11. Д. 125. Л. 3–4; Д. 367. Л. 76–77; Д. 481. Л. 98–99, 107–108; Д. 590. Л. 114–115, 121–122; Д. 701. Л. 107, 108, 112–113.

литикой национального угнетения в царской России¹, то на Среднем Урале удельный вес удмуртов среди мигрантов совпадает с удельным весом удмуртов среди всего населения области, т. е. удмурты в этом регионе были втянуты в миграционные процессы наравне с русскими.

Таблица 33

Национальный состав мигрантов в Свердловской области по данным за 1969 г. (20%-я выборка), относительные данные на 1000 чел.²

Национальность	Прибыло	Выбыло
1	2	3
Все национальности	1000	1000
Русские	849	870
Украинцы	29	28
Белорусы	9	8
Узбеки	1	0
Казахи	1	1
Грузины	1	0
Азербайджанцы	1	0
Литовцы	1	0
Молдаване	2	1
Латыши	1	0
Киргизы	1	0
Таджики	0	0
Армяне	1	1
Туркмены	0	0
Эстонцы	0	0
Абхазы	0	0
Балкарцы	0	—
Башкиры	10	9
Буряты	1	0
Ингуши	0	0
Кабардинцы	0	0
Калмыки	0	0
Каракалпаки	0	0
Карелы	1	0
Коми	1	0
Марийцы	6	4

¹ Шкляев Г. К. Некоторые вопросы демографической ситуации в сельской местности Удмуртской АССР // Сельские поселения Удмуртии. XIX–XX вв. Ижевск, 1981. С. 76; Чеснокова З. П. О территориальной подвижности сельского населения Удмуртской АССР. С. 88.

² Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 11. Д. 545. Л. 134–136.

Окончание табл. 33

1	2	3
Мордва	5	5
Народы Дагестана	1	1
Осетины	1	0
Татары	40	41
Удмурты	7	5
Чеченцы	0	0
Чуваши	7	6
Якуты	1	0
Евреи	3	3
Коми-пермяки	1	1
Народы Севера	0	0
Тувинцы	0	0
Немцы	11	18
Поляки	1	2
Прочие	5	...

Заметное место в миграционном потоке занимали представители малочисленных на Урале коренных этносов из республик Средней Азии и Кавказа: узбеков, казахов, грузин, азербайджанцев, армян, народностей Дагестана, а также молдаван. Статистика также свидетельствует о том, что для большинства указанных этносов в 1969 г. было характерно положительное сальдо миграции, в то время как для наиболее многочисленных групп Урала – русских и татар – отрицательное (табл. 34).

Таблица 34

Миграционный прирост основных этнических групп
Свердловской области по данным за 1969 г. (20%-я выборка), чел.¹

Национальность	Миграционный прирост (убыль)			
	из городов	из сел	неизвестно	всего
1	2	3	4	5
Все националь- ности	–29599	29136	–556	–1019
Русские	–28623	24305	–1869	–6187
Украинцы	–381	281	288	188
Белорусы	–22	194	107	279
Узбеки	98	65	20	183

¹ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 11. Д. 545. Л. 134–136.

Окончание табл. 34

1	2	3	4	5
Казахи	–53	76	40	63
Грузины	82	6	31	119
Азербайджанцы	87	16	46	149
Литовцы	–22	45	26	49
Молдаване	137	122	16	275
Латыши	87	90	–	177
Киргизы	112	–20	5	97
Таджики	12	–	10	22
Армяне	7	–13	–5	–11
Туркмены	–19	–29	5	–43
Эстонцы	–13	20	–	7
Абхазы	5	35	–	40
Балкарцы	35	35	–	70
Башкиры	–172	494	5	327
Буряты	100	15	–	115
Ингуши	12	5	–	17
Кабардинцы	26	–5	–	21
Калмыки	–	–14	–5	–19
Каракалпаки	–24	–	–	–24
Карелы	68	100	31	199
Коми	43	107	16	166
Марийцы	14	322	128	464
Мордва	–260	283	–34	–11
Народы Даге- стана	98	8	–19	87
Осетины	49	–33	45	61
Татары	–1754	1219	237	–298
Удмурты	241	415	38	694
Чеченцы	30	–	40	70
Чуваши	–232	386	86	240
Якуты	16	20	40	76
Евреи	–34	66	84	116
Коми-пермяки	20	77	30	127
Народы Севера	–22	16	6	–
Тувинцы	40	–	–	40
Немцы	2044	523	291	2858
Поляки	70	130	65	265
Прочие	949	303	70	1322

Уже с середины 1960-х гг. прослеживается довольно устойчивая тенденция к уменьшению численности сельского населения Свердловской области за счет миграций. Количество выезжающих из села существенно превышало количество прибывающих в сельскую местность уже с 1963 г. К концу 1960-х гг. отток населения из села все возрастал, достигнув максимума на рубеже 1960–70-х гг. Так, в 1969 г. численность выбывших из села превышала численность прибывших на 11906 чел., а в 1971 г. – на 12144 чел. Но в 1970-е гг. этот процесс приостановился. Отток населения из села продолжался, но перевес численности выезжающих над числом прибывших в сельскую местность был менее значителен. В 1972 г. он составил 6395 чел., в 1973 г. – 4610 чел., а в 1976 г. – 1925 чел. О. Г. Черезова объясняет это как некоторым улучшением условий жизни и труда в сельской местности, так и общим сокращением численности сельского населения, особенно селян молодого возраста, составлявших основной контингент мигрантов. Но основной причиной подобного колебания численности мигрантов в этот период стала, по мнению О. Г. Черезовой, политика сселения «неперспективных» деревень, пик которого пришелся на 1960–70-е гг. В результате тысячи человек вынуждены были покидать прежнее место жительства, исчезали с карты сотни мелких населенных пунктов. Например, только в Пригородном районе Свердловской области на протяжении второй половины 1960-х гг. из 141 населенного пункта осталось 108. К концу 1970-х гг. сселение пошло на убыль, соответственно сократился и поток мигрантов¹.

Данные табл. 34 показывают, что урбанизационные процессы затронули все этносы: с селом миграционное сальдо положительное у всех этносов. Отрицательное сальдо с селом лишь у киргизов, армян, туркмен, кабардинцев, калмыков и осетин.

Пропорциональное соотношение мужчин и женщин в каждой этнической группе среди мигрантов неодинаково (табл. 35).

В целом среди мигрантов всех этнических групп преобладали мужчины. Минимальным разрыв в удельном весе мужчин и женщин был у русских, а также у народов, издавна мигрировавших вместе с русскими, – украинцев, белорусов, марийцев, удмуртов, башкир, татар, евреев. Аналогичные пропорции между мужчинами и женщинами наблюдались среди мигрантов-балкарцев и представителей народов Дагестана.

¹ Черезова О. Г. Указ. соч. С. 136.

Таблица 35

Распределение мигрантов по национальности и полу по данным за 1969 г. (20%-я выборка), относительные данные на 1000 чел.¹

Национальность	Прибыло		Выбыло	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1	2	3	4	5
Все националь-ности	544	456	542	458
Русские	538	462	540	460
Украинцы	591	409	560	440
Белорусы	591	409	782	218
Узбеки	447	553	1000	–
Казахи	620	380	605	395
Грузины	711	289	803	197
Азербайджанцы	1000	–	912	88
Литовцы	625	375	592	408
Молдаване	680	320	665	335
Латыши	478	522	717	283
Киргизы	694	306	699	301
Таджики	1000	–	1000	–
Армяне	789	211	458	542
Туркмены	667	333	414	586
Эстонцы	400	600	500	500
Абхазы	889	111	1000	–
Балкарцы	500	500	–	–
Башкиры	555	445	534	466
Буряты	800	200	500	500
Ингуши	1000	–	500	500
Кабардинцы	111	889	1000	–
Калмыки	1000	1000	208	792
Каракалпаки	–	1000	1000	–
Карелы	423	577	852	148
Коми	696	304	667	333
Марийцы	532	468	553	447
Мордва	482	518	547	453
Народы Дагестана	587	413	664	336
Осетины	444	556	563	437
Татары	593	407	575	425
Удмурты	529	471	518	482

¹ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 11. Д. 545. Л. 134–136.

1	2	3	4	5
Чеченцы	1000	–	–	1000
Чуваши	606	394	535	465
Якуты	870	130	744	256
Евреи	568	432	559	441
Коми-пермяки	500	500	438	562
Народы Севера	647	353	612	388
Тувинцы	125	875	333	666
Немцы	478	522	472	528
Поляки	698	302	382	618
Прочие	593	407	...	...

Уже в 1950–70-х гг. в регионе наметились особенности в пропорциональном составе мужчин и женщин среди разных этнических групп мигрантов, наиболее ярко проявившиеся в конце XX в. Так, среди мигрантов коренных этносов республик Средней Азии и Кавказа – казахов, киргизов, таджиков, туркмен, армян, грузин, абхазов, чеченцев и ингушей – мужчины обладали гораздо большей миграционной подвижностью, чем женщины. Преобладание мужчин среди мигрантов-коми, якутов, бурят, а также поляков, молдаван и литовцев можно объяснить интенсивной «промышленной миграцией» – работой на промышленных предприятиях Урала.

Существуют различные точки зрения о влиянии этнических факторов на миграцию населения. В. И. Переведенцев, характеризуя межрайонные миграции в СССР, отмечал, что этнические факторы не являются значительным препятствием для перемещения русского населения. В то же время они выступают серьезным препятствием для переселения титульных этносов за пределы своих республик¹. По мнению А. В. Топилина, этнические факторы сдерживают перемещение людей. Менее категоричное мнение высказывает Т. И. Заславская: «Различия между группами населения, связанные с этнической принадлежностью и в большинстве случаев сдерживающее переселение определенных групп населения, изменяют тем самым условия для переселения других»². Большинство исследователей, в том числе

¹ Переведенцев В. И. О влиянии современной миграции на этнический состав населения Сибири. М., 1964. С. 87.

² Цит. по: Чеснокова З. П. О территориальной подвижности сельского населения Удмуртской АССР. С. 88.

В. И. Переведенцев¹, В. И. Козлов², М. Н. Губогло³, согласны с тем, что к числу наиболее значимых этнических факторов по степени воздействия на миграционные процессы относятся этноязыковые процессы.

Применительно к этническим аспектам миграции на Урале необходимо отметить, что в рассматриваемый период они определялись преимущественно не этническими, а экономическими факторами. Постоянное взаимодействие и неразрывная связь всех народов, населявших Уральский регион, делает невозможным выделение этнического фактора «в чистом виде», вне его связи со многими другими, которые обуславливают показатели миграционных потоков.

3.2. Миграционные процессы в конце 1980-х – 1990-е гг.

Миграционная ситуация в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в полной мере отражала трудности общественного развития этих лет, а потому носила кризисный, остропроблемный характер. Под влиянием комплекса социальных факторов конца 1980-х – начала 1990-х гг. во внутрироссийских миграциях коренным образом изменилось содержание межрайонного и межпоселенного обмена, а связанные с ним проблемы получили иное звучание. Это выразилось как в появлении иных тенденций в рамках традиционных форм миграционного перемещения и в соответствующей модификации долговременных проблем (приживаемости мигрантов, стабилизации сельского населения, рационализации миграций в крупных городах), так и в возникновении принципиально новых явлений, обусловленных социально-политическим и экономическим кризисом страны⁴.

Обострение кризисных явлений в экономике привело к переориентации межрегиональных потоков, обычно направленных из европейской части России в осваиваемые области. Начался обратный процесс – массовый выезд в места первоначального проживания, прежде всего в старообжитые районы. Особенно интенсивно такого рода миграции охватили территории Севера, Сибири и Дальнего Востока, пе-

¹ Переведенцев В. И. Указ. соч.

² Козлов В. И. Национальности СССР: этнодемогр. обзор.

³ Губогло М. Н. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР). М., 1992.

⁴ Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Внутрироссийская миграция населения: нынешняя ситуация и прогноз // Социол. исслед. 1994. № 1. С. 31.

рестаившие притягивать высокими заработками, системой предоставляемых льгот, а также в связи с прекращением финансирования крупных государственных программ, свертыванием производственного и жилищного строительства, ростом безработицы. За 1990–1992 гг. миграционные потери северных и приравненных к ним территорий составили в общей сложности 470 тыс. чел., из которых более 52% приходилось на 1992 г. В предыдущее десятилетие (1979–1988) миграционный баланс здесь был стабильно положительным, составляя ежегодно в среднем 235 тыс. чел.¹

Одновременно практически во всех старообжитых регионах Европейской России сложился миграционный прирост населения. Отрицательное миграционное сальдо сменилось на положительное даже в таких районах, как Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Уральский, которые в течение ряда десятилетий теряли в межрайонном миграционном обмене. Еще в 1979–1988 гг. они составляли 98% территорий, отдающих население другим регионам страны, а в 1992 г. тут сконцентрировалось уже 34% всего положительного миграционного сальдо России. Наблюдался активный приток людей в районы Северного Кавказа, Поволжья, в Центральную Россию².

В конце 1980-х гг. Урал вступил в четвертую фазу миграционного перехода, характеризующуюся дальнейшим ростом возвращенной миграции и перемещением населения из города в город и из города в село, ростом миграции из менее экономически развитых районов в более развитые. Эта фаза совпала с коренными изменениями в социально-экономической жизни страны, отмеченными выше. В итоге в начале 1990-х гг. почти в два раза снизились потоки мигрантов с Урала в Западную Сибирь. Многие из выехавших возвратились обратно. Приток населения из Восточной Сибири и с Дальнего Востока наметился еще в 1984 г., а из Западной Сибири – в 1990 г.³

Масштабные политические и социально-экономические изменения не могли не повлиять на причины миграционной активности населения, направление миграций и этнический состав мигрантов. По-прежнему основную массу мигрантов составляли русские, но к концу

¹ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М., 1992. С. 31–36.

² Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Указ. соч. С. 32.

³ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 24.

1980-х гг. четко прослеживается повышение миграционной активности отдельных этносов (табл. 36, 37).

Таблица 36

Этнический состав прибывших в Свердловскую область
в 1988–1992 гг., относительные данные на 1000 чел.¹

Националь- ность мигрантов	1988	1989	1990	1991	1992
Русские	802	806	817	831	840
Украинцы	30	30	29	27	27
Белорусы	9	8	9	8	7
Узбеки	3	4	4	4	2
Казахи	4	4	3	3	3
Грузины	1	1	1	1	1
Азербайджан- цы	8	8	6	5	4
Литовцы	1	1	0	1	1
Молдаване	5	5	5	4	3
Латыши	0	0	0	0	0
Киргизы	1	1	2	1	0
Таджики	1	1	1	1	1
Армяне	2	4	3	2	3
Туркмены	1	1	1	1	1
Эстонцы	0	0	0	0	0
Татары	56	55	51	50	51
Евреи	2	1	1	1	1
Немцы	6	6	6	6	6
Прочие	66	64	59	55	50
Из них:					
башкиры	21	20	17	14	13
марийцы	11	12	10	10	10
удмурты	8	8	7	7	7
чуваши	6	5	6	5	5
мордва	4	4	4	3	3

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. среди мигрантов, прибывших на Средний Урал, наблюдался неуклонный рост доли русских и ар-

¹ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Распределение мигрантов по полу и национальности» за 1988–1992 гг.

мян. Удельный вес мигрантов, принимавших активное участие в миграционных процессах в предшествующий период, в это время столь же неуклонно падал. Башкиры, марийцы, удмурты, чуваша, мордва, татары, украинцы, белорусы, а также представители коренных этносов республик Средней Азии – казахи, узбеки, киргизы, согласно официальной статистике, уступали место русским и армянам.

Однако миграционная активность некоторых этносов не была равномерной по всему Уральскому региону. В частности, если в Свердловской области миграционная активность башкир к концу XX в. пошла на убыль, то в Башкортостане этот процесс, наоборот, стал более интенсивным, причем он по-прежнему шел в направлении село – город. Так, по данным М. Д. Киекбаева, миграционные процессы в 1990-е гг. в Башкортостане охватывали значительную часть башкирского городского населения. К 1998 г. в городах Башкортостана проживала лишь 1/4 современных горожан-башкир, 3/4 составили переселенцы из других населенных пунктов, главным образом из сел и деревень. Среди мигрантов преобладали люди, проживавшие в городе 10 лет и более. Учитывая их возраст, М. Д. Киекбаев предположил, что они переселились в города в основном в послевоенный период – в 1950–60-е гг., т. е. тогда, когда миграционная активность всех этносов Урала была достаточно высокой. Эту часть башкирского городского населения он относил к старожилам, и в общей численности населения старожила составляли лишь 2/5. Доля же горожан-башкир, проживавших в городе менее 10 лет, была более 50%; к последнему потоку мигрантов (т. е. переселившихся в город в 1990-е гг.) относился каждый двенадцатый башкир¹. Рост миграционной активности башкир в 1980–90-е гг. тем более ощутим, если сравнить ее с миграцией в предшествующий период. В конце 1960-х гг. в миграционных процессах в Башкирской АССР преобладали русские, а доля мигрантов-башкир в городах республики была в 1,5 – 3 раза меньше доли татар и в 2,5 – 7 раз меньше данного показателя у русских².

Официальная статистика, несмотря на невысокую степень ее достоверности в этот период, достаточно четко показала основные тенденции в изменении этнического состава мигрантов. Еще более

¹ Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: (опыт ист.-этногр. и этносоциол. исслед.). С. 44.

² Там же.

ярко они проявились в структуре выбывших из Свердловской области (см. табл. 37).

Таблица 37

Этнический состав выбывших из Свердловской области
в 1988–1992 гг., относительные данные на 1000 чел.¹

Националь- ность ми- грантов	1988	1989	1990	1991	1992
1	2	3	4	5	6
Русские	810	809	789	804	781
Украинцы	30	33	31	27	28
Белорусы	8	8	8	9	8
Узбеки	4	4	4	3	3
Казахи	4	5	6	5	6
Грузины	1	2	2	1	1
Азербайджан- цы	9	9	9	7	6
Литовцы	1	1	1	1	0
Молдаване	4	4	6	4	4
Латыши	0	0	1	0	0
Киргизы	1	1	2	2	2
Таджики	1	1	1	1	1
Армяне	2	2	2	2	1
Туркмены	0	0	1	1	1
Эстонцы	0	0	0	—	0
Татары	53	48	55	50	52
Евреи	1	2	9	8	10
Немцы	8	9	1	14	38
Башкиры	18	17	18	18	16
Марийцы	8	8	9	12	12
Удмурты	8	8	8	7	8
Чуваши	7	6	6	5	6
Мордва	4	4	3	3	2
Прочие	16	18	17	15	14

С конца 1980-х гг. резко возрос удельный вес среди мигрантов представителей еврейского и немецкого этносов, получивших возмож-

¹ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Распределение мигрантов по полу и национальности» за 1988–1992 гг.

ность отбыть в свои этнотерриториальные образования. Только за 1988–1992 гг. Свердловская область потеряла 5992 немцев и 2597 евреев¹. В середине – второй половине 1990-х гг. эти цифры возросли в несколько раз². Тенденция оттока населения ряда этносов в свои этнотерриториальные образования, появившаяся во многом под влиянием возросших сепаратистских настроений, была свойственна и «традиционным» российским народам: марийцам, татарам, чувашам и др.

В связи с новыми экономическими и политическими реалиями возрос поток на Средний Урал и представителей коренных этносов среднеазиатских республик бывшего СССР – казахов, киргизов, туркмен и др. Статистика этнического состава мигрантов в 1988–1992 гг. показывает лишь начало этого процесса, развившегося несколько позже – во второй половине 1990-х гг.

Если в конце 1980-х гг. по большинству этносов наблюдалось положительное сальдо миграций, то к концу рассматриваемого периода оно меняется на отрицательное (табл. 38).

Из абсолютных данных, приведенных в табл. 38, видно, что наибольшие миграционные потери для Свердловской области были среди немцев и евреев. Вторую группу миграционных потерь составили представители традиционных для Урала этносов (башкиры, марийцы, удмурты, чуваша), а также этносов республик распавшегося СССР (украинцы, узбеки, казахи, азербайджанцы и киргизы). Небольшой миграционный прирост либо убыль имели этносы, которым была свойственна достаточно высокая миграционная активность сразу в двух направлениях – на Урал и с Урала (таджики, туркмены, грузины), и малочисленные этнические группы (народы Прибалтики).

Миграционный прирост русских на Среднем Урале имел волнообразный характер. Снизившись почти вдвое в 1990 г. по сравнению с уровнем 1989 г., показатели миграционного прироста вновь резко возросли к 1992 г. Это, безусловно, было связано с массовым оттоком русского населения из бывших республик Советского Союза. По данным крупномасштабных исследований миграции населения, проведенных Госкомстатом в 1992 г., конфликты на национальной почве являлись главным мотивом отъезда из Азербайджана, Таджикистана, Грузии,

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Распределение мигрантов по полу и национальности» за 1988–1992 гг.

² См. подробнее: *Сурина М. В.* Этномиграционные процессы на Среднем Урале в конце XX века. С. 144–148.

Литвы, Узбекистана, Армении, Киргизии, Латвии, Молдовы. И почти две трети мигрантов из этих республик по данной причине были русские. В результате стихийной миграции из зон конфликтов шел отток людей всех национальностей, имевших возможность получить российское гражданство и самостоятельно устроить свой быт, найти работу¹.

Таблица 38

Миграционный прирост/убыль представителей отдельных этносов
за 1988–1992 гг., чел.²

Националь- ность ми- грантов	1988	1989	1990	1991	1992
Всего	9113	12671	2216	–168	1721
В том числе: русские	6206	9730	5075	2575	8542
украинцы	260	23	–180	–88	–113
белорусы	297	47	178	–104	–44
узбеки	–39	95	–32	56	–171
казахи	24	–67	–284	–200	–387
грузины	16	–36	–95	1	–12
азербай- джанцы	21	44	–294	–212	–214
литовцы	–62	3	–69	–7	30
молдаване	225	211	–83	2	–133
латыши	25	–21	–48	15	2
киргизы	12	42	43	–83	–204
таджики	–18	22	61	5	19
армяне	17	219	85	–23	156
туркмены	63	55	19	11	–23
эстонцы	40	37	26	8	11
татары	997	1525	–355	–9	–8
евреи	92	–85	–823	–658	–1123
немцы	–238	–269	–907	–805	–3773
Прочие	1175	1096	–101	–652	–834
Из них:					
башкиры	604	616	–35	–391	–361
марийцы	444	591	168	–152	–249
удмурты	83	76	–89	–53	–172
чуваши	–100	–4	93	24	–119
мордва	94	39	131	–36	123

¹ Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 26.

² Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Распределение мигрантов по полу и национальности» за 1988–1992 гг.

Статистика, распределяющая мигрантов по полу, также отразила этнические особенности миграционных процессов в сложных политических и экономических условиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. (табл. 39).

Таблица 39

Распределение мигрантов, прибывших в Свердловскую область
в 1988 г., по полу и национальности, %¹

Национальность	Мужчины	Женщины
Все национальности	49,3	50,7
Русские	47,8	52,2
Украинцы	52,8	47,2
Белорусы	57,7	42,3
Узбеки	83,3	16,7
Казахи	49,3	50,7
Грузины	68,8	31,2
Азербайджанцы	78,9	21,1
Литовцы	71,0	29,0
Молдаване	76,5	23,5
Латыши	43,3	56,7
Киргизы	66,3	33,7
Таджики	88,9	11,1
Армяне	73,8	26,2
Туркмены	70,5	29,5
Эстонцы	69,4	30,6
Татары	53,0	47,0
Евреи	43,0	57,0
Немцы	56,9	43,1
Башкиры	47,5	52,5
Марийцы	48,7	51,3
Удмурты	50,5	49,5
Чуваши	50,7	49,3
Мордва	48,0	52,0

Данные табл. 39 свидетельствуют о примерно равной вовлеченности мужчин и женщин в миграционные процессы. Относительно равный удельный вес мужчин и женщин был свойственен наиболее крупным этносам Урала: русским, украинцам, белорусам, татарам, евреям, немцам, башкирам, марийцам, удмуртам, чувашам и мордве. Резкое преобладание

¹ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Распределение мигрантов по полу и национальности» за 1988 г.

среди мигрантов мужчин наблюдалось у представителей коренных этносов среднеазиатских (узбеки, таджики, туркмены) и кавказских (грузины, азербайджанцы, армяне) республик, а также прибалтийских народов (литовцев, эстонцев) и молдаван. Средний Урал привлекал представителей этих этнических групп преимущественно возможностью заработка как за счет торговли, в том числе и наркотиками, так и за счет занятости на строительных работах. Удельный вес мужчин был выше у них и среди выбывших¹. Причем миграционная активность этих этносов оставалась высокой на протяжении 90-х гг. XX в.²

Как уже было отмечено выше, на Урале преобладала внутрисоветская миграция. РСФСР была «источником пополнения» населения наиболее крупных этносов региона: согласно статистике по Свердловской области за 1990 г., в города области из различных краев и областей РСФСР прибыло 87,2% русских, 55,7 – украинцев, 55,9 – белорусов, 90,7 – татар, 93 – башкир, 63,6 – евреев, 60,8 – немцев, 97,3 – марийцев, 92,3 – удмуртов, 94,9 – чувашей, 90,4% мордвы (от всех прибывших представителей данных этнических групп)³. Особенно высокий удельный вес прибывших из регионов РСФСР наблюдался среди представителей тех этносов, чьи этнотерриториальные образования находятся в пределах России.

Статистика также показывает высокий удельный вес прибывших из РСФСР среди уже немногочисленных к этому времени в республике этнических групп, к тому же отличающихся низкой интенсивностью миграции: из России в Свердловскую область прибыло 75% латышей (16 чел.) и 100% эстонцев (33 чел.)⁴.

Примерно равный удельный вес прибывших из РСФСР и своих этнотерриториальных образований был зафиксирован у наиболее «подвижных» этнических групп, чья миграционная активность была достаточно высокой в течение нескольких десятилетий: в Свердловскую область в 1990 г. прибыло казахов из России – 40,7%, из Казахстана – 53,5%; грузин из России – 39,6%, из Грузии – 38,9%; армян из

¹ Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Распределение мигрантов по полу и национальности» за 1988 г.

² См. подробнее: Сурина М. В. Этномиграционные процессы на Среднем Урале в конце XX века. С. 144–148.

³ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. МА3 «Распределение мигрантов по территориям прибытия, выбытия и национальности за 1990 год».

⁴ Рассчитано по: Там же.

России – 36,4%, из Армении – 28,1% (от всех прибывших представителей данных этнических групп). Сходные относительные данные и у литовцев, 29,8% которых прибыло из РСФСР и 23,9% – из Литвы. Однако литовцы, как и остальные прибалтийские народы, не отличались высокой миграционной активностью, существенная часть мигрантов литовской национальности (10%) прибыла в область из Казахстана.

Распад СССР вызвал мощный отток населения различных этносов из республик Средней Азии, в основном из Казахстана. В 1990 г. 11,4% всех прибывших в города Свердловской области немцев ранее проживали в Казахстане, аналогичные данные составляли по удмуртам 3,1%, мордве – 1,1%, башкирам – 1,7%. Узбекистан также стал «источником пополнения» области людскими ресурсами: из этой республики прибыло 3,1% немцев, 1,6 – башкир, 1,9 – удмуртов, 3,3% мордвы. Украина «поставила» области 2,7% немцев, 3,9% чувашей, 3,3% мордвы (от всех прибывших представителей данных этносов)¹.

Эмиграция приобрела небывалый масштаб: если в 1989–1991 гг. в Свердловскую область прибыло около 240 семей, в основном из районов армяно-азербайджанского конфликта, то в 1992 г. только за 1,5 месяца (с 1 июля по 15 августа) Свердловским областным отделением миграции было зарегистрировано 140 семей, насчитывавших 348 чел. беженцев и вынужденных переселенцев. Наибольшее пополнение давали Молдова (71 семья) и Таджикистан (34 семьи)². В 1993 г. отделение миграции зарегистрировало уже 5 тыс. беженцев, в 1994 г. – 9 тыс. чел. В 1995 г. в Свердловскую область ежемесячно прибывало по 1 тыс. беженцев из Чечни, Латвии, Литвы, Молдовы, Средней Азии. Треть беженцев оседала в Екатеринбурге³, однако и другие крупные промышленные центры области активно их принимали: так, Нижний Тагил за неполный 1992 г. (до 1 ноября) принял 40 семей беженцев из Азербайджана, Молдовы, Грузии, Таджикистана, Чечни⁴.

Социально-экономические и политические изменения стали причиной массовой эмиграции из республик Средней Азии и Закавказья.

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. МА3 «Распределение мигрантов по территориям прибытия, выбытия и национальности за 1990 г.».

² Цыбуля Ю. А. Я, ты, он, она... // Рабочее слово. 1992. 31 авг.

³ Мясная Л. М. Побежденные русские? // На смену! 1995. 17 мая.

⁴ принимает беженцев // Тагил. рабочий. 1992. 13 нояб.

казья и коренных этносов этих республик: доля азербайджанцев, прибывших на Средний Урал из Азербайджана, составляла 51,4% от всех мигрантов данной национальности, 56,8% прибывших узбеков ранее проживали в Узбекской ССР, 65,3% киргизов прибыли из Киргизской ССР, 38% таджиков – из Таджикской ССР (в то время как из РСФСР – 13,3%), 61,5% туркмен – из Туркменской ССР¹.

В 1990-е гг. Свердловская область сохраняла положительное миграционное сальдо почти со всеми новыми независимыми государствами, но основной поток мигрантов шел из стран Центральной Азии, особенно из Казахстана, с Украины и из Закавказья. Так, в 2000 г. доля прибывших из Казахстана мигрантов составляла 48,4%, выбывших – 30,4%; доля прибывших с Украины составляла 16%, выбывших – 37,1%; доля прибывших из республик Кавказа составляла 10,4%, выбывших в республики Кавказа – 7,1% всего выбывшего населения области². Причем доля мигрантов титульных этносов бывших союзных республик в области оставалась значительной: 51,3% азербайджанцев прибыли в Свердловскую область в 2000 г. из Азербайджана, 45,5% армян – из Армении, 61,0% грузин – из Грузии, 40,2% казахов – из Казахстана, 78,9% таджиков – из Таджикистана, 34,4% узбеков – из Узбекистана³. Таким образом, удельный вес среди прибывших из своих республик таджиков, армян и грузин за десятилетие резко увеличился: шел активный процесс формирования на территории области диаспор нового типа.

Можно предположить, что ряд статистических показателей занижен: на протяжении 1990-х гг. наблюдался приток в область таджиков, не регистрировавшихся в миграционных службах, и их удельный вес среди прибывших из Таджикистана в действительности мог быть значительно больше. Причем ежегодно за весну – осень (время «кочевья» таджиков) один регион мог испытать две-три миграционные волны достаточно хорошо организованных «псевдобеженцев». Так, в 1994 г. первая миграционная волна таджиков в Нижнем Тагиле пришлась на конец февраля – март. Таджики-«беженцы» распределили центральные улицы

¹ Рассчитано по: Чернявская В. А. Указ. соч.

² Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Национальный состав мигрантов по странам СНГ и Балтии за 2000 г. Свердловская область».

³ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Национальный состав мигрантов по странам СНГ и Балтии за 2000 г. Свердловская область»; «Национальный состав мигрантов за 2000 г. Свердловская область. Вся миграция».

между собой на своеобразные «зоны действия», причем для оказания давления на городские власти они раздевали на морозе своих детей. «Беженцев» насчитывалось около 30 чел., почти у всех имелись при себе документы. Городские власти выдали им пособия в размере 1 минимальной заработной платы и отправили в сторону Кургана. Вторая волна таджиков-«беженцев» захлестнула город в апреле – мае. На этот раз таджики были без документов. На предложение администрации о том, что в случае устройства на работу они могут получить статус беженца, ни один из таджиков не среагировал. Третью волну представляли уже профессионалы своего дела – попрошайки всех возрастов¹.

В конце 1980-х – 1990-е гг. появилась и другая особенность миграционных процессов по сравнению с предшествующим периодом – активизация миграционного обмена со странами дальнего зарубежья. Как было отмечено выше, данные текущей статистики за период 1991–2001 гг. не отличаются высокой достоверностью, поскольку именно в эти годы приобрела огромные масштабы нелегальная миграция. Тем не менее статистические источники позволяют выявить объем эмиграции с Урала представителей ряда этносов.

Основную массу эмигрантов составляли русские, евреи и немцы. На протяжении всего рассматриваемого периода удельный вес представителей этих этносов в числе выбывших в страны дальнего зарубежья менялся (табл. 40).

Таблица 40

Удельный вес русских, евреев и немцев в числе выбывших
из Свердловской области в страны дальнего зарубежья,
% к общей численности²

Националь- ность	1990	1994	1998	2000
Русские	28,7	28,0	45,6	53,5
Немцы	29,1	55,5	39,0	33,4
Евреи	28,5	10,0	8,9	7,4

¹ Климцев В. С. Не путай беженцев с бродягами // Тагил. рабочий. 1994. 29 июня.

² Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. А 3000033 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1990 г.»; табл. А 3000099 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1994 г.»; табл. МН1 «Национальный состав мигрантов за 1998 г.»; табл. «Национальный состав мигрантов за 2000 г.».

Данные табл. 40 свидетельствуют о неуклонном возрастании удельного веса русских среди выбывавших в страны дальнего зарубежья. Пик миграционной активности немцев приходится на середину 1990-х гг., после чего как их абсолютная численность, так и удельный вес среди выбывших постепенно снижается. Уменьшение удельного веса евреев шло на протяжении всего периода 1990-х гг.: наибольшее количество выехавших со Среднего Урала евреев приходилось на конец 1980-х – 1990-е гг.

Все три этнические группы мигрантов выезжали в основном в Израиль, Германию и США. В 1998 г. Германия приняла 62,4% мигрантов из России, Израиль – 20,1%, США – 5,9%. Учитывая сложность получения гражданства в Германии и Израиле представителями нетитульных этносов, большой удельный вес русских среди эмигрантов в эти государства объясняется многонациональным составом выезжающих семей, где один из супругов – немец или еврей, а второй – русский. США же в основном принимали из России русских мигрантов (по данным 1998 г. – 96,6% выехавших из России в США)¹.

Национальный состав выбывших за 1990–2000 гг. существенно отличался от состава прибывших (табл. 41).

Таблица 41

Удельный вес наиболее многочисленных групп мигрантов,
прибывших из стран дальнего зарубежья в Свердловскую область,
% к общему числу прибывших²

Националь- ность	1990	1994	1998	2000
Русские	78,9	64,8	55,9	49,0
Украинцы	8,0	8,5	0,9	0,5
Немцы	0,9	4,6	20,2	14,4
Прочие	8,0	9,7	12,2	21,2

¹ Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. «Национальный состав мигрантов по странам дальнего зарубежья за 1998 г.».

² Рассчитано по: Архив Свердл. обл. ком. гос. статистики. Табл. А 3000031 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1990 г.»; табл. А 3000099 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1994 г.»; табл. МН1 «Национальный состав мигрантов за 1998 г.»; табл. «Национальный состав мигрантов за 2000 г.».

Среди прибывших из-за рубежа русские составляли самую большую группу, но их удельный вес на протяжении всего периода неуклонно падал. В середине 1990-х гг. упал удельный вес и украинцев, занимавших в первой половине десятилетия второе после русских место по миграционной активности в этом направлении. При общем уменьшении относительных показателей выбывших немцев во второй половине 1990-х гг. происходило постоянное увеличение доли представителей этого этноса в категории прибывших из стран дальнего зарубежья, что свидетельствовало о возвратной миграции немцев на Урал. Одновременно стабильно увеличивался удельный вес прибывших из дальнего зарубежья мигрантов «прочих» этносов, в число которых входили китайцы, вьетнамцы, афганцы и др.

Наибольшую сложность для изучения представляет миграция со странами Средней и Юго-Восточной Азии. Так, по данным официальной статистики, в конце 1990-х гг. годовой миграционный оборот с Китаем не превышал 10 чел., в то время как активный миграционный обмен с Китаем виден, что называется, невооруженным глазом. То же можно сказать и о миграционном обмене с Афганистаном. Отсутствие четкой системы контроля над миграционным обменом с этими государствами, системы учета мигрантов не позволяет выявить истинный масштаб миграции и проследить изменения этнодемографической ситуации в регионе.

Таким образом, в конце 1950-х – начале 1990-х гг. Уральский регион играл роль своеобразного «перевалочного пункта» в миграционном движении с запада на восток, и в миграционные потоки были вовлечены с почти одинаковой интенсивностью представители различных этносов. Продолжались урбанизационные процессы, сопровождавшиеся довольно мощным оттоком населения из сельской местности в города, и здесь этнические аспекты движения четко не обозначены. Лишь половой состав мигрантов выявляет некоторые предпосылки процесса формирования диаспор нового типа в последующий период.

Дестабилизация социально-экономической и политической обстановки на территории СССР кардинальным образом изменила направления миграционных потоков и четко обозначила этнические ас-

пекты миграционного движения. Уральский регион принял огромные массы населения русской, немецкой, татарской, башкирской, удмуртской национальностей, прибывших преимущественно из Казахстана и Узбекистана. Одновременно регион потерял существенную часть немцев и евреев, выехавших после падения «железного занавеса» в свои этнотерриториальные образования.

Особую остроту в этот период приобрела проблема нелегальной миграции из бывших советских республик Закавказья, Средней Азии и Молдовы, коренные этносы которых развили необычайную миграционную активность. Резко возрос также миграционный обмен со странами Юго-Восточной Азии, хотя официальная статистика этот процесс не отражает. Рост численности представителей этих этносов в основном за счет механического движения, если учитывать их вовлеченность в криминальный бизнес, вполне способен стать дестабилизирующим фактором в межэтнических отношениях и внести коррективы в этнодемографическую обстановку на Урале.

Заключение

Во второй половине XX в. кардинальных изменений в пропорциональном составе основных этносов Уральского региона не наблюдалось. В целом сложившийся к середине XX в. этнический состав сохранялся и на протяжении второй половины столетия.

Самый крупный этнос на Урале, как и по России в целом, составляли русские. В группу средних этнических коллективов мы включили татар, башкир, удмуртов и украинцев, к числу малых этнических общностей отнесены народы Поволжья и Приуралья угро-финской и тюркской языковых групп – коми-пермяки, марийцы, мордва, чуваша, славянской – белорусы, а также еще около 60 этносов. Причем удельный вес основных этносов Урала не был одинаков во всех областях и республиках региона. Если на Среднем Урале русские составляли подавляющее большинство населения, то на Южном Урале удельный вес русских был значительно меньше. Для Удмуртской и Башкирской АССР характерен высокий удельный вес «титულных» этносов и менее значительный – русских.

Новым явлением в этнодемографическом развитии Урала в рассматриваемый период стало стабильное увеличение численности нетипичных для региона этносов Северного Кавказа и Закавказья, республик Средней Азии и Казахстана. Если казахи компактно расселены на Южном Урале и их вполне можно считать коренным населением этого региона, то остальные этносы к концу столетия начали формировать на Урале диаспоры нового типа. Наиболее крупными этносами, численность представителей которых постоянно возрастала, являлись азербайджанцы, армяне, грузины, казахи, киргизы, туркмены и таджики.

Наоборот, низкие темпы прироста на протяжении второй половины XX в. были характерны для представителей прибалтийских республик, что объясняется оттоком бывших узников уральских лагерей, среди которых было немало прибалтийцев, на родину.

Динамика же численности народов, чьи этнотерриториальные образования находились за пределами СССР, отличалась неустойчивостью. Существенную часть этой группы этносов составляли немцы и евреи, численность которых, а также ряда других народов – поляков, болгар, греков, финнов – в течение всего рассматриваемого периода постоянно сокращалась. Это было связано, с одной стороны,

с оттоком из мест заключения бывших узников лагерей, с другой стороны, активным участием представителей этих этносов в миграционных процессах в целом.

Численность аборигенного населения Среднего и Северного Зауралья оставалась незначительной, тем не менее переписи зафиксировали стабильное ее увеличение. Обозначенная тенденция стала результатом государственной политики, направленной на сохранение малочисленных народов Севера, позволившей поддерживать численность хантов и манси на должном уровне.

Этноязыковые процессы на Урале были тесно связаны с национальной политикой государства и миграционной активностью различных этносов и этнических групп. В течение длительного времени отношение к проблеме сохранения и функционирования национальных языков определяло национальную политику государства, взаимоотношения власти и «национальных меньшинств». Специальные постановления партии и правительства, принятые в 1930–80-х гг., резко ограничили сферу функционирования родных языков в образовании, что вызвало уменьшение количества национальных школ в стране. Шел процесс формирования и развития советского народа как новой исторической общности. Борьба народов за сохранение своей национальной культуры, языка, интересов воспринималась как проявление национализма.

Но коренное изменение этноязыковой ситуации на Урале связано с активными миграционными процессами, в которые было втянуто большинство этносов и этнических групп. Жертвами национальной политики государства стали в наибольшей степени евреи и немцы: по политическим мотивам государство активно препятствовало созданию благоприятных условий для их этнокультурного развития.

Негативные тенденции проявлялись и в этнокультурном развитии угро-финских и тюркских народов. Низкий удельный вес владеющих своим национальным языком угро-финнов был обусловлен культурной близостью с русскими, дисперсным расселением среди русского населения, активным участием наряду с русскими в миграционных процессах. Несколько более благополучная этноязыковая ситуация у тюркских народов Урала связана с этноконфессиональными различиями между ними и русскими. Но наиболее сложная этноязыковая ситуация сложилась у белорусов и украинцев, в силу этнической близости к русским в большей степени подверженных ассимиляции. На

протяжении рассматриваемого периода наблюдалось увеличение доли русских, считавших родным либо вторым языком язык другой национальности, однако относительные показатели этого явления невелики.

Материалы переписей свидетельствуют о высоком уровне знания национального языка среди представителей кавказских диаспор. Замкнутость и «молодость» диаспор способствуют сохранению национальных традиций и языка, но, с другой стороны, затрудняют адаптацию в русскоязычной среде.

На ассимиляционные процессы в Уральском регионе большое влияние оказала урбанизация. Источники свидетельствуют о более высоком удельном весе владеющих своим национальным языком в качестве родного либо второго языка среди сельского населения. В компактных национальных сельских поселениях созданы благоприятные условия для сохранения такого важного этнокультурного компонента, как язык.

Социально-профессиональный состав наиболее крупных этносов региона весьма неоднороден и зависит от накопленного этносом «багажа» знаний и степени втянутости в экономические процессы. Наиболее высокий среди всех групп уровень образования был характерен для евреев, существенная часть которых была занята преимущественно в качестве служащих на производстве, в отраслях, связанных с материально-техническим снабжением и сбытом, в искусстве, науке. Несколько более низкий уровень образования наблюдался у русских и украинцев. По уровню образования, а также по удельному весу дипломированных специалистов тюркские этносы существенно уступали русским и украинцам, и соответственно доля занятых неквалифицированным трудом среди татар и башкир была выше, чем аналогичные показатели у русских и украинцев. Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода происходило неуклонное повышение данных показателей у тюркских народов, что обусловлено прежде всего преодолением конфессиональных различий и связанной с ними культурной изоляции. На Урале шел процесс сглаживания социально-профессиональных различий между этносами и этническими группами.

Этнические аспекты воспроизводственных процессов населения недостаточно отражены в источниках, что позволяет выявить основные тенденции лишь в общих чертах. Всем этносам Уральского региона было свойственно снижение рождаемости, ставшее результатом

урбанизационных процессов. Различия же в половозрастном составе способны напрямую влиять на ассимиляционные процессы. Исследование показало, что для русских, марийцев, татар и башкир были характерны пропорциональное соотношение мужчин и женщин и рост рождаемости; у этносов, ставших жертвами национальной политики государства либо втянутых в активные миграционные процессы (украинцев, белорусов, удмуртов, немцев и евреев), наблюдалась диспропорция численности мужчин и женщин, косвенно приводившая к увеличению количества этнически смешанных браков, а также стремительное старение.

Уровень рождаемости в рамках этноса напрямую зависел от степени его урбанизации. В рассматриваемый период более высокие показатели рождаемости наблюдались у представителей этносов с большим удельным весом сельского населения (немцы, татары, башкиры), высокоурбанизированные этносы Урала (русские, украинцы, белорусы) уступали по данным показателям. Низкая рождаемость ряда этносов и активные ассимиляционные процессы были зачастую обусловлены невысоким уровнем брачности. Так, наиболее низкий уровень брачности наблюдался среди женщин еврейской этнической группы, несколько выше он был у татарок, башкирок, мордочек, удмурток и маринок. Наиболее высокий уровень брачности был характерен для русских, украинок, белорусок и немцев.

Во второй половине XX в. для многонационального Уральского региона обычным явлением стали этнически смешанные браки, оценивающиеся современной наукой неоднозначно. С одной стороны, увеличение числа таких браков было показателем этнической и религиозной толерантности, с другой стороны, они представляли собой благоприятную среду для ассимиляционных процессов, негативно влияли на этноязыковые процессы. Разная этническая принадлежность родителей затрудняла национальное самоопределение детей. Росту количества этнически смешанных браков способствовали такие факторы, как этнокультурная близость, урбанизационные процессы, диспропорции половозрастного состава населения различных этносов и социальный фактор – уровень образования и профессиональной квалификации.

Миграционные процессы в 1960-е – середине 1980-х гг. XX в. во многом имели сходный характер у всех этносов. Основной миграционный поток шел преимущественно в восточном направлении. Оттоку

населения из региона способствовала отмена запрета на выезд бывших заключенных, а также высокие заработки на предприятиях Сибири. Исторические источники позволили выявить, что особенно высокой миграционной активностью обладали украинцы и немцы, немного уступали им башкиры и угро-финские народы. Миграционная активность русских была невысокой. Уже в этот период миграционные процессы ряда кавказских и среднеазиатских народов приобрели интенсивный характер. Отток населения из сельской местности в города наблюдался у всех этносов, обратный процесс был незначительным и свойственным слабо представленным на Урале в то время этносам – армянам, кабардинцам, ингушам, киргизам.

Существенным образом меняются направление и характер миграционных потоков в конце 1980-х гг. Социально-экономические и политические изменения, происходившие в стране, вызвали обратный отток населения из восточных регионов на запад. Титульные нации бывших советских республик интенсивно выезжали из Уральского региона в свои этнотерриториальные образования. Массовый характер приобрела эмиграция немцев и евреев за рубеж – в Германию и Израиль. Возросло количество русских, выезжавших в США. Активизировали миграционную деятельность коренные этносы кавказских и среднеазиатских республик, а также молдаване. Начался процесс формирования диаспор нового типа.

Распад СССР вызвал достаточно мощный отток русского, татарского, башкирского, удмуртского населения из республик Средней Азии, преимущественно из Казахстана, на Урал. Потери от сокращения рождаемости в определенной мере были смягчены механическим приростом населения в регионе.

Таким образом, в течение всей второй половины XX в. резких изменений в пропорциональном составе основных этносов не происходило. Значительное преобладание русского населения, обусловившее ассимиляционные процессы, смягчило последствия оттока с Урала представителей ряда этносов. В целом естественные и миграционные процессы всех основных этносов были сходными. Однако повышенная и, как правило, неконтролируемая миграционная активность народов Кавказа и Средней Азии в последнее пятнадцатилетие создает предпосылки для возможного изменения пропорционального соотношения этносов и обострения межнациональных отношений на Урале.

Библиографический список

Источники

Неопубликованные

РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562 (Центральное статистическое управление СССР). Оп. 336. Д. 1566-б, 1976, 3095, 6192.

Государственный архив Свердловской области. Ф. 286-Р (Свердловский исполнительный комитет городского Совета народных депутатов (горисполком)). Оп. 1. Д. 2071; Ф. 1813-Р (Статистическое управление Свердловской области Центрального статистического управления при Совете министров СССР). Оп. 11. Д. 545; Оп. 12. Д. 55, 125, 367, 377, 392, 401, 402, 481, 590, 701.

Архив Свердловского областного комитета государственной статистики. Табл. «Национальный состав мигрантов по странам дальнего зарубежья за 1998 г.»; табл. «Национальный состав мигрантов по странам СНГ и Балтии за 2000 г. Свердловская область»; табл. А 0330000 «Родившиеся и умершие по национальности в 1993 г.», «Родившиеся и умершие по национальности в 1994 г.», «Родившиеся и умершие по национальности в 1995 г.»; табл. А 3000031 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1990 г.»; табл. А 3000033 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1992 г.»; табл. А 3000099 «Распределение мигрантов по территории прибытия, выбытия и национальности за 1994 г.»; табл. М 3000003 «Распределение мигрантов по полу и национальности» за 1988–1992 гг.; табл. МН1 «Национальный состав мигрантов за 1998 г.», «Национальный состав мигрантов за 2000 г.»; табл. МА3 «Распределение мигрантов по территориям прибытия, выбытия и национальности за 1990 г.».

Перепись 1970 г. Табл. 7с «Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования»; табл. 31с «Распределение населения по возрасту, состоянию в браке и национальности».

Перепись 1979 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку»; табл. 27в «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту».

Перепись 1989 г. Табл. 9с «Распределение населения по национальности и родному языку»; табл. 10с «Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР»; табл. 29с «Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту»; табл. 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные»; табл. 36в-2 «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям».

Опубликованные

Башкирия за 50 лет [Текст]: стат. сб. Уфа: Статистика, 1982. 222 с.

Башкирия в Союзе ССР [Текст]: стат. сб. Уфа: Статистика, 1972. 251 с.

Берг П. А. Не трудармия, а лагерь [Текст] / П. А. Берг // Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага. Екатеринбург, 2004. С. 145–168.

Вейде Д. Г. Исповедь трудармейца [Текст] / Д. Г. Вейде // Тагилцайтунг. 2000. № 3 (15) – 5 (17). С. 3.

Возраст и состояние в браке населения СССР [Текст]: по данным Всесоюз. переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. 110 с.

Возрастной состав населения Башкирской АССР [Текст]: по данным Всесоюз. переписи населения 1979 г. Уфа: Статистика, 1980. 96 с.

Возрастной состав населения Башкирской АССР [Текст]: (по данным Всесоюз. переписи населения 1989 г.). Уфа: Статистика, 1990. 232 с.

Гольдштейн Г. Страницы нашей жизни [Текст] / Г. Гольдштейн // Менора. 1996. № 11–12. С. 4–7.

Гольдштейн Я. Е. Откровенно говоря [Текст] / Я. Е. Гольдштейн. Челябинск, 1995. 184 с.

Государственная программа «Возрождение и развитие башкирского народа» [Текст]. Уфа: Изд-во Правительства РБ, 1996. 88 с.

Государственная программа «Народы Башкортостана» [Текст]: (концепция). Уфа: Изд-во Правительства РБ, 1999. 159 с.

Государственная программа Республики Башкортостан по решению национальных и межнациональных проблем на современном этапе [Текст]: проект: в 2 ч. Уфа: Изд-во Правительства РБ, 1993. Ч. 1. 164 с.

Демографический статистический ежегодник [Текст]. 1994 / Росстат. М., 1994. 799 с.

Екатеринбург и большие города области по данным микропереписи населения 1994 г. [Текст] / Госкомстат России, Свердл. обл. ком. гос. статистики. Екатеринбург, 1995.

Екатеринбург от переписи к переписи [Текст]: накануне 285-летия: (по итогам переписей населения). Екатеринбург, 2007.

История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) [Текст]. М.: МИГУП, 1993. 448 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. [Текст]: в 14 т. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Статистика России, 1994. 946 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР [Текст]. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. [Текст]: в 7 т. Т. 4: РСФСР. М.: Статистика, 1973. 648 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. [Текст]: в 10 т. Т. 4: РСФСР. М.: Статистика, 1989. 479 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст]: в 16 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 13. 509 с.

Краткая социально-демографическая характеристика населения по 44 городам и 30 районам Свердловской области [Текст] / Свердл. обл. упр. статистики. Свердловск, [1989]. 179 с.

Материалы XXII съезда КПСС [Текст]. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.

Материалы XXVI съезда КПСС [Текст]. М.: Политиздат, 1981. 224 с.

Материалы XXVII съезда КПСС [Текст]. М.: Политиздат, 1986. 352 с.

Народное образование в РСФСР [Текст] / под ред. М. П. Кашина, Е. М. Чехарина. М.: Просвещение, 1970. 375 с.

Народное образование и культура в СССР [Текст]: стат. сб. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1989. 432 с.

Народное хозяйство Удмуртской АССР за 60 лет [Текст]: стат. сб. / Госкомстат РСФСР, Удм. респ. упр. статистики. Ижевск: Удмуртия, 1980. 144 с.

Народное хозяйство Удмуртской АССР за 70 лет [Текст]: стат. сб. / Госкомстат РСФСР, Удм. респ. упр. статистики. Ижевск: Удмуртия, 1991. 160 с.

Население Башкирии по результатам переписи населения 1989 г. [Текст] / Госкомстат РСФСР, Башк. респ. упр. статистики. Уфа, 1990. 70 с.

Население Башкирской АССР [Текст]: по данным Всесоюз. переписи населения 1959 г. Уфа, 1960. 186 с.

Население Башкирской АССР [Текст]: по данным Всесоюз. переписи населения 1970 г. Уфа, 1971. 137 с.

Население городов Каменск-Уральского, Нижнего Тагила, Первоуральска и Серова по данным переписи населения [Текст] / Госкомстат России, Свердл. обл. упр. статистики. Екатеринбург, 1992. 46 с.

Население нашей области [Текст]: о возраст. структуре, уровне образования, нац. составе, языках и источниках средств существования населения Свердлов. обл. по данным Всесоюз. переписи населения на 15 янв. 1970 г. // Урал. рабочий. 1971. 13 мая.

Национальный состав населения [Текст] // Свердловская область в цифрах. 1976–1980. Свердловск, 1981. С. 6.

Национальный состав населения (наиболее многочисленные национальности, по данным переписей) [Текст] // Свердловская область в цифрах. 1986–1990. Свердловск, 1991. С. 17.

Национальный состав населения (по переписи на 17 января 1979 г.) [Текст] // Свердловская область в цифрах. 1981–1985. Свердловск, 1987. С. 6.

Национальный состав населения Башкирской АССР [Текст]: по данным Всесоюз. переписи населения 1979 г. Уфа, 1981. 190 с.

Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюз. переписи населения 1989 г. [Текст]. Уфа, 1990. 105 с.

Национальный состав населения области. Владение языками [Текст] / Госкомстат России, Свердл. обл. ком. гос. статистики; отв. за вып. К. Б. Барзгов. Екатеринбург, 1995. 63 с.

Национальный состав населения Свердловской области [Текст]: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г. / Госкомстат России, Свердл. обл. упр. статистики. Екатеринбург, 1994. 172 с.

Национальный состав населения Свердловской области [Текст]: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г. / Госкомстат России, Свердл. обл. упр. статистики. Екатеринбург, 1992. 171 с.

Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. [Текст]. М.: Финансы и статистика, 1991. 160 с.

Национальный состав населенных пунктов по переписям XVIII–XIX веков [Текст] / исполком Всемир. курултая башкир; отв. ред. К. А. Аралбаев. Уфа: Принт, 2002. 56 с.

Некоторые демографические показатели населения Башкирской АССР [Текст]: по данным Всесоюз. переписи населения 1989 г. Уфа, 1990. 373 с.

Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения. РСФСР [Текст]: по данным Всесоюз. переписи населения 1989 г.: в 2 т. / Госкомстат РСФСР. М.: Респ. информ.-изд. центр, 1991. Т. 1. 240 с.; Т. 2. 365 с.

О возрастной структуре, уровне образования, национальном составе, языке и источниках средств существования населения г. Свердловска по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. [Текст]: [сообщ. Стат. упр. Свердл. обл.] // Веч. Свердловск. 1971. 13 мая.

О национальном составе и языках населения Свердловской области [Текст]: итоги Всесоюз. переписи населения 1989 г. / Госкомстат РСФСР. Свердловск, [1990]. 26 с.

О свободном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР [Текст]: Закон СССР от 26 апр. 1990 г. № 1459–I // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 331.

О языках народов СССР [Текст]: Закон СССР от 24 апр. 1990 г. № 1450–I // Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 327.

Об образовании союзно-республиканской государственной комиссии по национальным вопросам [Текст]: Закон СССР от 27 марта 1990 г. № 1392–I // Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. 1990. № 14. Ст. 237.

Об усилении ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР [Текст]: Закон СССР от 2 апр. 1990 г. № 1403–I // Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. 1990. № 15. Ст. 247.

Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. на территории Башкирской АССР [Текст] / Госкомстат СССР, Ком. гос. статистики Башк. АССР. Уфа, 1980. 113 с.

Основные итоги микропереписи населения 1994 г. [Текст] / отв. за вып. К. Б. Баразгов. Екатеринбург, 1995. 47 с.

Распределение населения Удмуртской АССР по национальности [Текст]: (данные Всесоюз. переписи населения 1989 г.) / Удм. респ. упр. статистики. Ижевск, 1990. 141 с.

Рунг В. Э. Воспоминания о былом [Текст] / В. Э. Рунг // Строитель. 1991. № 10. С. 23–36.

Свердловчане глазами статистиков [Текст]: о возраст. структуре, уровне образования, нац. составе, языках и источниках средств существования населения г. Свердловска по данным Всесоюз. переписи населения на 15 янв. 1970 г. // Веч. Свердловск. 1971. 18 мая.

Сельское население Башкирской АССР по отдельным национальностям [Текст]: (по данным Всесоюз. переписи населения 1979 г.) / Ком. гос. статистики Башк. АССР. Уфа, 1980. 211 с.

Состав населения Башкирской АССР по отдельным национальностям [Текст]: (по данным всесоюз. переписей населения 1970–1979 гг.) / Ком. гос. статистики Башк. АССР. Уфа, 1980. 178 с.

Третья сессия Верховного Совета СССР [Текст]: стеногр. отчет: в 19 ч. Ч. 7 / Верхов. Совет СССР. М., 1990. 302 с.

Число и состав семей Башкирской АССР [Текст]: (по данным Всесоюз. переписи населения 1989 г.). Уфа, 1990. 75 с.

Языковая политика в Республике Башкортостан в 1920–1930-е годы [Текст]: сб. документов и материалов / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, Центр по изучению межнац. отношений; отв. ред. М. Н. Губогло. М., 2001. 305 с.

Научная литература

Абдулатипов Р. Г. Конституция СССР и национальные отношения на современном этапе [Текст] / Р. Г. Абдулатипов, Т. Ю. Бурмистрова. М.: Мысль, 1978. 136 с.

Абдулатипов Р. Г. Перестройка и межнациональные отношения [Текст] / Р. Г. Абдулатипов // Вопр. истории КПСС. 1989. № 2. С. 33–44.

Абдулатипов Р. Г. Федерализм в истории России [Текст] / Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Яров. М.: Республика, 1992. 383 с.

Авдеев А. А. Браки и разводы в России [Текст] / А. А. Авдеев // Народонаселение. 1998. № 2. С. 3–13.

Аверин А. Н. Проблемы малочисленных народов Севера [Текст] / А. Н. Аверин // Социол. исслед. 1990. № 5. С. 105–107.

Авксентьев А. В. Этносоциальные проблемы России [Текст] / А. В. Авксентьев, В. А. Шаповалов. Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. 86 с.

Аврорин В. А. Языковая ситуация как предмет социальной лингвистики [Текст] / В. А. Аврорин // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1973. № 11, вып. 3. С. 126–131.

Агаев А. Г. Нация, ее сущность и самосознание [Текст] / А. Г. Агаев // Вопр. истории. 1967. № 7. С. 25–37.

Агафонова Н. Н. Этноконфессиональная ситуация в современном социокультурном пространстве Прикамья [Текст] / Н. Н. Агафонова // Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Административно-территориальные реформы в России». Пермь, 2006. С. 150–153.

Айталиев А. А. Сущность и социальные проблемы преодоления проявления национализма в современных условиях [Текст] / А. А. Айталиев // Филос. науки. 1988. № 9. С. 10–17.

Акопян А. Л. Некоторые данные о состоянии института брака в современной России [Текст] / А. Л. Акопян // Вопр. статистики. 1997. № 12. С. 35–37.

Алексахина Н. А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России [Текст] / Н. А. Алексахина // Социол. исслед. 1998. № 2. С. 49–54.

Алексахина Н. А. Факторы изменения национальной идентичности [Текст]: дис. ... канд. экон. наук / Н. А. Алексахина. М., 1996. 150 с.

Алексахина Н. А. Этническая реидентификация и лингвистическая русификация: бывший Советский Союз и Российская Федерация [Текст] / Н. А. Алексахина // Социальная трансформация российского общества. М., 1995. С. 48–59.

Алексахина Н. А. Этнически смешанные браки в РФ [Текст] / Н. А. Алексахина // Этнополит. вестн. 1995. № 3. С. 32–46.

Амелин В. В. Межкультурные взаимодействия в условиях полиэтнической области [Текст]: (пример русских и татар в Оренбуржье) / В. В. Амелин // Этнопанорама. 1999. № 1. С. 28–34.

Амелин В. В. Этноконфессиональные отношения в оценках и представлениях массового сознания оренбуржцев [Текст] / В. В. Амелин // Журн. социологии и соц. антропологии. 2002. Т. 5, № 4. С. 59–84.

Амелин В. В. Этноконфессиональные отношения в приграничье Оренбуржья (социологический аспект) [Текст] / В. В. Амелин, В. Н. Рагузин // Этнопанорама. 2001. № 2. С. 56–62.

Амелин В. В. Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Оренбуржье [Текст] / В. В. Амелин. Оренбург, 1999. 230 с.

Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ [Текст]: ежегодник, 1994. М.: Наука, 1994. 202 с.

Андреев Е. М. Социально-культурные различия смертности в России [Текст] / Е. М. Андреев, В. М. Добровольская // Здравоохранение Рос. Федерации. 1993. № 12. С. 18–21.

Андреев Е. М. Этническая дифференциация смертности [Текст] / Е. М. Андреев, В. М. Добровольская, К. Ю. Шабуров // Социс. 1992. № 7. С. 43–49.

Антонов А. И. Демографическое будущее России: депопуляция навсегда? [Текст] / А. И. Антонов // Социол. исслед. 1993. № 3. С. 80–87.

Антонов А. И. Социология рождаемости [Текст]: (теорет. и методол. пробл.) / А. И. Антонов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 271 с.

Аринин А. Н. Особенности современных национальных процессов в Башкирской АССР [Текст] / А. Н. Аринин, В. В. Болтушкин. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. 22 с.

Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность [Текст] / С. А. Арутюнов // Этногр. обозрение. 1995. № 5.

Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание [Текст] / Ю. В. Арутюнян // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 42–50.

Арутюнян Ю. В. Этносоциология [Текст]: учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.

Архангельский В. Н. О некоторых подходах к поиску путей достижения среднедетности [Текст] / В. Н. Архангельский // Проблемы демографического развития СССР. М., 1988. С. 52–71.

Ахмадеев А. А. К вопросу о национальной структуре малого города в Башкирской АССР [Текст] / А. А. Ахмадеев, Р. Н. Кутушев // Социально-территориальные различия в советском обществе и их преодоление. М., 1984. С. 16–18.

Аюпова Л. Л. Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии [Текст] / Л. Л. Аюпова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 324 с.

Бабенко В. Я. Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР (конец XIX–XX вв.) [Текст] / В. Я. Бабенко // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С. 13–14.

Бабенко В. Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии (конец XIX–XX вв.) [Текст] / В. Я. Бабенко // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 137–143.

Баграмов Э. А. Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания [Текст] / Э. А. Баграмов. М.: Наука, 1988. 287 с.

Баграмов Э. А. Национальный вопрос в борьбе идей [Текст] / Э. А. Баграмов. М.: Политиздат, 1982. 336 с.

Баграмов Э. А. Национальный вопрос и буржуазная идеология [Текст]: критика новейших полит.-социол. концепций / Э. А. Баграмов. М.: Мысль, 1966. 327 с.

Бакланов В. И. Национальные движения в СССР (1953–1985) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / В. И. Бакланов. М., 1999. 273 с.

Барсенков А. В. Русский народ в межнациональных отношениях (к преодолению стереотипов) [Текст] / А. В. Барсенков // Вестн. Моск. гос. ун-та. 1991. № 5. С. 75–80.

Барсов Н. Н. Грамотность населения БАССР [Текст] / Н. Н. Барсов // Хоз-во Башкирии. 1929. № 1 (10). С. 144–154.

Барсов Н. Н. К истории переписей населения в Башкирской АССР [Текст] / Н. Н. Барсов // Зап. Башк. фил. Геогр. о-ва Союза ССР. 1960. Вып. 2. С. 107–119.

Барсов Н. Н. Национальный состав населения БАССР (по районам проживания главных народностей) [Текст] / Н. Н. Барсов // Хоз-во Башкирии. 1928. № 8–9. С. 102–136.

Баталина Т. С. Некоторые аспекты статистического изучения динамики состава населения по данным переписей [Текст]: дис. ... канд. экон. наук / Т. С. Баталина. Л., 1965. 224 с.

Бахарева О. Я. Динамика населения немцев Оренбуржья (прошлое и настоящее) [Текст]: / О. Я. Бахарева // 11-я Международная конференция «Интеркультурные коммуникации»: тез. докл. Оренбург, 1996. С. 10–11.

Бахнян К. К. Языковая политика в СССР и критика ее буржуазных фальсификаторов [Текст] / К. К. Бахнян. М.: ИНИОН, 1985. 60 с.

Башкирова Г. А. Анализ смертности населения трудоспособного возраста Удмуртской Республики в современный период [Текст] / Г. А. Башкирова // Медико-социальные аспекты здоровья и воспроизводства населения России в 1990-е годы: материалы науч. конф.: в 2 ч. М., 1999. Ч. 2. С. 51–68.

Башкиры в Оренбуржье: история и современность [Текст]: (к 150-летию Караван-Сарая): тез. докл. науч.-практ. конф. Уфа; Оренбург, 1996. 99 с.

Башкиры и Башкортостан. XX век [Текст]: этностатистика / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 1995. 104 с.

Башкортостан: выбор пути [Текст] / сост. М. А. Кутлугаллямов. Уфа: Китап, 1995. 176 с.

Башкортостан и башкиры в зеркале статистики [Текст]. Уфа: ИИЯЛ, 1995. 183 с.

Бедный М. С. Демографические процессы и прогнозы здоровья населения [Текст] / М. С. Бедный. М.: Статистика, 1972. 304 с.

Бедный М. С. Демографические факторы здоровья [Текст] / М. С. Бедный. М.: Финансы и статистика, 1984. 246 с.

Бедный М. С. Медико-демографическое изучение народонаселения [Текст] / М. С. Бедный. М.: Статистика, 1979. 223 с.

Безбородова Е. В. Численность и национальный состав населения Свердловска [Текст]: (по материалам Всесоюз. переписи населения СССР 1939 г.) / Е. В. Безбородова // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: в 2 ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 135–136.

Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР [Текст] / Г. П. Белорукова // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): сб. ст. Устинов, 1986. С. 109–123.

Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в удмуртской деревне в 1970-е годы [Текст] / Г. П. Белорукова // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья: сб. ст. Йошкар-Ола, 1990. С. 312–315.

Белорукова Г. П. Социально-классовые группы сельского населения Удмуртской АССР (материалы к изучению образа жизни) [Текст] / Г. П. Белорукова // Вопросы этносоциологического изучения сельского населения: сб. ст. Ижевск, 1983. С. 41–56.

Белорукова Г. П. Социально-профессиональный и этнический состав городского населения Удмуртской АССР [Текст] / Г. П. Белорукова // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): сб. ст. Устинов, 1986. С. 29–46.

Белорукова Г. П. Социальные перемещения в национальных группах сельского населения Удмуртской АССР (внутрипоколенные) [Текст] / Г. П. Белорукова // Статистико-этнографические исследования в Удмуртии: материалы к изучению образа жизни сельского населения: сб. ст. Устинов, 1985. С. 19–38.

Белорукова Г. П. Социальные перемещения в национальных группах сельского населения Удмуртской АССР (межпоколенные) [Текст] / Г. П. Белорукова // Социально-этнические аспекты развития современного села. Ижевск, 1984. С. 57–78.

Белорукова Г. П. Социальные перемещения сельского населения Удмуртской АССР [Текст] / Г. П. Белорукова // Вопросы социально-экономического и демографического развития сельской местности Удмуртской АССР: сб. ст. Ижевск, 1983. С. 84–108.

Белорукова Г. П. Этнические ориентации учащихся-удмуртов средней и высшей школы (динамика изменений за 1989–1997 гг.) [Текст] / Г. П. Белорукова // Финно-угроведение. 1999. № 1. С. 135–137.

Белорукова Г. П. Языковая ситуация в молодом поколении Удмуртии [Текст]: этносоциол. аспект / Г. П. Белорукова // Раннее языковое образование: состояние и перспективы. Ижевск, 2001. С. 21–25.

Бернштам М. Сколько жить русскому народу? [Текст] / М. Бернштам // Москва. 1990. № 5. С. 134–154.

Бжилянский Ю. А. Проблемы народонаселения при социализме: политико-экономический анализ [Текст] / Ю. А. Бжилянский. М.: Мысль, 1974. 214 с.

Бикбулатов Н. В. Вопросы взаимодействия и взаимного сотрудничества народов Башкирии в советскую эпоху [Текст] / Н. В. Бикбулатов // Современные этнические процессы в Башкирской АССР. Уфа, 1992. С. 35–52.

Бикбулатов Н. В. Об особенностях этнических процессов в Башкирии [Текст] / Н. В. Бикбулатов // Сов. Башкирия. 1979. 16 янв.

Бикбулатов Н. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирии [Текст] / Н. В. Бикбулатов // Социально-политические и эт-

нодемографические процессы на Южном Урале XVII–XX вв. Уфа, 1992. С. 36–62.

Бикбулатов Н. В. Урбанизация населения Башкирии [Текст] / Н. В. Бикбулатов // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. Уфа, 1992. С. 17–36.

Бикбулатов Н. В. Этнические процессы и вопрос о национальном самосознании [Текст] / Н. В. Бикбулатов // Сов. Башкирия. 1970. 10 янв.

Бирюков В. А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР [Текст] / В. А. Бирюков // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. С. 135–150.

Блинкена А. Я. Латыши в Башкирской АССР [Текст] / А. Я. Блинкена // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 90–94.

Болдырев В. А. Итоги переписи населения СССР [Текст] / В. А. Болдырев. М.: Статистика, 1974. 83 с.

Болтенкова Л. Ф. Интернационализм в действии [Текст] / Л. Ф. Болтенкова. М.: Мысль, 1988. 221 с.

Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет [Текст] / Г. А. Бондарская // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 58–70.

Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР [Текст] / Г. А. Бондарская. М.: Статистика, 1977. 127 с.

Бондарская Г. А. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР [Текст] / Г. А. Бондарская, И. П. Ильина // Демографическое развитие семьи: сб. ст. М., 1979.

Борзунова Т. И. Республики России: этническая миграция и ее последствия [Текст] / Т. И. Борзунова, Л. В. Макарова, Г. Ф. Морозова / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М., 1997. 29 с.

Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека [Текст] / Е. П. Борисенков. М.: Наука, 1982. 133 с.

Борисов В. А. Демография [Текст]: учеб. для вузов / В. А. Борисов. М.: Изд. дом «NOTA BENE», 1999. 272 с.

Борисов В. А. Перспективы рождаемости [Текст] / В. А. Борисов. М.: Наука, 1976. 254 с.

Борисов В. А. Рождаемость или смертность – что лечить сначала? [Текст] / В. А. Борисов // Рос. демогр. журн. 1996. № 1. С. 23–38.

Борисова О. В. Политическая социализация этнических групп в постколониальном пространстве [Текст] / О. В. Борисова // Обществ. науки и современность. 1998. № 1. С. 71–80.

Боярский А. Я. Население и методы его изучения [Текст] / А. Я. Боярский. М.: Статистика, 1975. 264 с.

Боярский А. Я. Основы демографии [Текст]: учеб. пособие для экон. спец. вузов / А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. Я. Кваша. М.: Статистика, 1980. 295 с.

Брехач Р. А. Современная миграционная ситуация в Прикамье: этносоциальный аспект [Текст] / Р. А. Брехач // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России». Пермь, 2006. С. 153–155.

Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов [Текст] / Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1988. 207 с.

Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР [Текст] / Ю. В. Бромлей. М.: Знание, 1987. 64 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1983. 412 с.

Бромлей Ю. В. Процессы этнического развития и этнического прогнозирования [Текст] / Ю. В. Бромлей, П. И. Пучков // Природа. 1986. № 2. С. 28–35.

Бромлей Ю. В. Совершенствование национальных отношений в СССР [Текст] / Ю. В. Бромлей // Коммунист. 1986. № 8. С. 11–17.

Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия [Текст] / Ю. В. Бромлей // Сов. этнография. 1969. № 6. С. 84–91.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография [Текст] / Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1973. 283 с.

Бруй Б. П. О современном состоянии и прогнозе смертности населения Российской Федерации [Текст] / Б. П. Бруй, И. К. Збарская, А. Г. Волков // Вопр. статистики. 1997. № 3. С. 54–59.

Бруй К. Некоторые особенности демографической обстановки в СССР [Текст] / К. Бруй, Е. Михайлов // Вестн. статистики. 1991. № 7. С. 17–24.

Брук С. И. Вопросы о национальности и языке в предстоящей переписи населения [Текст] / С. И. Брук, В. И. Козлов // Вестн. статистики. 1968. № 3. С. 12–21.

Брук С. И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93.

Брук С. И. Миграционные процессы в России и в СССР [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан / Ин-т науч. инф. по обществ. наукам. М., 1991. 320 с.

Брук С. И. Миграция населения России в XVIII – начале XX в. (численность, структура, география) [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан // История СССР. 1984. № 4. С. 41–59.

Брук С. И. Население мира [Текст]: этнодемогр. справ. / С. И. Брук. 2-е изд. М., 1986. 628 с.

Брук С. И. Национальность и язык в переписи населения 1970 г. [Текст] / С. И. Брук // Вестн. статистики. 1972. № 5. С. 42–54.

Брук С. И. О предметах и задачах этногеографии [Текст] / С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин // Сов. этнография. 1963. № 1. С. 35–47.

Брук С. И. Основные проблемы этнической географии (методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования) [Текст] / С. И. Брук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 396 с.

Брук С. И. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе [Текст] / С. И. Брук, М. Н. Губогло // История СССР. 1974. № 4. С. 26–45.

Брук С. И. Русские в мире [Текст]: динамика численности и расселения (1719–1989 гг.) / С. И. Брук, В. М. Кабузан. СПб.: Информ. центр «Блиц», 1996. 347 с.

Брук С. И. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан // Сов. этнография. 1980. № 6. С. 18–34.

Брук С. И. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (возрастная и половая структура населения, миграционные процессы, урбанизация) [Текст] / С. И. Брук // Сов. этнография. 1976. № 2. С. 15–31.

Брук С. И. Этнодемографические проблемы в СССР (по материалам переписи 1970 г.) [Текст] / С. И. Брук // Сов. этнография. 1971. № 4. С. 8–30.

Брук С. И. Этнодемографические процессы в СССР (по материалам послевоенных переписей населения) [Текст] / С. И. Брук // История СССР. 1980. № 5. С. 24–47.

Брутян Л. А. Критика антикоммунизма по проблемам межнациональных отношений в СССР [Текст] / Л. А. Брутян // Актуальные проблемы современной идеологической борьбы. М., 1982. С. 86–95.

Бугай Н. Ф. Больше внимания неизученным аспектам национальных отношений [Текст]: национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность: материалы круглого стола / Н. Ф. Бугай // Вопр. истории. 1989. № 6. С. 137–138.

Бугай Н. Ф. «Настоящим докладываем, на основе указаний депортируются...» [Текст]: о переселении народов в Башкирию в 40–50-е гг. / Н. Ф. Бугай // Страницы истории Башкирской Республики: новые факты, взгляды, оценки. Уфа, 1991. С. 69–77.

Бурмистрова Т. Ю. Дружбой сплоченные: культура межнационального общения в СССР [Текст] / Т. Ю. Бурмистрова. М.: Мысль, 1986. 252 с.

Бурмистрова Т. Ю. Национальная политика КПСС [Текст]: очерк историографии / Т. Ю. Бурмистрова. М.: Наука, 1981. 256 с.

В союзе братских народов [Текст]. Ижевск: Удмуртия, 1972. 212 с.

Валеев Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение [Текст] / Д. Ж. Валеев. Уфа, 1994. 160 с.

Валентей Д. И. Изучение народонаселения: вопросы методологии [Текст] / Д. И. Валентей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 154 с.

Валентей Д. И. Основы демографии [Текст]: учеб. для экон. спец. вузов / Д. И. Валентей, А. Я. Кваша. М.: Мысль, 1989. 284 с.

Валентей Д. И. Проблемы народонаселения [Текст] / Д. И. Валентей. М.: Высш. шк., 1961. 160 с.

Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество [Текст]: история, современность, взгляд в будущее / А. Г. Вишневский. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.

Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия [Текст] / А. Г. Вишневский // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 5–21.

Вишневский А. Г. Демографический потенциал России [Текст] / А. Г. Вишневский // Вопр. экономики. 1998. № 5. С. 103–122.

Вишневский А. Г. Демографическое положение России [Текст] / А. Г. Вишневский // Пробл. прогнозирования. 1995. № 1. С. 84–103.

Вишневский А. Г. Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия [Текст] / А. Г. Вишневский, В. М. Школьников. М., 1997. 84 с.

Власова И. В. Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.) [Текст] / И. В. Власова / Координац.-метод. центр «Народы и культуры». М., 1999. 188 с.

Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка [Текст] / отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М.: Наука, 1988. 200 с.

Водарский А. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.) [Текст] / А. Е. Водарский. М.: Просвещение, 1973. 158 с.

Волков А. Г. Демографическая ситуация в России и проблемы репродуктивного здоровья [Текст] / А. Г. Волков // Планирование семьи. 1999. № 4. С. 20–24.

Волков А. Г. Население России на пороге XXI в. [Текст] / А. Г. Волков // О-во и экономика. 1998. № 8–9. С. 31–44.

Волков А. Г. Семейная структура населения России: факторы и тенденции [Текст] / А. Г. Волков // Рос. демогр. журн. 1996. № 1. С. 39–54.

Волков А. Г. Эволюция российской семьи в XX веке [Текст] / А. Г. Волков // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 47–57.

Волков А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав [Текст] / А. Г. Волков // Вестн. статистики. 1989. № 7. С. 12–22; № 8. С. 8–24.

Вопросы этнографии городского населения Башкортостана [Текст]. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 158 с.

Воробьев Н. И. Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии [Текст] / Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов, Г. В. Юсупов // Сов. этнография. 1962. № 6. С. 124–130.

Воробьев Н. И. Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья [Текст] / Н. И. Воробьев // Итоговая научная сессия Казанского института языка и литературы АН СССР за 1963 г. Казань. 1964. С. 44–48.

Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Госкомиздат, 1957. 107 с.

Воронович Б. А. Многонациональное Оренбуржье в зеркале социологии [Текст] / Б. А. Воронович, В. П. Торукало // Жизнь национальностей Оренбуржья: информ. вестн. 1996. № 3. С. 31–35.

Воронцов В. С. Определение своей этнической принадлежности подростками в национально-смешанных семьях [Текст] / В. С. Воронцов // Вестн. Удмурт. ун-та. 1997. № 8. С. 113–133.

Воронцов В. С. Проблемы национального самоопределения подростков из этнически смешанных семей в Удмуртии [Текст] / В. С. Воронцов // Финно-угроведение. 1999. Вып. 1. С. 140–143.

Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР [Текст]. М.: Наука, 1987. 224 с.

Воспроизводство населения СССР [Текст]. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.

Габдрафиков И. М. Республика Башкортостан [Текст]: модель этнол. мониторинга / И. М. Габдрафиков. М.: Китап, 1998. 124 с.

Габдрафиков И. М. Хозяйственная жизнь и социально-культурные ориентации современной сельской семьи (на примере татар северо-западного Башкортостана) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / И. М. Габдрафиков. Уфа, 1995. 225 с.

Гаврилов Л. А. Может ли человек жить дольше? [Текст] / Л. А. Гаврилов. М.: Мысль, 1985. 124 с.

Галилов С. С. Ленинская программа решения национального вопроса [Текст]: [теория вопр. и практика его решения в СССР] / С. А. Галилов. М.: Прогресс, 1986. 226 с.

Галин Р. А. Воспроизводство населения Башкирии: динамика и особенности [Текст] / Р. А. Галин, Л. Л. Галина. Уфа, 1988. 19 с. [препр.].

Галин Р. А. Миграция населения республики Башкортостан: динамика и особенности [Текст] / Р. А. Галин, Л. Л. Галина. Уфа, 1994. 87 с.

Галин Р. А. Население Республики Башкортостан: динамика и особенности формирования [Текст]: препр. докл. / Р. А. Галин, Л. Л. Галина. Уфа: БАГСУ, 1996. 72 с.

Галин Р. А. Население Республики Башкортостан: тенденции и особенности развития на пороге нового тысячелетия [Текст] / Р. А. Галин. Уфа: БАГСУ, 1998. 204 с.

Галиуллин К. Сколько нас, какие мы? [Текст]: демогр. ситуация / К. Галиуллин, Р. Галин // Сов. Башкирия. 1990. 4 апр.

Галлямов Р. Р. Многонациональный город [Текст]: этносоциол. очерки / Р. Р. Галлямов. Уфа: Гилем, 1996. 199 с.

Ганцкая О. А. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков [Текст] / О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебец // Сов. этнография. 1966. № 3. С. 109–118.

Гарипов Т. М. Этнодемографическая и языковая характеристика современной Башкирии [Текст] / Т. М. Гарипов // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987. С. 12–23.

Гарипов Т. М. Языковая жизнь в исторической и современной Башкирии [Текст] / Т. М. Гарипов // Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972. С. 21–25.

Гарипов Я. З. Первая Всесоюзная школа-семинар по этносоциолингвистическим проблемам [Текст] / Я. З. Гарипов, А. А. Сусоколов // Сов. этнография. 1979. № 1. С. 17–21.

Гарифьянов К. Еще не поздно поправить ошибки [Текст] / К. Гарифьянов // Сов. Башкирия. 1990. 31 марта.

Гасанова Н. М. К проблеме этнопсихологической адаптации [Текст] / Н. М. Гасанова // Социол. исслед. 1995. № 11. С. 63–66.

Гафуров А. М. Формирование этнической, конфессиональной и гражданской идентичности национальностей Башкортостана в 1990-е гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / А. М. Гафуров. М., 2000. 181 с.

География населения и населенных пунктов СССР [Текст]. Л.: Наука, 1967. 294 с.

Гозулов А. И. Народонаселение СССР [Текст]: (стат. изучение численности, состава и размещения) / А. И. Гозулов, М. Г. Григорьянц. М.: Статистика, 1969. 171 с.

Гозулов А. И. Экономическая статистика [Текст] / А. И. Гозулов. М.: Финансы, 1965. 520 с.

Горовский Ф. Я. Национальный вопрос и социалистическая практика [Текст]: опыт ист.-теорет. анализа / Ф. Я. Горовский, Ю. И. Рима-ренко. Киев: Выща шк., 1991. 253 с.

Городские башкиры: проблемы языка и культуры, здоровья и демографии [Текст]: материалы III межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня рождения С. Юлаева, Стерлитамак, 23 апр. 2004 г. / Рос. акад. наук, Урал. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит.; под общ. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Гилем, 2004. 276 с.

Грошев И. И. Критика буржуазных фальсификаций национальной политики КПСС [Текст] / И. И. Грошев, О. И. Чеченкина. М.: Мысль, 1974. 238 с.

Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР [Текст]: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия / М. Н. Губогло. М., 1984. 230 с.

Губогло М. Н. Этнодемографическая и языковая ситуация в столицах союзных республик СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [Текст] / М. Н. Губогло // Отеч. история. 1993. № 1. С. 53–65.

Губогло М. Н. Этнолингвистические контакты и двуязычие [Текст] / М. Н. Губогло // Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. С. 230–272.

Гузанова Л. К. Проблема миграции сельского населения в этнически неоднородном районе [Текст] / Л. К. Гузанова // Социол. исслед. 1991. № 10. С. 94–98.

Гузенкова Т. С. Межэтнические контакты (удмуртско-чувашские параллели) [Текст] / Т. С. Гузенкова // Вопросы этносоциологического изучения сельского населения: сб. ст. Ижевск, 1983. С. 64–71.

Гузенкова Т. С. Этнокультурные ценности и ориентации в республиках РФ: сходство и различия [Текст] / Т. С. Гузенкова, А. Д. Коростелев // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С. 171–192.

Давлетшина З. М. Татарское население Башкортостана (этнодемографическое исследование) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / З. М. Давлетшина. Уфа, 1998. 196 с.

Дарский Л. Воспроизводство населения отдельных национальностей в СССР [Текст] / Л. Дарский, Е. Андреев // Вестн. статистики. 1991. № 6. С. 3–10.

Дашдамиров А. Ф. Советский народ и диалектика национального развития [Текст] / А. Ф. Дашдамиров. Баку: Коммунист, 1972. 287 с.

Демаков Г. В. Влияние миграции населения на классовую структуру общества [Текст] / Г. В. Демаков. Алма-Ата: Наука, 1971.

Демографическая ситуация в СССР [Текст]: сб. ст. / гл. ред. Д. И. Валентей. М.: Статистика, 1976. 118 с.

Демографические проблемы семьи [Текст] / науч. ред. Н. М. Римащевская. М.: Наука, 1978. 208 с.

Демографические процессы в СССР [Текст]: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. 212 с.

Демографический анализ рождаемости [Текст]. М.: Статистика, 1974. 12 с.

Демографический энциклопедический словарь [Текст]. М.: Сов. энцикл., 1985. 607 с.

Демографическое развитие семьи [Текст]: сб. ст. / гл. ред. А. Г. Волков. М.: Статистика, 1979. 191 с.

Демография башкирского народа: прошлое и настоящее [Текст]: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. II Всемир. кул-таю башкир, 23 апр. 2002 г. / Башк. гос. ун-т; редкол.: Н. М. Кулбахтин, Р. З. Янгузин (отв. ред.) [и др.]. Уфа, 2002. 184 с.

Демократизация и образы национализма в РФ 1990-х гг. [Текст] / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Мысль, 1996. 382 с.

Дзюба И. М. И ничего не скрывая [Текст] / И. М. Дзюба // Сов. культура. 1990. 28 июля.

Динамика населения СССР. 1960–1980 гг. [Текст]. М.: Финансы и статистика, 1985. 176 с.

Добровольская В. М. Этническая дифференциация смертности [Текст] / В. М. Добровольская // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М., 1990. С. 150–167.

Дробижев В. З. У истоков демографии [Текст] / В. З. Дробижев. М.: Мысль, 1987. 222 с.

Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР [Текст]: ист.-социол. очерк межнац. отношений / Л. М. Дробижева. М.: Мысль, 1986. 263 с.

Дробижева Л. М. Интеллигенция и национализм [Текст]: опыт постсоветского пространства / Л. М. Дробижева // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 155–180.

Дубинин А. Н. Многонациональное Оренбуржье [Текст] / А. Н. Дубинин, А. В. Федорова. Оренбург, 1993. 123 с.

Дубова Н. А. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области [Текст]: (демогр. и соц.-экон. характеристика) / Н. А. Дубова, О. Д. Комарова, А. Н. Ямсков // Этнические проблемы регионов России. М., 1998. С. 227–293.

Дубова Н. А. Современные этносоциологические проблемы Кизеловского района Пермской области [Текст] / Н. А. Дубова, Н. А. Лопуленко. М., 1995.

Дубова Н. А. Этническая экология: теория и практика [Текст] / Н. А. Дубова, В. И. Козлов, А. К. Ямсков. М.: Наука, 1991. 373 с.

Дьячков М. В. Родной язык и межэтнические отношения [Текст] / М. В. Дьячков // Социол. исслед. 1995. № 11. С. 65–71.

Ежова Н. Н. Материалы для санитарно-демографической характеристики населения Удмуртской АССР [Текст]: дис. ... д-ра мед. наук / Н. Н. Ежова. Ижевск, 1969. 358 с.

Ежова Н. Н. Рождаемость в Удмуртской Республике – ее эволюция и прогноз [Текст] / Н. Н. Ежова, Г. А. Башкирова // Бюл. НИИ соц. гигиены, экономики и упр. здравоохранением им. Н. А. Семашко. 1997. № 2. С. 35–49.

Ермаков С. П. Смертность и ее вклад в сокращение численности населения России [Текст] / С. П. Ермаков // Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода: сб. докл. Всерос. науч. конф.: в 2 ч. М., 1996. Ч. 1. С. 4–25.

Ермаков С. П. Тенденции и особенности структуры смертности населения России в современных условиях [Текст] / С. П. Ермаков // Социол. исслед. 1997. № 7–8. С. 236–252.

Жарников А. Е. Межнациональные проблемы в СССР: причины, поиски решений [Текст] / А. Е. Жарников. М.: Знание, 1990. 64 с.

Жиромская В. Б. Социальная и демографическая структура населения: вопросы комплексного изучения [Текст] / В. Б. Жиромская // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 44–63.

Зайончковская Ж. А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации [Текст] / Ж. А. Зайончковская // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 22–34.

Зайончковская Ж. А. Вынужденные мигранты из СНГ и Балтии [Текст] / Ж. А. Зайончковская // Социол. исслед. 1998. № 6. С. 55–59.

Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение [Текст] / Ж. А. Зайончковская. М.: Наука, 1991. 132 с.

Зайончковская Ж. А. Миграционные связи России после распада СССР [Текст] / Ж. А. Зайончковская // Миграционные процессы после распада СССР: сб. ст. М., 1994. С. 3–46.

Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР [Текст]. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. 153 с.

Захаров С. В. Рождаемость и брачность в России [Текст] / С. В. Захаров, Е. И. Иванова // Социол. исслед. 1997. № 7. С. 70–80.

Захарова О. Д. Геополитические аспекты депопуляции в России [Текст] / О. Д. Захарова, Л. Л. Рыбаковский // Социол. исслед. 1997. № 6. С. 46–53.

Захарова О. Д. Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы [Текст] / О. Д. Захарова // Социол. исслед. 1991. № 4. С. 43–53.

Захарова О. Д. Демографические процессы в РФ и странах нового зарубежья [Текст] / О. Д. Захарова // Социол. исслед. 1997. № 7. С. 60–69.

Захарова О. Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы [Текст] / О. Д. Захарова // Социол. исслед. 1995. № 9. С. 99–109.

Захарова О. Д. Депопуляция в России: история, факты, перспективы [Текст] / О. Д. Захарова // Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия: сб. докл. Междунар. науч. конф. М., 1994. С. 5–19.

Захарова О. Д. Методика статистического анализа смертности и продолжительности жизни [Текст] / О. Д. Захарова. М.: ИСПИ, 1996. 24 с.

Здравомыслов А. Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян [Текст] / А. Г. Здравомыслов // Социол. исслед. 1996. № 12. С. 23–32.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) [Текст] / В. Н. Земсков // Социол. исслед. 1990. № 11. С. 3–17.

Зиякаев Р. Демографический кризис [Текст] / Р. Зиякаев // Сов. Башкирия. 1992. 17 марта.

Зобов Ю. С. Башкиры в составе Оренбургского края [Текст] / Ю. С. Зобов // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 100–115.

Зобов Ю. С. Формирование национального состава населения Оренбургского края // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность [Текст] / Ю. С. Зобов. Оренбург, 1993. С. 53–62.

Зорин В. Ю. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законодательства [Текст] / В. Ю. Зорин, Д. А. Аманжолова, С. В. Кулешов. М., 1999. 520 с.

Иванова А. Е. Здоровье населения: понятийные, методологические и информационные аспекты [Текст] / А. Е. Иванова. М., 1996. 43 с.

Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Республики Саха (Якутия) 1959–1989 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / В. Б. Игнатьева. Якутск, 1993. 193 с.

Идея национальной государственности и проблемы этнической дискриминации в Республике Башкортостан [Текст]. М.: Звенья, 1999. 86 с.

Изучение воспроизводства населения [Текст]. М.: Наука, 1968. 331 с.

Ирназаров Р. И. Равенство этносов Республики Башкортостан [Текст] / Р. И. Ирназаров. Уфа: Гилем, 1997. 167 с.

Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике [Текст]. Уфа, 1923. 145 с.

Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья [Текст]. Уфа, 1976. 40 с. [препр.].

Историография национальных отношений в СССР. 1985–1987 гг. [Текст] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: Н. Ф. Бугай (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1988. 119 с.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века [Текст] / под ред. Х. Ф. Усманова. Уфа: Китап, 1996. 520 с.

Исупов А. А. Национальный состав населения СССР [Текст] / А. А. Исупов. М.: Статистика, 1969. 171 с.

Исхаков Д. М. К вопросу об этнической ситуации на северо-западе Башкирской АССР: современные тенденции [Текст] / Д. М. Исхаков // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР. Устинов, 1985. С. 19–23.

Ишмуратов Н. В. Основные направления этнического возрождения удмуртов [Текст] / Н. В. Ишмуратов, А. А. Разин // Национальная проблема: пути решения. Ижевск, 1997. С. 95–112.

Казьмина О. Е. Основы этнодемографии [Текст]: учеб. пособие / О. Е. Казьмина, П. И. Пучков. М.: Наука, 1994. 253 с.

Карпов Г. Д. О региональном аспекте изучения советского народа как новой исторической общности [Текст] / Г. Д. Карпов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1985. № 3. С. 35–49.

Карсаевская Т. В. Демографическая ситуация в современной России (цивилизационный аспект) [Текст] / Т. В. Карсаевская // Соц.-полит. журн. 1996. № 6. С. 50–64.

Катульский Е. Д. Демографическая ситуация в России накануне XXI в. [Текст] / Е. Д. Катульский, Г. Г. Меликьян, И. А. Злоказов // Социол. исслед. 1997. № 6. С. 37–45.

Кваша А. Я. Воспроизводство населения России и его последствия [Текст] / А. Я. Кваша // Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия. М., 1994. С. 8–17.

Кваша А. Я. Демографический анализ и общество [Текст] / А. Я. Кваша // Вестн. статистики. 1992. № 8. С. 19–23.

Кваша А. Я. Региональная демография России [Текст] / А. Я. Кваша // Федерализм. 1997. № 1. С. 167–180.

Кваша Я. Б. Проблемы демографического оптимума [Текст] / Я. Б. Кваша. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 104 с.

Киекбаев М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность [Текст]: (опыт ист.-этногр. и этносоциол. исслед.) / М. Д. Киекбаев. Уфа: Гилем, 1998. 212 с.

Киекбаев М. Д. К истории формирования этнического состава населения башкирского Зауралья [Текст] / М. Д. Киекбаев // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 78–84.

Киекбаев М. Д. Национальности в городе [Текст]: (к проблеме взаимодействия городской и сельской культур) / М. Д. Киекбаев // Исследования по городской этнографии. Уфа, 1992. С. 4–11.

Киекбаев М. Д. Социально-этническое развитие башкир в современном городе [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / М. Д. Киекбаев. Уфа, 2000. 359 с.

Ким М. П. Советский народ – новая историческая общность [Текст] / М. П. Ким. М.: Политиздат, 1972. 263 с.

Киньябаева Г. А. Влияние военных событий на демографическое развитие этноса (на примере башкир в первой половине XIX века) [Текст] / Г. А. Киньябаева // Урал в прошлом и настоящем: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 161–162.

Киселева Г. П. О чем рассказывают переписи населения [Текст] / Г. П. Киселева, А. Я. Кваша. М.: Финансы и статистика, 1983. 103 с.

Климцев В. С. Не путай беженцев с бродягами [Текст] / В. С. Климцев // Тагил. рабочий. 1994. 29 июня.

Князев Л. Н. Влияние национально-смешанной семьи на национальное самосознание [Текст]: [по результатам социол. опроса в Удмуртии] / Л. Н. Князев // Вестн. Удм. ун-та. 1991. № 1. С. 21–23.

Ковалев С. А. География населения СССР [Текст] / С. А. Ковалев, Н. Я. Ковальская. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 286 с.

Козлов В. И. Вымирание русских: историко-демографический кризис или катастрофа? [Текст] / В. И. Козлов // Вестн. Рос. акад наук. 1995. Т. 63, № 9. С. 771–777.

Козлов В. И. Динамика населения СССР [Текст]: общ. и этнодемогр. обзор / В. И. Козлов // История СССР. 1991. № 5. С. 3–17.

Козлов В. И. Динамика численности народов [Текст]: методология исследования и основные факторы / В. И. Козлов. М.: Наука, 1969. 407 с.

Козлов В. И. Национальности СССР [Текст]: этнодемогр. обзор / В. И. Козлов. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.

Козлов В. И. Этническая демография [Текст] / В. И. Козлов. М.: Статистика, 1977. 240 с.

Козлов В. И. Этнос. Нация. Национализм [Текст]: сущность и проблематика / В. И. Козлов. М., 1999. 340 с.

Комарова Г. А. Этнические установки при выборе брачного партнера [Текст]: по материалам службы брачных объявлений в Уфе и Чебоксарах / Г. А. Комарова // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 80–90.

Комарова О. Д. Население России сквозь призму этнических процессов [Текст] / О. Д. Комарова // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 71–80.

Конференция в г. Серпухове: 12–14 января 1972 г. Задачи исследования актуальных проблем развития национальных отношений в свете решений XXIV съезда КПСС [Текст] // Вопр. истории КПСС. 1972. № 5. С. 147–149.

Коньшин Ю. Единой семьей [Текст]: о многонац. составе населения Нижнесергин. р-на / Ю. Коньшин // Урал. рабочий. 1977. 1 мая.

Корель Л. В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации [Текст] / Л. В. Корель. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 192 с.

Корешкин А. И. Проблемы приостановки депопуляции русского этноса [Текст] / А. И. Корешкин // Жизнь национальностей. 1998. № 1–2. С. 59–61.

Корнев И. Н. Население Свердловской области [Текст]: пособие для учителей / И. Н. Корнев. Екатеринбург, 1992. 64 с.

Корнилов Г. Е. Русские в этнодемографической структуре Урала (XX век) [Текст] / Г. Е. Корнилов // Русские старожилы: материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 247–248.

Коростелев А. Д. Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана [Текст]: (к проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности) / А. Д. Коростелев // Конфликтная этничность и этническая конфликтность. М., 1994. С. 67–92.

Косач Г. Г. Российский регион в постсоветское время [Текст]: тюрко-мусульман. меньшинства Оренбург. обл. / Г. Г. Косач // Вестн. Евразии = Acta Euragica. 1999. № 1–2. С. 169–193.

Костаков В. Миграция: беда или благо? [Текст] / В. Костаков // Экономист. 2000. № 2. С. 34–39.

Котов В. И. Этнодемографическая ситуация в РСФСР в 1960–1980-е гг. [Текст] / В. И. Котов // Отеч. история. 1992. № 5. С. 32–42.

Критика фальсификаций национальных отношений в СССР [Текст] / под ред. М. И. Куличенко [и др.]. М.: Политиздат, 1984. 486 с.

Крухмалев А. Е. Демографический кризис: механизмы преодоления [Текст] / А. Е. Крухмалев // Социол. исслед. 2001. № 6. С. 142–145.

Крылова А. С. Модель этнологического мониторинга. Удмуртская Республика [Текст] / А. С. Крылова, С. Л. Бехтерев, Л. Н. Бехтерева; Ин-т этнологии и антропологии. М., 2000. 144 с.

Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения [Текст] / М. В. Крюков // Сов. этнография. 1989. № 2. С. 36–42.

Кто есть кто в Республике Башкортостан [Текст]: по сост. на 1 авг. 1995 г. Уфа: Изв. Башкортостана, 1995. Вып. 1. 223 с.

Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа [Текст] / Р. Г. Кузеев. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. 264 с.

Кузеев Р. Г. Малые этнические группы [Текст]: основные этапы этнокультурного развития (по материалам СССР) / Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко // Сов. этнография. 1985. № 4. С. 13–22.

Кузеев Р. Г. Межнациональные отношения [Текст]: история, теория, пути демократического обновления / Р. Г. Кузеев. Уфа, 1990. 58 с.

Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала [Текст] / Р. Г. Кузеев. М.: Наука, 1992. 347 с.

Кузеев Р. Г. Национальная дифференциация и социальная интеграция [Текст] / Р. Г. Кузеев // Роль средств малой информации в совершенствовании межнациональных отношений: в 2 ч. М., 1989. Ч. 1. С. 56–77.

Кузеев Р. Г. Национальные движения и федерализм в России [Текст] / Р. Г. Кузеев // Этногр. обозрение. 1993. № 6. С. 46–59.

Кузеев Р. Г. Национальные процессы и социальное развитие [Текст] / Р. Г. Кузеев. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989.

Кузеев Р. Г. Наше будущее – в консолидации [Текст] / Р. Г. Кузеев // Наше будущее – в консолидации. Уфа, 1990. С. 3–27.

Кузеев Р. Г. Немцы в Башкирии [Текст] / Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 35–39.

Кузеев Р. Г. Перестройка и межнациональные отношения [Текст] / Р. Г. Кузеев // Перестройка: человек, политика, экономика. Уфа, 1990. С. 32–67.

Кузеев Р. Г. Социальное и национальное в современных этнонациональных процессах [Текст] / Р. Г. Кузеев. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1990.

Кузеев Р. Г. Социальное и этническое в современных этнонациональных процессах [Текст] / Р. Г. Кузеев. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988.

Кузеев Р. Г. Этнические процессы в новое и новейшее время [Текст] / Р. Г. Кузеев, Н. Н. Моисеева, В. Я. Бабенко // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 36–77.

Кузеев Р. Г. Этнографические и этнические группы в новое и новейшее время [Текст] / Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко, Н. Н. Моисеева. Уфа, 1987. С. 12–35.

Кузеев Р. Г. Этнос. Культура. Экология [Текст] / Р. Г. Кузеев. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1991. 50 с.

Кузьмин А. И. Демографические факторы межнациональных отношений в Уральском регионе [Текст] / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: в 2 ч. М., 1993. Ч. 1. С. 184–208.

Кузьмин А. И. Этнодемографическая структура населения Урала в XX веке [Текст] / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Е. Ю. Алферова // Урал в прошлом и настоящем: материалы науч. конф.: в 2 ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 165–172.

Кузьмин А. И. Этнодемографическая структура населения Урала: проблемы эволюции и перспектив развития [Текст] / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 135–138.

Куличенко М. И. Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР [Текст] / М. И. Куличенко. М.: Наука, 1981. 300 с.

Куличенко М. И. Многонациональное Советское государство [Текст] / М. И. Куличенко. М.: Политиздат, 1972. 431 с.

Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития [Текст] / М. И. Куличенко. М.: Мысль, 1972. 564 с.

Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР [Текст]: пробл. теории и методологии / М. И. Куличенко. М.: Наука, 1981. 157 с.

Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность [Текст]. Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1998.

Кульшарипов М. М. Вопросы национального самосознания у западных башкир [Текст] / М. М. Кульшарипов // Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БАССР. Уфа, 1990. С. 14–20.

Курс демографии [Текст]: учеб. пособие / А. Я. Боярский [и др.]. 3-е изд. М.: Финансы и статистика, 1985. 391 с.

Кутлубаев З. Ш. Миграция городского населения Башкирии [Текст] / З. Ш. Кутлубаев, Л. П. Маренкова, С. Г. Сальманова // Использование трудовых ресурсов малых, средних городов и сельской местности. Уфа, 1970. С. 40–49.

Лаллука С. Восточно-финские народы России [Текст]: анализ этнодемогр. процессов / С. Лаллука. СПб.: Евр. дом, 1997. 391 с.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций [Текст] / Н. М. Лебедева; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии. М., 1993.

Ленин В. И. К вопросу о национальной политике [Текст] // Полн. собр. соч.: в 53 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. Т. 25. С. 64–72.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу [Текст] // Там же. Т. 24. С. 113–150.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение [Текст] // Там же. Т. 25. С. 255–320.

Лепоринская Т. Н. Некоторые проблемы межнационального общения в истории народов Урала [Текст] / Т. Н. Лепоринская // «Экватор» 90-х. Пермь, 1995. С. 75–78.

Лихолат А. В. Национализм – враг трудящихся [Текст] / А. В. Лихолат. М.: Политиздат, 1986. 249 с.

Лопатина Е. Б. Оценка природных условий жизни населения [Текст] / Е. Б. Лопатина, О. Р. Назаревский. М.: Наука, 1972. 148 с.

Лукина В. И. Динамика социальной структуры населения СССР [Текст] / В. И. Лукина, С. Б. Нехорошков. М.: Наука, 1982. 252 с.

Лунегова А. А. Этносоциальный аспект в экономике Коми-Пермяцкого округа [Текст] / А. А. Лунегова // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России». Пермь, 2006. С. 170–172.

Макарова Г. Г. О миграциях населения Удмуртской АССР [Текст] / Г. Г. Макарова // Экономическая география Западного Урала. Пермь, 1966. С. 48–55. (Учен. зап. Перм. ун-та; вып. 3).

Макарова Л. В. Региональные аспекты российской иммиграции [Текст] / Л. В. Макарова, Г. Ф. Морозова, Т. И. Борзунова // Социол. исслед. 1998. № 6. С. 50–56.

Макарова Л. В. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен [Текст] / Л. В. Макарова // Социол. исслед. 1995. № 3. С. 95–100.

Макеев И. Ю. Миграции русскоязычного населения из Казахстана [Текст] / И. Ю. Макеев // Социол. исслед. 1999. № 11. С. 62–67.

Мархинин В. В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации [Текст] / В. В. Мархинин, И. В. Удалова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 235 с.

Маслов П. П. Техника работы с цифрами [Текст] / П. П. Маслов. М.: Статистика, 1977. 136 с.

Масная Л. М. Побезденные русские? [Текст] / Л. М. Масная // На смену! 1995. 17 мая.

Межнациональные отношения в СССР: история и современность [Текст] / под ред. Я. М. Берегера [и др.]. М.: ИНИОН, 1991. 177 с.

Межнациональные семьи [Текст] // Сов. Башкирия. 1991. № 140. С. 5.

Меликьян Г. Г. Демографическая ситуация в России накануне XXI века [Текст] / Г. Г. Меликьян, Е. Д. Катульский // Депопуляция

в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода: сб. докл. Всерос. науч. конф.: в 2 ч. М., 1996. Ч. 1, разд. 1. С. 4–15.

Мендикулова Г. М. Демографические характеристики казахского населения Оренбургской губернии во второй половине XIX в. [Текст] / Г. М. Мендикулова // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 268–270.

Мерков А. М. Демографическая статистика [Текст] / А. М. Мерков. М.: Медицина, 1965. 215 с.

Миграция сельского населения [Текст]. М.: Наука, 1970. 367 с.

Милле Ф. Смертность в России: затянувшееся отставание [Текст] / Ф. Милле, В. М. Школьников // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 138–162.

Мнацакян М. О. Об интегральной теории национально-этнической общности [Текст] / М. О. Мнацакян // Социол. исслед. 1999. № 9. С. 60–66.

Многонациональное Оренбуржье в этнополитическом измерении [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, Центр по изучению межнац. отношений; под ред. М. Н. Губогло. М., 1996.

Моисеева-Томашевская Н. Н. Социально-этнические группы тюркского населения Южного Урала и Приуралья в конце XIX в. [Текст] / Н. Н. Моисеева-Томашевская // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. М., 1988. С. 43–44.

Москвин Л. Миграционные процессы в СНГ (тенденции развития, проблемы, перспективы) [Текст] / Л. Москвин, О. Потемкина // Соц.-полит. журн. 1995. № 1. С. 34–44.

Мотревич В. П. Еврейское население Урала по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. [Текст] / В. П. Мотревич, Т. В. Прощенок // Урал индустриальный: материалы 3-й регион. науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 62–65.

Муллагулов М. Г. Этническое самосознание и этнокультурные ориентиры башкир-горожан [Текст] / М. Г. Муллагулов // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. Уфа, 1992. С. 83–97.

Мурзабулатов М. В. Башкортостан и башкиры в зеркале статистики [Текст] / М. В. Мурзабулатов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1995. 183 с.

Мурзабулатов М. В. Города и районы Республики Башкортостан [Текст]: (опыт характеристики выборки для изучения брачно-семейных отношений) / М. В. Мурзабулатов. Уфа: УНЦ РАН, 1995. 39 с.

Мурзабулатов М. В. Городское население БАССР [Текст] / М. В. Мурзабулатов // Проблемы социального, демографического развития и использования трудовых ресурсов Башкирской АССР: тез. докл. Уфа, 1989. С. 103–105.

Мурзабулатов М. В. Межнациональные браки как фактор сближения народов [Текст] / М. В. Мурзабулатов // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1989. С. 148–164.

Мурзабулатов М. В. Межэтнические браки (семьи) в Республике Башкортостан [Текст] / М. В. Мурзабулатов // Ватандаш. 1997. № 8. С. 184–187.

Мурзабулатов М. В. Национально-смешанные браки среди сельского населения РБ (1939–1980 гг.) [Текст] / М. В. Мурзабулатов // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 119–131.

Мурзабулатов М. В. Однонациональные и национально-смешанные браки в городах Республики Башкортостан [Текст] / М. В. Мурзабулатов. Уфа: УНЦ РАН, 1994. 24 с. [препр.].

Мурзабулатов М. В. Проблемы брачно-семейных отношений [Текст] / М. В. Мурзабулатов // С. И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 120–129.

Мурзабулатов М. В. Смешанные браки в Башкортостане [Текст]: история и современность / М. В. Мурзабулатов // Изв. Башкирии. 1993. 29 янв.

Мурзабулатов М. В. Смешанные браки в городах Башкирии: динамика, тенденция. 1939–1980 гг. [Текст] / М. В. Мурзабулатов // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. Уфа, 1992. С. 44–50.

Мурзабулатов М. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирской АССР [Текст] / М. В. Мурзабулатов // Вопросы культурного строительства в Башкирской АССР (1917–1985 гг.). Уфа, 1985. С. 86–93.

Мурзабулатов М. В. Этнические аспекты совершенствования национальных отношений в БАССР [Текст] / М. В. Мурзабулатов // Великий Октябрь и Башкирская АССР. Уфа, 1987. С. 56–63.

Мустафина Ф. Х. Расцвет народного образования в Башкирской АССР [Текст] / Ф. Х. Мустафина. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. 228 с.

Нагорная Л. А. Ленинская национальная политика и банкротство ее критиков [Текст] / Л. А. Нагорная. Киев: Выща шк., 1994. 207 с.

Надергулов У. Ф. Иргизо-камеликские башкиры [Текст] / У. Ф. Надергулов // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 122–126.

Народонаселение [Текст]: энцикл. слов. М.: Большая рос. энцикл., 1994. 640 с.

Народы Поволжья и Приуралья [Текст]: ист.-этногр. очерки. М.: Наука, 1985. 309 с.

Народы России [Текст]: энцикл. М.: Большая рос. энцикл., 1994. 479 с.

Население Западной Сибири в XX веке [Текст]. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 1997. 171 с.

Население СССР [Текст]: справ. / под общ. ред. Л. М. Володарского М.: Политиздат, 1983. 190 с.

Население Урала. XX век. История демографического развития [Текст]. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 210 с.

Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы [Текст]. М.: Наука, 1989. 224 с.

Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России [Текст]: сб. ст. М.: Штрихтон, 1998. 320 с.

Национальные процессы в СССР [Текст]: сб. ст. / отв. ред. М. Н. Губогло; АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии. М.: Наука, 1991. 264 с.

Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы [Текст]: беседа за «круглым столом» // История СССР. 1981. № 6. С. 50–120.

Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность [Текст]: материалы «круглого стола» // Вопр. истории. 1989. № 5. С. 3–99; № 6. С. 130–149.

Наше будущее – в консолидации [Текст] / сост. Ш. М. Маликов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. 112 с.

Некоторые демографические показатели населения Башкирской АССР [Текст] / Гос. ком. статистики Башк. АССР. Уфа, 1991. 126 с.

Немцы и Оренбургский край = Deutsche und das Orenburger Gebiet [Текст]: сб. материалов обл. науч. конф., посвящ. 250-летию

Оренбург. губернии и 60-летию Оренбург. обл., Оренбург, 17 дек. 1994 г. / под ред. А. В. Федоровой. Оренбург: Димур, 1994. 60 с.

Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее [Текст]. Оренбург: Димур, 1997. 159 с.

Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / сост. В. В. Амелин; Обществ. акад. наук рос. немцев. М., 1998. 168 с.

Никитаева Е. Б. Российская деревня в 60–70-х гг. [Текст] / Е. Б. Никитаева // Соц.-полит. журн. 1996. № 6. С. 243–249.

Никольский Л. Б. Проблемы изучения языковой ситуации и языковых процессов в странах Азии и Северной Африки [Текст] / Л. Б. Никольский. М.: Наука, 1970. 242 с.

Нуртдинова З. Н. Этносоциальные процессы в современном Башкортостане [Текст]: историография и метод. приемы исслед. / З. Н. Нуртдинова // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 58–70.

О демографическом старении населения [Текст] // Стат. обозрение. 2000. № 1. С. 68–81.

О некоторых современных буржуазных фальсификациях национальной политики КПСС [Текст] // Вопр. истории КПСС. 1973. № 10. С. 77–86.

О положении семей в Российской Федерации [Текст]. М.: Юрид. лит., 1994. 144 с.

Образ «другого» в социальном сознании горожан [Текст]: (по материалам социол. исслед. межнац. отношений в г. Перми) / О. Л. Лейбович [и др.] // Мир России. 2004. Т. 13, № 2. С. 43–65.

Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура [Текст]. Оренбург: Печат. дом «Димур», 1998. 183 с.

Орлова И. Б. Демографическая ситуация в России [Текст]: (сравнит. анализ) / И. Б. Орлова // Соц.-полит. журн. 1995. № 1. С. 45–51.

Осипов А. К. Демографические проблемы Удмуртии и пути решения [Текст] / А. К. Осипов, Л. В. Бабинцева // Пробл. регион. экономики. 1999. № 1–3. С. 425–433.

Очерки по истории Башкирской АССР [Текст]: в 2 т. Уфа: Башкир. книгоиздат, 1966. Т. 2. 384 с.

Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР (1961–1986) [Текст] / под ред. Ф. Г. Паначина, М. Н. Колмаковой, З. И. Равкина. М.: Педагогика, 1987. 416 с.

Павлов Н. Л. Динамика этнодемографических процессов в РФ как угроза территориальной целостности государства [Текст] / Н. Л. Павлов // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М., 1998. С. 3–18.

Павлов Н. П. Исторические и этнические аспекты миграции колхозного населения [Текст] / Н. П. Павлов // Археология и этнография Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1975. Вып. 1. С. 107–142.

Павлов Н. П. Крестьянство Удмуртии. 1946–1970 [Текст]: ист.-социол. очерки / Н. П. Павлов. Ижевск: Удмуртия, 1975. 244 с.

Пазов А. Б. Этнические и социальные факторы миграции населения [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / А. Б. Пазов. М., 1988. 168 с.

Певцов В. Они говорят: «Прощай, Урал!» Скажет ли кто: «Здравствуй, Родина!»? [Текст]: [эмиграция немецкого и еврейского населения из Екатеринбурга] / В. Певцов // Обл. газ. 1995. 12 июля.

Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения [Текст] / В. И. Переведенцев. М.: Наука, 1975. 231 с.

Перестройка и межнациональные отношения [Текст]: сб. ст. / сост. А. У. Русецкий. Минск: Беларусь, 1989. 223 с.

Петраков А. А. Демографический мир семьи [Текст] / А. А. Петраков. Ижевск: Удмуртия, 1988. 164 с.

Петраков А. А. Социология городской семьи [Текст] / А. А. Петраков. Ижевск: Удмуртия, 1981. 164 с.

Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности [Текст] / А. Н. Петров. Ижевск: Удмуртия, 2002. 143 с.

Петров И. Г. Чуваши в Башкирии [Текст]: численность и расселение / И. Г. Петров // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 85–89.

Пивнева Е. А. Этнодемографические процессы у манси в XVIII–XX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Пивнева. Москва, 1999. 430 с.

Пименов В. В. Количественные методы в этнографии [Текст]: из опыта работы в Удмуртии / В. В. Пименов // Этнокультурные процессы в Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1978. С. 3–19.

Пименов В. В. Краткая статистико-демографическая характеристика удмуртов [Текст] / В. В. Пименов // Сельские поселения Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1981. С. 94–106.

Пименов В. В. Некоторые черты национального самосознания [Текст]: (по материалам Удмурт. АССР) // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 3–15.

Пименов В. В. Русские в Башкортостане [Текст]: аналит. обзор / В. В. Пименов, А. И. Элез // Рос. этнограф. 1993. № 2. С. 3–40.

Пименов В. В. Удмурты [Текст]: опыт компонент. анализа этноса / В. В. Пименов. Л.: Наука, 1977. 262 с.

Пирожков С. И. Демографические процессы и возрастная структура населения [Текст] / С. И. Пирожков. М.: Статистика, 1976. 136 с.

Поляков Ю. А. Историческая демография [Текст] / Ю. А. Поляков, Д. К. Шелестов. М.: Наука, 1989. 286 с.

Проблема национальных отношений в СССР [Текст]: по материалам запад. печати. М.: Прогресс, 1986. 280 с.

Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БАССР [Текст]: материалы науч.-практ. конф. Уфа, 1990. 100 с.

Противоречия в национальных отношениях и поиски межнационального консенсуса [Текст]. М.: ИНИОН, 1990. 128 с.

Прохоров Б. Б. Здоровье населения России в прошлом, настоящем и будущем [Текст] / Б. Б. Прохоров // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 148–162.

Прошлое и настоящее демографии [Текст]. М.: Статистика, 1980. 103 с.

Прощенок Т. В. Еврейская диаспора горнозаводского Урала XIX – начала XX в. [Текст]: пробл. гос. регламентации правового и соц.-экон. статуса / Т. В. Прощенок // Урал. ист. вестн. 1996. № 3. С. 145–152.

Прощенок Т. В. Еврейское население Екатеринбурга в XIX – начале XX в. [Текст] / Т. В. Прощенок // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: в 2 ч. 1998. Ч. 1. С. 54–57.

Прощенок Т. В. Еврейское население Среднего Урала в XIX – начале XX в. [Текст] / Т. В. Прощенок // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 196–199.

Прощенок Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Прощенок. Екатеринбург, 2000. 316 с.

Птуха М. В. Очерки по статистике населения [Текст] / М. В. Птуха. М.: Госстатиздат, 1960. 459 с.

Рагузин В. Н. Межнациональные противоречия в религиозной среде [Текст] / В. Н. Рагузин // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1996. № 7. С. 27–31.

Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXV съезда КПСС [Текст]. М.: Политиздат, 1982. 187 с.

Разин А. Место «гурт кенеша» (сельской общины) в гражданском обществе [Текст] / А. Разин // Финно-угроведение. 1999. № 1. С. 87–90.

Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. [Текст]: вопр. формирования небашкир. населения [Текст] / У. Х. Рахматуллин. М.: Наука, 1988. 188 с.

Решетников К. В. Региональные особенности общественного здоровья в России в переходный период [Текст] / К. В. Решетников // Социол. исслед. 2001. № 3. С. 49–58.

Римашевская Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век [Текст] / Н. М. Римашевская // Социол. исслед. 2001. № 3. С. 34–47.

Рогачев М. Б. Билингвизм сельских коми [Текст] / М. Б. Рогачев // Взаимодействие финно-угорских и русских языков. Сыктывкар, 1984. С. 12–14.

Рогачев М. Б. Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми [Текст] / М. Б. Рогачев; Акад. наук СССР, Коми фил. Сыктывкар, 1985. 21 с.

Рогачев М. Б. Этнодемографические характеристики современной сельской семьи Коми АССР [Текст] / М. Б. Рогачев // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 125–126 (Тр. ИЯЛИ КФАН; вып. 28).

Роднов М. И. Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века [Текст] / М. И. Роднов // Этногр. обозрение. 1996. № 6. С. 121–131.

Рожкин Е. Н. Этнические особенности демографического развития Республики Коми [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Е. Н. Рожкин. Москва, 2002. 139 с.

Россет Э. Процесс старения населения [Текст]: демогр. исслед. / Э. Россет. М.: Наука, 1968. 489 с.

Российское образование в переходный период [Текст]: прогр. стабилизации и развития / М-во образования РФ. М., 1991. 334 с.

Русские [Текст]: этносоциол. очерки. М.: Наука, 1992. 462 с.

Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.) [Текст]: в 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии. М., 1999. Т. 1. 190 с.

Русский язык в Башкирии и его взаимодействие с башкирским языком [Текст]: сб. науч. тр. Уфа, 1988. 77 с.

Руткевич М. Н. Двухязычие – важный фактор развития новой исторической общности [Текст] / М. Н. Руткевич // История СССР. 1981. № 4. С. 31–47.

Руткевич М. Н. О демографических факторах интеграции [Текст] / М. Н. Руткевич // Социол. исслед. 1992. № 7. С. 39–50.

Руткевич М. Н. Обострение национальных отношений в СССР [Текст]: (размышления по поводу предварит. итогов переписи населения 1989 г.) / М. Н. Руткевич // Социол. исслед. 1991. № 1. С. 27–39.

Рыбаковский Л. Л. Великая отечественная: людские потери России [Текст] / Л. Л. Рыбаковский // Социол. исслед. 2001. № 6. С. 85–95.

Рыбаковский Л. Л. Взаимодействие миграционных и этнических процессов [Текст] / Л. Л. Рыбаковский, Н. В. Тарасова // Социол. исслед. 1982. № 4. С. 27–34.

Рыбаковский Л. Л. Внутрироссийская миграция населения: нынешняя ситуация и прогноз [Текст] / Л. Л. Рыбаковский, Н. В. Тарасова // Социс. 1994. № 1. С. 31–38.

Рыбаковский Л. Л. Демографическая ситуация в России: геополитические аспекты [Текст] / Л. Л. Рыбаковский, О. Д. Захарова. М., 1997. 30 с.

Рыбаковский Л. Л. Миграционные процессы в СССР: новые явления [Текст] / Л. Л. Рыбаковский, Н. В. Тарасова // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 32–42.

Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья [Текст] / Л. Л. Рыбаковский // Социс. 1996. № 11. С. 31–42.

Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграции [Текст] / Л. Л. Рыбаковский. М.: Статистика, 1973.

Рыбаковский Л. Л. Россия и новое зарубежье [Текст]: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику / Л. Л. Рыбаковский. М., 1996.

Рыбаковский Л. Л. Тенденции внутренней миграции населения России [Текст] / Л. Л. Рыбаковский, Н. В. Тарасова // Современная миграция населения России. М., 1993. С. 38–64.

Рыбаковский Л. Л. Этнический фундамент населения России [Текст] / Л. Л. Рыбаковский, Е. П. Сигарева, Н. Н. Харламова // Социол. исслед. 2001. № 4. С. 80–85.

Рыклин А. Башкирский фатерланд [Текст]: (немецкое население Башкирии) / А. Рыклин // Итоги. 1997. № 25. С. 58–61.

Рябушкин Т. В. Теория и методы экономической статистики [Текст] / Т. В. Рябушкин. М.: Наука, 1986. 510 с.

Сайранов Р. Х. Осуществление всеобщего среднего образования в Башкирской АССР (1966–1975 гг.) [Текст] / Р. Х. Сайранов // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976. С. 38–41.

Саликов Р. А. Национальные процессы в СССР [Текст] / Р. А. Саликов, И. А. Копылов, Э. Ю. Юсупов. М.: Наука, 1987. 351 с.

Сафин Ф. Г. Контуры этносоциальной жизни в Башкортостане [Текст] / Ф. Г. Сафин // Социол. исслед. 2001. № 10. С. 94–98.

Сафин Ф. Г. Национальные отношения в Башкортостане в 1990-е годы [Текст]: по данным этносоциол. исслед. / Ф. Г. Сафин; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии, Центр по изучению межнац. отношений. М., 2000. 87 с.: табл.

Сафин Ф. Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана (1988–1993 гг.) [Текст] / Ф. Г. Сафин. М.: ИЭА: ЦИМО, 1997. 376 с.

Сафин Ф. Г. Современные этнодемографические процессы в Башкортостане [Текст] / Ф. Г. Сафин // Этнокультурная история Урала, XVI–XX вв. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1999. С. 77–79.

Сафин Ф. Г. Языковой аспект суверенизации Башкортостана [Текст] / Ф. Г. Сафин // Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994. С. 130–147.

Семья как объект социально-демографических исследований [Текст]: сб. ст. Свердловск, 1984. 127 с.

Сергеев Ю. Н. Церковно-монастырское крестьянство Башкортостана: численность, структура, формы зависимости (конец XVI – 60-е гг. XVIII вв.) [Текст] / Ю. Н. Сергеев // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997. С. 83–90.

Сиверцева Т. Ф. Этнодемографические процессы и религия [Текст] / Т. Ф. Сиверцева // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976.

Сигов И. И. Урбанизация и развитие регионов областного уровня [Текст] / И. И. Сигов. Л.: Наука, 1990. 212 с.

Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в СССР [Текст] / А. Б. Синельников. М.: Наука, 1989. 104 с.

Синельников А. Б. Число детей в советской семье [Текст] / А. Б. Синельников // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1996. С. 54–69.

Система знаний о народонаселении [Текст] / под ред. Д. И. Валентея. М.: Высш. шк., 1991. 254 с.

Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР [Текст] / Р. И. Сифман. М.: Статистика, 1974. 182 с.

Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии [Текст] / Н. Г. Скворцов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1997. 184 с.

Советский народ – строитель коммунизма [Текст]. М.: Наука, 1981.

Современные этнические процессы в Башкортостане: состояние, проблемы, перспективы исследования [Текст]. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Современные этнические процессы в СССР [Текст]. М.: Наука, 1977. 562 с.

Солнцев В. М. Языковая ситуация и языковая политика в РФ: состояние и перспективы [Текст] / В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко // Проблемы языковой жизни РФ и зарубежных стран. М., 1994. С. 8–19.

Социальное и национальное [Текст]: опыт этносоциол. исслед. по материалам Татар. АССР. М.: Наука, 1973. 331 с.

Социально-культурный облик советских наций [Текст]: (по материалам этносоциол. исслед.). М.: Политиздат, 1986. 212 с.

Социально-экономическое развитие села и миграция населения [Текст]. Новосибирск: Наука, 1972. 290 с.

Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе [Текст]: социол. очерки / Г. В. Старовойтова. Л.: Наука, 1987. 174 с.

Статистика в этнографии [Текст]. М.: Наука, 1985. 189 с.

Статистика населения с основами демографии [Текст]: учеб. / Г. С. Кильдишев [и др.]. М.: Финансы и статистика, 1990. 312 с.

Статистико-этнографические исследования в Удмуртии [Текст]: материалы к изучению образа жизни сел. населения. Устинов, 1985. 150 с.

Статистический словарь [Текст]. М.: Финансы и статистика, 1989. 623 с.

Сто наций и народностей [Текст]: этнодемогр. развитие СССР: (популяр. демография). М.: Мысль, 1985. 103 с.

Столярова Г. Р. Русские: этнодемографические процессы [Текст] / Г. Р. Столярова // Татарстан. 1993. № 2. С. 23–39.

Столярова Г. Р. Этнодемографические процессы у малых этнических групп в сельских районах Татарии [Текст] / Г. Р. Столярова // Этнос и его подразделения: в 2 ч. М., 1992. Ч. 2. С. 121–128.

Субботина И. А. Выборка в этносоциологическом исследовании в Республике Башкортостан по проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» [Текст] / И. А. Субботина // Язык и национализм в постсоветских республиках: по материалам Междунар. симпоз., 5–6 марта 1994 г. Чикаго; М., 1994. С. 64–70.

Сулейманова Р. Н. Женщины в составе населения Республики Башкортостан [Текст] / Р. Н. Сулейманова. Уфа, 1994. 20 с.

Сурина М. В. Анализ этнодемографической и этнокультурной ситуации в Нижнем Тагиле во второй половине XX в. [Текст] / М. В. Сурина // Тагильский край в панораме веков. Н. Тагил, 2001. Вып. 2. С. 293–297.

Сурина М. В. Динамика населения наиболее крупных этносов Уральского региона во второй половине XX века [Текст]: (по материалам всесоюз. переписей населения) / М. В. Сурина // Третьи Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2006. С. 101–109.

Сурина М. В. Ежегодные статистические отчеты как ценный источник по изучению этнодемографических процессов [Текст] / М. В. Сурина // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России: к 225-летию учреждения Пермского наместничества». Пермь, 2006. С. 186–188.

Сурина М. В. Материалы всесоюзных переписей населения как источник по изучению этнодемографических процессов на Урале [Текст] / М. В. Сурина // Девятые Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2005. С. 56–64.

Сурина М. В. Межэтнические браки на Урале: специфика и динамика [Текст] / М. В. Сурина // Региональные модели исторического

общего и профессионального образования: Восьмые Всерос. ист.-пед. чтения: в 2 ч. Екатеринбург, 2004. Ч. 2. С. 403–412.

Сурина М. В. Некоторые вопросы этнодемографического развития Свердловской области во второй половине XX века [Текст] / М. В. Сурина // Учен. зап. НТГПИ. 2001. Вып. 2. С. 44–46.

Сурина М. В. Этнические аспекты воспроизводства населения Уральского региона во второй половине XX века [Текст]: (по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.) / М. В. Сурина // Учен. зап. НТГСПА. Сер. Обществ. науки. 2004. Вып. 1. С. 182–188.

Сурина М. В. Этнические аспекты половозрастной структуры населения Среднего Урала в конце XX века [Текст]: (по материалам переписей населения 1989 и 2002 гг.) / М. В. Сурина // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2006. С. 239–250.

Сурина М. В. Этнические аспекты рождаемости, смертности и брачности в Свердловской области во второй половине XX века [Текст] / М. В. Сурина // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 210–215.

Сурина М. В. Этнические аспекты социального и профессионального состава населения Уральского региона во второй половине XX века [Текст]: (по материалам переписей населения) / М. В. Сурина // Тагильский вестник: ист.-краевед. альманах. Н. Тагил, 2004. Вып. 4. С. 61–69.

Сурина М. В. Этнические процессы на Урале [Текст] / М. В. Сурина // Теоретико-методологические основы этнокультурного образования. Екатеринбург, 2004. С. 52–65.

Сурина М. В. Этнодемографическая ситуация в Свердловской области и особенности распределения национальных групп по отраслям народного хозяйства в 50-х гг. XX в. [Текст] / М. В. Сурина // Урал индустриальный: материалы 4-й регион. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 81–83.

Сурина М. В. Этнодемографическое развитие Уральского региона во второй половине XX века [Текст]: дис. ...канд. ист. наук / М. В. Сурина. Екатеринбург, 2004. 265 с.

Сурина М. В. Этномиграционные процессы на Среднем Урале в конце XX века [Текст] / М. В. Сурина // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002. С. 144–148.

Сурина М. В. Этномиграционные процессы на Урале в конце 1950 – середине 1980-х гг. [Текст] / М. В. Сурина // Учен. зап. НТГСПА. Сер. Обществ. науки. 2006. Вып. 2. С. 151–157.

Сурина М. В. Этноязыковые процессы на Урале во второй половине XX века [Текст] / М. В. Сурина // Народы Севера Евразии: этнодемографические процессы: материалы науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2005. С. 45–56.

Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР [Текст] / А. А. Сусоколов. М.: Мысль, 1987. 144 с.

Сусоколов А. А. Национально-смешанные браки и семьи в СССР [Текст] / А. А. Сусоколов. М.: Мысль, 1990. 144 с.

Тадевосян Э. В. Национальная политика обновляющегося социализма [Текст] / Э. В. Тадевосян // Науч. коммунизм. 1990. № 1. С. 3–14.

Тадевосян Э. В. Советский народ – новая историческая общность людей [Текст] / Э. В. Тадевосян // Вопр. истории КПСС. 1972. № 5. С. 19–35.

Тадевосян Э. В. Теоретические проблемы совершенствования советского федерализма [Текст] / Э. В. Тадевосян // Сов. государство и право. 1988. № 12. С. 3–11.

Тасоева М. К. Русские на Урале [Текст] / М. К. Тасоева // Программа Отделения философии и права АН СССР «Социальные процессы в условиях перестройки». М., 1990. Вып. 5. С. 78–83.

Теоретические основы демографической политики: цели, приоритеты, принципы [Текст] / под ред. В. В. Фаузера. Сыктывкар, 2001. 24 с.

Титова Т. А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях [Текст] / Т. А. Титова. Казань: Форт-диалог, 1999. 164 с.

Тихомиров Н. П. Статистические методы анализа воспроизводства населения [Текст] / Н. П. Тихомиров. М.: Финансы и статистика, 1984. 231 с.

Тишков В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений [Текст] / В. А. Тишков. М.: Изд-во Ин-та этнографии, 1989. 54 с.

Тишков В. А. Этнонационализм и новая Россия [Текст] / В. А. Тишков // Свобод. мысль. 1992. № 4. С. 19–24.

Токарев С. А. Этнография народов СССР [Текст] / С. А. Токарев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 615 с.

Топилин А. В. Влияние миграций на этнонациональную структуру [Текст] / А. В. Топилин // Социол. исслед. 1992. № 7. С. 31–42.

Торукало В. П. Многонациональное Оренбуржье [Текст] / В. П. Торукало // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 13–24.

Торукало В. П. Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность [Текст] / В. П. Торукало. Оренбург: Оренбург. кн., 1993.

Тухватуллин Р. М. Влияние общественного мнения на ценностные ориентации личности в сфере национального развития и межнациональных отношений [Текст] / Р. М. Тухватуллин. Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1997. 257 с.

Тухватуллин Р. М. Язык как национальная ценность [Текст]: (по материалам Республики Башкортостан) / Р. М. Тухватуллин // Социол. исслед. 1997. № 8. С. 47–48.

Уразбаева З. Г. Межнациональные браки и их роль в языковых процессах [Текст] / З. Г. Уразбаева // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987. С. 70–72.

Урбанизация и демографические процессы [Текст]. М.: Наука, 1982. 248 с.

Урланис Б. Ц. История одного поколения [Текст]: (соц.-демогр. очерк) / Б. Ц. Урланис. М.: Мысль, 1968. 269 с.

Урланис Б. Ц. Народонаселение: исследование, публицистика [Текст] / Б. Ц. Урланис. М.: Статистика, 1976. 359 с.

Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР [Текст] / Б. Ц. Урланис. М.: Наука, 1974. 335 с.

Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР [Текст] / Б. Ц. Урланис. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.

Урланис Б. Ц. Статистика населения [Текст] / Б. Ц. Урланис. М.: Статистика, 1971. 80 с.

Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни [Текст] / Б. Ц. Урланис. М., 1978. 309 с.

Файзуллин Ф. С. Национальные отношения в современном Башкортостане [Текст] / Ф. С. Файзуллин, Д. Ж. Валеев, Ф. Б. Садыков // Межнациональные отношения сегодня. Ростов н/Д, 1993. С. 22–34.

Файзуллин Ф. С. Социальные проблемы совершенствования межнациональных отношений в Башкортостане [Текст] / Ф. С. Файзуллин, Р. И. Ирнарзоров // Соц.-гуманит. знания. 2002. № 2. С. 78–86.

Футорянский Л. И. Дорогой дружбы [Текст] / Л. И. Футорянский // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 4–12.

Халиков И. А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья [Текст] / И. А. Халиков // Приуральские татары. Казань, 1990. С. 21–28.

Халиков Н. А. К истории формирования оренбургских татар [Текст] / Н. А. Халиков, Ю. Г. Мухаметшин // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 гг. Йошкар-Ола, 1986. С. 15–22.

Хинт М. Двужычие и интернационализм [Текст] / М. Хинт // Дружба народов. 1988. № 5. С. 237–241.

Хисамутдинов Г. М. Некоторые итоги изучения этнографии татар Среднего Поволжья и Приуралья (1917–1957) [Текст] / Г. М. Хисамутдинов // Развитие филологических и исторических наук в Татарии. Казань, 1969. С. 133–138.

Хисматов М. Ф. Особенности современных демографических процессов в Башкирии [Текст] / М. Ф. Хисматов // Территориальные социально-экономические системы Урала. Пермь, 1978. С. 44–56.

Хорев Б. С. Расселение населения [Текст]: основные понятия и методология / Б. С. Хорев, С. Г. Смидович. М.: Финансы и статистика, 1981. 192 с.

Хотинец В. Ю. О содержании и соотношении понятий «этническая самоидентификация» и «этническое самосознание» [Текст] / В. Ю. Хотинец // Социол. исслед. 1999. № 9. С. 67–74.

Христолюбова Л. С. Этноязыковые процессы [Текст] / Л. С. Христолюбова // Удмурты: ист.-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 336–353.

Цыбуля Ю. А. Я, ты, он, она... [Текст] / Ю. А. Цыбуля // Рабочее слово. 1992. 31 авг.

Черезова О. Г. Сельское население Урала во второй половине XX века [Текст]: дис. ... канд. ист. наук [Текст] / О. Г. Черезова. Екатеринбург, 2003. 235 с.

Чернышева И. В. Этнодемографические процессы в Удмуртской республике. 1989–1999 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / И. В. Чернышева. Ижевск, 2001. 247 с.

Чернявская В. А. Тагил принимает беженцев [Текст] / В. А. Чернявская // Тагил. рабочий. 1992. 13 нояб.

Чертина З. С. Против буржуазных фальсификаций национальных отношений в СССР [Текст] / З. С. Чертина. М.: Знание, 1983. 63 с.

Чеснокова З. П. Демографическая обстановка в сельской местности Удмуртской АССР [Текст] / З. П. Чеснокова // Вопросы социально-экономического и демографического развития сельской местности Удмуртской АССР: сб. ст. / отв. ред. Г. П. Белорукова. Ижевск, 1983. С. 127–140.

Чеснокова З. П. О территориальной подвижности сельского населения Удмуртской АССР [Текст] / З. П. Чеснокова // Сельские поселения Удмуртии: сб. ст. / отв. ред. Л. С. Христолюбова. Ижевск, 1981. С. 81–92.

Численность и расселение народов мира [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 484 с.

Чистов К. Б. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры [Текст] / К. Б. Чистов // Сов. этнография. 1972. № 3. С. 73–85.

Шабает Ю. П. Коми-пермяцкая диаспора [Текст] / Ю. П. Шабает. Сыктывкар: ИИЯЛ, 1994. (Науч. докл.; вып. 341).

Шабает Ю. П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов Коми в XX веке [Текст] / Ю. П. Шабает // Штрихи этнополитического развития Республики Коми: в 3 т. М., 1998. Т. 3. 376 с.

Шангареев Ф. Растерянные традиции [Текст]: [пробл. культур.-нац. развития различных групп населения обл.] / Ф. Шангареев, С. Надыров // Урал. рабочий. 1988. 25 мая.

Шафиов Г. Ф. Гипотеза численности населения и городского развития Башкирской АССР до 2000 г. [Текст] / Г. Ф. Шафиов, Ф. А. Исламова. Уфа, 1981. 30 с. [препр.].

Швейцер А. Д. Современная социалингвистика [Текст]: теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер. М.: Наука, 1977. 176 с.

Шелестов Д. К. Историческая демография [Текст]: учеб. пособие для вузов / Д. К. Шелестов. М.: Высш. шк., 1987. 285 с.

Шестаков Е. Н. Современная российская молодежь в контексте этнического исторического самосознания [Текст] / Е. Н. Шестаков // Материалы межрегиональной научно-практической конферен-

ции «Административно-территориальные реформы в России». Пермь, 2006. С. 190–193.

Широбокова С. Э. Экономические и социально-демографические проблемы развития сельской местности Удмуртии [Текст] / С. Э. Широбокова, М. И. Шишкин // Пробл. регион. экономики. 1998. № 9–10. С. 141–150.

Шкаратан О. И. Этносоциальные проблемы города [Текст] / О. И. Шкаратан. М.: Наука, 1986. 230 с.

Шкляев Г. К. К характеристике современных сельских поселений Удмуртской АССР [Текст] / Г. К. Шкляев // Этнокультурные процессы в Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1978. С. 20–36.

Шкляев Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии [Текст]: опыт ист.-психол. анализа / Г. К. Шкляев; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Удм. ин-т истории, языка и лит. Ижевск, 1998. 213 с.

Шкляев Г. К. Некоторые вопросы демографической ситуации в сельской местности Удмуртской АССР [Текст] / Г. К. Шкляев // Сельские поселения Удмуртии. XIX–XX вв.: сб. ст. Ижевск, 1981. С. 68–80.

Шкляев Г. К. О роли двуязычия в приобщении русского и татарского сельского населения Удмуртской АССР к культуре удмуртского народа [Текст] / Г. К. Шкляев // Статистико-этнографические исследования в Удмуртии: сб. ст. Устинов, 1985. С. 97–108.

Шкляев Г. К. Об изменениях в поселенческой структуре Удмуртии в советское время [Текст] / Г. К. Шкляев // Сельские поселения Удмуртии. XIX–XX вв.: сб. ст. Ижевск, 1981. С. 57–67.

Шкляев Г. К. Особенности формирования городского населения Удмуртской АССР [Текст] / Г. К. Шкляев // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): сб. ст. Устинов, 1986. С. 6–28.

Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов [Текст] / Г. К. Шкляев / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Удм. ин-т истории, языка и лит. Ижевск, 2003. 299 с.

Шкляев Г. К. Сельское население Удмуртии [Текст]: (ист.-этногр. очерк): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. К. Шкляев. М., 1981. 20 с.

Шкляев Г. К. Социальная структура и этнические процессы [Текст] / Г. К. Шкляев // Удмурты: ист.-этногр. очерки. Ижевск, 1993. С. 321–335.

Шкляев Г. К. Территориальные аспекты миграционной активности сельского населения Удмуртской АССР [Текст] / Г. К. Шкляев // Социально-этнические аспекты развития современного села: сб. ст. / отв. ред. Г. К. Шкляев. Ижевск, 1984. С. 22–40.

Шмелева М. Н. Город и этнические процессы [Текст]: (из опыта этногр. изучения восточнославян. городов) / М. Н. Шмелева // Сов. этнография. 1984. № 2. С. 3–14.

Шпилюк В. М. Межреспубликанская миграция и сближение наций в СССР [Текст] / В. М. Шпилюк. Львов: Выща шк., 1975. 167 с.

Шуверова В. Д. История этнических отношений в СССР (1970–1980-е гг.) в англо-американской историографии [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук / В. Д. Шуверова. М., 1993. 436 с.

Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах [Текст]: тез. докл. Уфа, 1989. 233 с.

Этнические проблемы регионов России. Пермская область [Текст] / под ред. Н. А. Дубовой, Н. А. Лопуленко. М., 1998. 457 с.

Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время [Текст]. Уфа: БФАН СССР, 1987. 106 с.

Этнография [Текст] / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. М.: Наука, 1982. 236 с.

Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. [Текст]: (ист.-социол. подход). Екатеринбург, 2000. 103 с.

Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде [Текст]: сб. ст. М.: Изд-во Ин-та этнографии, 1989. 219 с.

Этнологические исследования в Башкортостане [Текст]: сб. ст. Уфа: УНЦ РАН, 1994. 227 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции [Текст]: сб. ст. М., 1994–1995. Вып. 1. 128 с.; Вып. 2. 172 с.

Этнополитическая мозаика Башкортостана [Текст]: Очерки. Документы. Хроника: в 3 т. М., 1992. Т. 1. 300 с.; Т. 2. 340 с.; Т. 3. 339 с.

Этнос и его подразделения [Текст]: в 2 ч. М.: Наука, 1992. Ч. 1: Этнические и этнографические группы. 182 с.; Ч. 2: Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. 172 с.

Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования [Текст] / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов. М.: Наука, 1984. 255 с.

Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан [Текст]: этностатистика / Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 1995. 105 с.

Юлдашбаев Ю. Х. Национально-русское двуязычие в Республике Башкортостан в современных условиях [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Х. Юлдашбаев. Уфа, 1997. 21 с.

Юлдашбаев Б. Х. Новейшая история Башкортостана [Текст] / Б. Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 1995. 288 с.

Юлдашбаев Ю. Х. Проблемы двуязычия в городе [Текст] / Ю. Х. Юлдашбаев // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. Уфа, 1990. С. 68–82.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Динамика численности и удельного веса наиболее многочисленных национальностей областей и республик Уральского региона (по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг.)¹

Таблица 1.1

Курганская область

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	999170	1085560	1080459	1103665	1019532
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Русские, чел.	925466	995913	996887	1008375	932613
%	92,6	91,7	91,7	91,4	91,5
Татары, чел.	19567	23931	23507	22567	20899
%	1,9	2,2	2,2	2,1	2,0
Башкиры, чел.	12748	17525	17664	17548	15343
%	1,2	1,6	1,6	1,6	1,5
Казахи, чел.	9740	12581	14040	15817	14804
%	0,9	1,2	1,3	1,4	1,5
Украинцы, чел.	13419	13550	12787	14041	11243
%	1,3	1,2	1,2	1,3	1,1
Белорусы, чел.	5577	5915	5259	5550	15343
%	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4
Удмурты, чел.	467	3350	2924	2939	2291
%	0,04	0,3	0,3	0,3	0,2
Чуваши, чел.	1380	2420	2339	2592	1912
%	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Немцы, чел.	1926	2281	2395	2558	2706
%	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3
Мордва, чел.	1554	1881	1600	1569	1089
%	0,1	0,2	0,2	0,1	0,1
Другие националь- ности, чел.	7326	6213	6528	10109	1289
%	1,2	0,6	0,6	0,9	0,1

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1-7, 81-87, 107-112, 184-190; Д. 1566-а. Л. 46-52, 134-140, 157-164; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. С. 96-97, 109, 111-112, 118, 126, 131, 146; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192. Л. 36; Д. 6195. Л. 22-23; Д. 6197. Л. 47; Д. 6199. Л. 34; Д. 6202. Л. 1-2; Д. 6203. Л. 12-13; Д. 6207. Л. 54-55; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 130-134.

Таблица 1.2

Оренбургская область

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	1829481	2049976	2088150	2170692	2179551
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Русские, чел.	1296458	1472328	1512500	1568442	1611509
%	70,8	71,8	72,4	72,2	73,9
Татары, чел.	120944	145373	151383	158564	165967
%	6,6	7,1	7,2	7,3	7,6
Казахи, чел.	77708	93214	98612	111477	126668
%	4,2	4,6	4,7	5,1	5,8
Украинцы, чел.	128541	113064	104971	102017	76921
%	7,0	5,5	5,0	4,7	3,5
Мордва, чел.	95042	92215	80611	68879	52458
%	5,1	4,5	3,9	3,2	2,4
Башкиры, чел.	30126	37501	43269	53339	52685
%	1,6	1,8	2,1	2,5	2,4
Немцы, чел.	34639	40168	43287	47556	18055
%	1,8	2,0	2,1	2,2	0,8
Чуваши, чел.	21288	24555	22816	21454	17211
%	1,1	1,2	1,1	1,0	0,8
Белорусы, чел.	7782	11004	10920	10803	9182
%	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4
Евреи, чел.	8716	6875	5438	4156	2026
%	0,4	0,3	0,3	0,2	0,0
Азербайджанцы, чел.	340	561	999	3398	7802
%	0,01	0,03	0,05	0,2	0,4
Другие националь-ности, чел.	7897	13118	13344	20607	39067
%	0,9	0,7	0,7	0,9	1,8

Таблица 1.3

Пермская область

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	2992876	3023443	3008211	3091481	2819421
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Русские, чел.	2420230	2490102	2508323	2592246	2401659
%	80,8	82,4	83,4	83,8	85,2
Татары, чел.	165829	169360	157719	150460	136597
%	5,5	5,6	5,2	4,9	4,8
Коми-пермяки, чел.	136385	139155	128286	123371	103505
%	4,5	4,6	4,3	4,0	3,7
Башкиры, чел.	39577	47812	48752	52326	40740
%	1,3	1,6	1,6	1,7	1,4
Украинцы, чел.	71985	47791	44018	45711	25948
%	2,4	1,6	1,5	1,5	0,9
Удмурты, чел.	21888	30552	32311	32756	26272
%	0,7	1,0	1,1	1,1	0,9
Белорусы, чел.	32800	22605	19834	18842	10989
%	1,0	0,7	0,6	0,6	0,4
Немцы, чел.	38928	21404	17823	15326	10152
%	1,3	0,7	0,6	0,5	0,4
Чуваши, чел.	15293	13489	11661	10765	7033
%	0,5	0,4	0,4	0,3	0,2
Марийцы, чел.	5646	6247	6229	6576	5395
%	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Другие националь- ности, чел.	44315	34926	33255	43102	51131
%	1,9	1,2	1,1	1,4	1,8

Таблица 1.4

Свердловская область

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	4044416	4319741	4454508	4706763	4486214
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Русские, чел.	3560090	3838358	3954961	4176948	4002974
%	88,0	88,8	88,8	88,7	89,2
Татары, чел.	158222	176025	179341	183781	168143
%	3,9	4,1	4,0	3,9	3,7
Украинцы, чел.	93047	80756	81982	82215	55478
%	2,3	1,9	1,8	1,8	1,2
Башкиры, чел.	14631	21428	30051	41500	37296
%	0,3	0,5	0,7	0,9	0,8
Немцы, чел.	53137	36226	33588	31461	22540
%	1,3	0,8	0,7	0,7	0,5
Марийцы, чел.	20344	24070	26757	31297	27863
%	0,5	0,6	0,6	0,7	0,6
Белорусы, чел.	35067	31293	29329	28879	18541
%	0,8	0,7	0,7	0,6	0,4
Удмурты, чел.	11949	19867	21506	23610	17903
%	0,2	0,5	0,5	0,5	0,4
Чуваши, чел.	14565	16915	16314	16295	11510
%	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3
Мордва, чел.	17830	17135	16164	15453	9702
%	0,4	0,4	0,4	0,3	0,2
Другие националь- ности, чел.	65534	57668	64515	75324	114264
%	2,3	1,3	1,4	1,6	2,5

Таблица 1.5

Челябинская область

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	2976625	3288801	3430828	3617752	3603339
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Русские, чел.	2372164	2653190	2782402	2929507	2965885
%	79,7	80,7	81,1	81,0	82,3
Татары, чел.	190227	216807	219743	224605	205087
%	6,3	6,6	6,4	6,2	5,7
Башкиры, чел.	88480	117537	133682	161169	166372
%	2,9	3,6	3,9	4,5	4,6
Украинцы, чел.	134335	115390	111910	109615	76994
%	4,5	3,5	3,3	3,0	2,1
Немцы, чел.	48675	40683	39726	39215	28457
%	1,6	1,2	1,1	1,1	0,8
Казахи, чел.	22813	27559	28224	33230	36219
%	0,7	0,8	0,8	0,9	1,0
Белорусы, чел.	31276	31221	29357	29068	20355
%	1,0	0,9	0,9	0,8	0,6
Мордва, чел.	30540	31915	29306	27095	18138
%	1,0	1,0	0,8	0,7	0,5
Чуваши, чел.	10865	11990	12252	12659	9483
%	0,3	0,4	0,4	0,4	0,3
Евреи, чел.	18928	15660	13776	11067	4930
%	0,6	0,5	0,4	0,3	0,1
Другие националь- ности, чел.	28322	26849	30450	40522	71419
%	0,9	0,8	0,9	1,1	2,0

Таблица 1.6

Республика Башкортостан

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	3341609	3818075	3844280	3943113	4104336
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Башкиры, чел.	737711	892248	935880	863808	1221302
%	22,0	23,4	24,3	21,9	29,8
Русские, чел.	1418147	1546304	1547893	1548291	1490715
%	42,4	40,5	40,3	39,3	36,3
Татары, чел.	768566	944505	940436	1120702	990702
%	22,9	24,7	24,5	28,4	24,1
Чуваши, чел.	109970	126638	122344	118509	117317
%	3,2	3,3	3,2	3,0	2,9
Марийцы, чел.	93902	109638	106793	105768	105829
%	2,8	2,9	2,8	2,7	2,6
Украинцы, чел.	83594	76005	75571	74990	55249
%	2,5	2,0	2,0	1,9	1,3
Мордва, чел.	43582	40745	35900	31923	26020
%	1,3	1,1	0,9	0,8	0,6
Удмурты, чел.	25388	27918	25906	23696	22625
%	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6
Белорусы, чел.	20792	17985	17393	17038	17117
%	0,6	0,5	0,4	0,4	0,4
Немцы, чел.	12817	12104	11316	11023	8250
%	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2
Другие националь- ности, чел.	27140	23985	24848	27365	49210
%	0,8	0,6	0,6	0,7	1,2

Таблица 1.7

Удмуртская Республика

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	1336927	1417675	1492172	1605663	1570316
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Удмурты, чел.	475913	484168	479702	496522	460584
%	35,5	34,2	32,2	30,9	29,3
Русские, чел.	758770	809563	870270	945216	944108
%	56,7	57,1	58,3	58,9	60,1
Татары, чел.	71930	87150	99139	110490	109218
%	5,3	6,1	6,7	6,9	7,0
Украинцы, чел.	7521	10267	11149	14167	11527
%	0,5	0,7	0,7	0,9	0,7
Марийцы, чел.	6449	7842	8752	9543	8985
%	0,4	0,6	0,6	0,6	0,6
Башкиры, чел.	1150	2005	3608	5217	4320
%	0,08	0,1	0,2	0,3	0,3
Белорусы, чел.	2160	2877	3149	3847	3308
%	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Чуваши, чел.	2242	2556	3011	3173	2764
%	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Немцы, чел.	4776	2671	2628	2588	1735
%	0,3	0,2	0,2	0,2	0,1
Другие националь- ности, чел.	6016	8576	10764	14900	20810
%	0,4	0,6	0,7	0,9	1,3

Таблица 1.8

В целом по Уральскому региону

Национальность	Численность и удельный вес основных национальностей				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население, чел.	17521104	19003271	19398608	20239125	19782709
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Русские, чел.	12751325	13805758	14173236	14769025	14349463
%	72,8	72,6	73,0	73,0	72,5
Татары, чел.	1495285	1763151	1771268	1971169	1796613
%	8,5	9,3	9,1	9,7	9,0
Башкиры, чел.	924423	1136056	1212906	1194907	1538058
%	5,3	6,0	6,3	5,9	7,8
Украинцы, чел.	532442	456823	442388	442756	313360
%	3,0	2,4	2,3	2,2	1,6
Белорусы, чел.	135454	122900	115241	114027	94835
%	0,8	0,6	0,6	0,6	0,5
Удмурты, чел.	535605	565855	562349	579523	529675
%	3,0	3,0	2,9	2,9	2,7
Чуваши, чел.	175603	198563	190737	185447	167230
%	1,0	1,0	1,0	0,9	0,8
Немцы, чел.	158333	155537	150763	149727	91895
%	0,9	0,8	0,8	0,7	0,5
Мордва, чел.	188548	183891	163581	144919	107407
%	1,0	1,0	0,8	0,7	0,5
Марийцы, чел.	126341	147797	148531	153184	148072
%	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7
Другие националь- ности, чел.	186595	171335	183805	231929	347190
%	1,0	0,9	0,9	1,1	1,8

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Распределение численности наиболее многочисленных национальностей областей и республик Уральского региона по родному и второму языку народов СССР, которым свободно владеет население (относительные данные на 1000 чел.)¹

Таблица 2.1

Курганская область

Год	На 1000 лиц данной национальности						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком народов СССР			не владеющих вторым языком народов СССР
	язык своей национальности	язык другой национальности		языком своей национальности	языком другой национальности		
		русский	другие		русским	другими	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население							
1959	983	17	0	...	...	...	...
1970	981	19	0	6	51	2	...
1979	979	21	0	5	54	1	940
1989	977	22	1	4	57	3	937
Русские							
1959	1000	0	0	0	0	...	...
1970	1000	0	0	0	0	2	...
1979	1000	0	0	0	0	1	999
1989	1000	0	0	0	0	0	998
Татары							
1959	942	54	4	...	...	...	...
1970	918	80	1	36	706	1	...
1979	891	108	1	34	776	1	189
1989	867	131	2	29	773	3	195

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б. Л. 1-7, 81-87, 107-112, 184-190; Д. 1566-а. Л. 46-52, 134-140, 157-164; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. С. 96-97, 109, 111-112, 118, 126, 131, 146; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192. Л. 36; 6195. Л. 22-23; Д. 6197. Л. 47; Д. 6199. Л. 34; Д. 6202. Л. 1-2; Д. 6203. Л. 12-13; Д. 6207. Л. 54-55; Д. 6253. Л. 1-2; 6255. Л. 43-44; Д. 6256. Л. 27-28; Д. 6258. Л. 14-15; Д. 6260. Л. 12-13; Д. 6261. Л. 1-2; Д. 6264. Л. 12-13; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 130-134.

Продолжение табл. 2.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Башкиры							
1959	971	16	13	...	...	...	...
1970	966	30	4	16	700	3	...
1979	961	35	4	11	814	1	174
1989	943	49	8	9	828	5	158
Казахи							
1959	970	29	1	...	...	...	...
1970	949	49	2	27	759	1	...
1979	924	75	1	29	830	0	141
1989	904	93	3	21	837	6	135
Украинцы							
1959	491	507	2	...	...	...	...
1970	467	532	0	176	412	3	...
1979	422	578	0	138	383	2	476
1989	452	546	2	120	380	5	495
Белорусы							
1959	429	570	1	...	...	...	...
1970	429	570	0	150	393	4	...
1979	412	588	0	111	381	2	505
1989	390	606	4	84	357	30	529
Удмурты							
1959	754	244	2	...	...	...	...
1970	712	288	...	89	647	1	...
1979	555	445	0	98	525	...	377
1989	532	468	0	76	493	3	428
Чуваши							
1959	649	350	1	...	...	...	...
1970	643	356	2	117	586	7	...
1979	578	422	0	101	545	4	350
1989	598	397	5	71	557	20	352
Немцы							
1959	585	411	4	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	334	666	0	0	323	3	686
1989	331	667	2	0	290	35	675
Мордва							
1959	479	520	1	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	475	525	0	106	449	2	443
1989	491	505	4	64	463	24	448

Продолжение табл. 2.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Другие национальности							
1959	670	298	32	...	...	...	...
1970	547	445	8	76	503	20	—
1979	552	440	8	64	490	18	428
1989	677	309	14	36	588	31	345
Городское население							
1959	975	25	0	...	...	...	...
1970	974	26	0	9	26	3	...
1979	976	24	0	5	23	1	970
1989	976	23	1	4	26	3	967
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	3	...
1979	1000	0	0	0	0	1	998
1989	1000	0	0	0	0	2	998
Татары							
1959	849	151	0	...	...	...	...
1970	760	237	2	104	701	1	...
1979	710	289	1	94	674	1	231
1989	689	309	2	72	645	6	277
Башкиры							
1959	759	191	50	...	...	...	...
1970	707	249	44	103	710	13	...
1979	728	251	21	78	716	9	197
1989	700	273	27	54	683	21	241
Казахи							
1959	931	66	3	...	...	...	...
1970	837	160	3	96	756	2	...
1979	847	152	1	51	797	3	149
1989	843	154	3	31	785	10	174
Украинцы							
1959	483	517	0	...	...	...	...
1970	418	582	0	230	386	3	...
1979	385	615	0	167	353	2	478
1989	437	562	1	137	362	4	497
Белорусы							
1959	386	34	0	...	...	...	...
1970	350	650	0	200	327	7	...
1979	347	653	0	138	319	4	538
1989	365	632	3	93	328	37	542

Продолжение табл. 2.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Удмурты							
1959	764	236	0	...	...	...	...
1970	555	445	0	189	530	2	...
1979	418	580	2	145	391	0	312
1989	446	554	0	81	392	5	523
Чуваши							
1959	673	324	0	...	...	...	...
1970	564	436	0	173	527	6	...
1979	516	484	0	133	490	5	372
1989	557	436	7	82	509	26	383
Немцы							
1959	492	503	5	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	193	807	0	0	181	5	814
1989	...	...	...	...	...	...	...
Мордва							
1959	559	441	0	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	369	631	0	150	360	6	484
1989	398	595	7	76	373	31	520
Другие национальности							
1959	493	497	10	...	...	...	...
1970	410	578	11	92	372	33	...
1979	442	551	7	71	380	23	526
1989	622	363	15	234	530	40	391
<i>Сельское население</i>							
1959	987	13	0	...	...	...	...
1970	987	13	0	4	70	1	...
1979	982	18	0	4	86	1	909
1989	979	21	0	3	95	2	900
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	1	...
1979	1000	0	0	0	0	1	999
1989	1000	0	0	0	0	1	999
Татары							
1959	967	29	4	...	...	...	...
1970	96	38	1	17	707	1	...
1979	949	50	1	15	809	1	175
1989	925	72	3	15	815	2	168

Продолжение табл. 2.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Башкиры							
1959	977	11	12	...	...	...	...
1970	980	18	2	12	700	2	...
1979	979	18	3	6	821	1	172
1989	964	29	7	5	841	3	151
Казахи							
1959	973	25	2	...	...	...	...
1970	962	36	2	19	759	0	...
1979	937	62	1	25	836	0	139
1989	915	82	3	20	848	5	127
Украинцы							
1959	499	499	2	...	...	...	...
1970	538	461	0	99	450	3	...
1979	474	525	1	98	425	2	475
1989	479	518	3	90	412	5	493
Белорусы							
1959	455	544	1	...	...	...	...
1970	509	490	1	97	460	2	...
1979	483	516	1	82	449	0	469
1989	424	572	4	73	395	2	512
Удмурты							
1959	735	259	6	...	...	...	...
1970	742	258	0	69	670	0	...
1979	599	401	0	83	569	0	348
1989	568	431	1	74	536	2	388
Чуваши							
1959	632	365	3	...	...	...	...
1970	703	294	3	73	632	8	...
1979	631	369	0	74	591	3	332
1989	645	353	2	58	611	13	318
Немцы							
1959	625	370	5	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	445	554	1	0	414	2	584
1989	407	592	1	0	369	48	583
Мордва							
1959	450	550	0	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	530	470	...	83	495	0	422
1989	562	437	1	55	533	19	393

Окончание табл. 2.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Другие национальности							
1959	735	255	10	...	...	...	...
1970	684	310	6	60	635	6	...
1979	705	287	8	56	642	1	292
1989	749	239	12	32	665	19	284

Таблица 2.2

Оренбургская область

Год	На 1000 лиц данной национальности						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком народов СССР			не владеющих вторым языком народов СССР
	язык своей национальности	язык другой национальности		языком своей национальности	языком другой национальности		
		русский	другие		русским	другими	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население							
1959	933	66	1	...	...	...	...
1970	935	64	0	14	178	7	...
1979	928	71	1	12	175	5	808
1989	921	78	1	13	178	5	804
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	7	...
1979	1000	0	0	0	0	6	994
1989	1000	0	0	0	0	6	994
Татары							
1959	952	44	4	...	...	...	...
1970	922	75	3	32	748	2	...
1979	894	102	4	29	745	2	224
1989	859	137	4	32	764	2	202
Башкиры							
1959	955	25	20	...	...	...	...
1970	931	57	12	23	730	5	...

Продолжение табл. 2.2

1	2	3	4	5	6	7	8
1979	902	86	12	23	766	6	205
1989	863	122	15	25	768	6	201
Казахи							
1959	970	28	2	...	...	...	...
1970	952	46	2	20	700	2	...
1979	942	56	2	19	779	2	200
1989	912	86	2	21	820	2	157
Украинцы							
1959	458	542	0	...	...	...	...
1970	427	573	0	100	380	2	...
1979	371	629	0	81	324	2	593
1989	330	669	1	94	288	3	615
Белорусы							
1959	357	638	5	...	...	...	...
1970	427	570	2	135	401	6	...
1979	387	611	2	100	364	7	529
1989	349	648	3	113	326	8	553
Чуваши							
1959	854	143	3	...	...	...	...
1970	800	199	0	57	674	9	...
1979	717	282	1	72	650	9	269
1989	652	346	2	77	605	8	310
Немцы							
1959	768	229	3	...	...	...	...
1970	713	286	1	...	606	2	...
1979	686	313	1	...	596	3	401
1989	658	341	1	...	573	2	425
Мордва							
1959	820	180	0	...	...	...	...
1970	830	169	0	59	719	0	...
1979	748	252	0	68	686	3	243
1989	691	307	2	80	651	4	265
Евреи							
1959	204	792	4	...	...	...	...
1970	175	822	3	120	170	490	...
1979	143	854	3	58	134	41	767
1989	108	887	5	46	101	40	813

Продолжение табл. 2.2

1	2	3	4	5	6	7	8
Азербайджанцы							
1959	812	182	6	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	822	172	6	28	760	13	199
1989	831	160	9	20	650	9	321
Другие национальности							
1959	551	423	26	...	...	...	...
1970	667	311	22	56	596	25	...
1979	592	388	20	48	535	17	400
1989	647	317	35	38	585	19	358
Городское население							
1959	914	85	1	...	...	...	...
1970	920	78	1	19	106	6	...
1979	918	81	1	13	103	4	880
1989	915	84	1	14	111	4	871
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	7	...
1979	1000	0	0	0	0	4	996
1989	1000	0	0	0	0	5	995
Татары							
1959	903	96	1	...	...	...	...
1970	839	160	1	70	766	2	...
1979	811	188	1	55	740	2	203
1989	782	216	2	51	735	2	212
Башкиры							
1959	856	105	39	...	...	...	...
1970	826	154	20	58	763	9	...
1979	804	181	15	49	752	6	193
1989	785	197	18	42	740	6	212
Казахи							
1959	959	37	4	...	...	...	...
1970	921	76	2	27	734	2	...
1979	897	101	2	35	809	2	154
1989	859	138	3	35	794	3	168
Украинцы							
1959	379	621	0	...	...	...	...
1970	361	639	0	141	330	2	...
1979	321	679	0	95	288	2	615
1989	295	704	1	107	257	2	634

Продолжение табл. 2.2

1	2	3	4	5	6	7	8
Белорусы							
1959	348	649	3	...	...	...	...
1970	370	628	2	163	350	6	...
1979	337	662	1	117	320	7	556
1989	319	679	2	124	295	8	573
Чуваши							
1959	714	284	2	...	...	...	...
1970	595	404	1	130	563	3	...
1979	533	466	1	11	510	3	377
1989	521	478	1	97	501	7	395
Немцы							
1959	538	459	3	...	...	...	...
1970	479	519	2	...	458	4	...
1979	403	597	0	...	382	4	614
1989	359	640	1	...	342	4	654
Мордва							
1959	550	450	0	...	...	...	...
1970	577	423	0	145	550	1	...
1979	539	461	0	108	503	2	387
1989	533	467	0	107	510	4	379
Евреи							
1959	188	808	4	...	...	...	...
1970	169	828	8	123	164	50	...
1979	142	856	2	58	133	41	768
1989	104	892	4	46	97	39	818
Азербайджанцы							
1959	845	150	5	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	836	159	5	30	773	10	187
1989	808	186	6	23	656	8	313
Другие национальности							
1959	592	385	23	...	...	...	...
1970	652	330	18	63	582	30	...
1979	564	418	18	53	520	18	409
1989	621	358	21	43	558	22	377
<i>Сельское население</i>							
1959	935	64	1	...	...	...	...
1970	952	47	1	9	260	7	...
1979	943	55	2	10	285	6	699
1989	932	65	3	11	301	7	681

Продолжение табл. 2.2

1	2	3	4	5	6	7	8
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	10	...
1979	1000	0	0	0	0	9	991
1989	1000	0	0	0	0	8	992
Татары							
1959	964	32	4	...	...	...	...
1970	970	125	4	10	737	2	...
1979	960	35	5	1	748	2	240
1989	937	57	6	13	794	2	191
Башкиры							
1959	971	15	14	...	...	...	...
1970	963	27	10	12	720	4	...
1979	960	31	9	7	775	7	211
1989	932	55	13	10	792	6	192
Казахи							
1959	966	32	2	...	...	...	...
1970	960	39	2	19	686	2	...
1979	954	44	2	14	772	2	212
1989	932	66	2	16	829	2	153
Украинцы							
1959	457	543	0	...	...	...	...
1970	513	486	0	145	446	3	...
1979	461	538	1	54	388	4	554
1989	406	593	1	65	356	5	574
Белорусы							
1959	387	607	6	...	...	...	...
1970	540	457	3	79	501	6	...
1979	501	496	3	61	464	8	467
1989	426	570	4	85	403	11	501
Чуваши							
1959	861	138	1	...	...	...	...
1970	884	115	0	27	720	11	...
1979	818	181	1	51	726	12	211
1989	748	251	1	63	679	9	249
Немцы							
1959	852	144	4	...	...	...	...
1970	856	143	1	...	696	0	...
1979	863	136	1	...	730	2	268
1989	838	161	1	...	712	1	287

Окончание табл. 2.2

1	2	3	4	5	6	7	8
Мордва							
1959	856	144	0	...	...	...	...
1970	905	95	0	33	768	0	...
1979	841	159	0	50	769	3	178
1989	798	200	2	61	747	3	189
Евреи							
1959	78	899	23	...	...	...	...
1970	368	627	5	25	353	34	...
1979	209	782	9	45	200	45	710
1989	283	687	30	41	273	60	626
Азербайджанцы							
1959	910	81	9	...	...	...	...
1970	...	...	...	...	...	...	...
1979	747	240	13	19	690	25	266
1989	869	115	16	15	639	10	336
Другие национальности							
1959	632	325	43	...	...	...	...
1970	703	267	30	38	628	11	...
1979	658	316	26	38	569	16	377
1989	698	239	63	27	636	15	322

Таблица 2.3

Пермская область

Год	На 1000 лиц данной национальности						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком народов СССР			не владеющих вторым языком народов СССР
	язык своей национальности	язык другой национальности		языком своей национальности	языком другой национальности		
		русский	другие		русским	другими	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население							
1959	947	41	12	...	...	...	...
1970	950	38	12	11	109	5	...
1979	944	46	10	10	99	4	887
1989	937	52	11	12	93	5	890

Продолжение табл. 2.3

1	2	3	4	5	6	7	8
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	5	...
1979	1000	0	0	0	0	4	996
1989	1000	0	0	0	0	5	995
Татары							
1959	910	89	1	...	...	...	...
1970	856	144	1	52	681	1	...
1979	805	195	0	51	670	1	278
1989	737	262	1	68	639	2	291
Коми-пермяки							
1959	886	111	3	...	...	...	...
1970	888	111	1	38	701	0	...
1979	819	181	0	50	672	0	278
1989	759	241	0	68	656	1	275
Башкиры							
1959	165	23	812	...	...	...	...
1970	221	44	734	11	520	8	...
1979	291	80	629	16	591	10	383
1989	285	132	583	25	652	17	306
Украинцы							
1959	584	415	1	...	...	...	...
1970	549	450	1	159	513	3	...
1979	476	523	1	143	448	2	407
1989	466	532	2	149	397	5	449
Белорусы							
1959	448	550	2	...	...	...	...
1970	454	545	1	134	427	7	...
1979	380	618	2	109	355	10	526
1989	346	651	3	123	321	17	539
Удмурты							
1959	715	282	3	...	...	...	...
1970	720	278	2	84	591	17	...
1979	652	346	2	83	559	13	345
1989	584	413	3	90	529	7	374
Чуваши							
1959	677	321	2	...	...	...	...
1970	631	368	2	97	561	4	...
1979	559	439	2	91	520	6	383
1989	499	498	3	104	471	11	414

Продолжение табл. 2.3

1	2	3	4	5	6	7	8
Немцы							
1959	695	303	2	...	...	...	...
1970	528	470	2	...	504	7	...
1979	412	587	1	...	386	4	610
1989	324	673	3	...	304	8	688
Марийцы							
1959	848	144	8	...	...	...	...
1970	809	186	5	49	652	20	...
1979	755	241	4	49	666	11	274
1989	691	302	7	56	634	15	295
Другие национальности							
1959	678	296	17	...	...	...	...
1970	689	292	19	43	648	26	...
1979	534	452	14	49	466	32	453
1989	592	378	30	44	525	29	402
<i>Городское население</i>							
1959	943	56	1	...	...	...	...
1970	955	44	1	12	82	5	...
1979	949	49	2	11	74	4	911
1989	943	54	3	12	68	5	915
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	5	...
1979	1000	0	0	0	0	4	996
1989	1000	0	0	0	0	5	995
Татары							
1959	870	130	0	...	...	...	...
1970	811	188	1	70	737	1	...
1979	748	251	1	67	688	1	244
1989	668	331	1	88	622	1	289
Коми-пермяки							
1959	640	354	6	...	...	...	...
1970	702	297	1	100	663	1	...
1979	610	390	0	121	577	1	301
1989	574	425	1	120	543	1	336
Башкиры							
1959	646	119	235	...	...	...	...
1970	652	158	190	40	755	26	...
1979	619	199	182	40	739	22	199
1989	538	266	196	50	681	33	236

Продолжение табл. 2.3

1	2	3	4	5	6	7	8
Украинцы							
1959	587	413	0	...	...	...	...
1970	507	492	1	180	477	2	...
1979	459	540	1	152	432	2	414
1989	445	553	2	157	383	5	455
Белорусы							
1959	418	580	2	...	...	...	...
1970	431	586	1	154	407	5	...
1979	367	631	2	122	344	9	525
1989	339	658	3	127	315	16	542
Удмурты							
1959	568	431	1	...	...	...	...
1970	615	383	2	120	573	2	...
1979	355	444	1	111	528	2	359
1989	498	500	2	110	469	4	417
Чуваши							
1959	592	407	1	...	...	...	...
1970	594	404	2	122	560	6	...
1979	522	477	1	101	504	7	388
1989	489	508	3	100	463	14	423
Немцы							
1959	661	337	2	...	...	...	...
1970	521	478	2	...	498	7	...
1979	407	592	1	...	383	5	612
1989	320	678	2	...	299	8	693
Марийцы							
1959	680	312	8	...	...	...	...
1970	662	330	8	90	622	17	...
1979	630	364	6	74	601	10	315
1989	575	416	9	78	551	19	352
Другие национальности							
1959	737	238	25	...	...	...	...
1970	641	342	17	49	613	26	...
1979	522	467	11	50	452	33	465
1989	572	406	22	45	503	31	421
<i>Сельское население</i>							
1959	936	39	25	...	...	...	...
1970	939	27	34	7	165	6	...
1979	930	34	36	7	171	5	817
1989	918	43	39	10	181	6	803

Продолжение табл. 2.3

1	2	3	4	5	6	7	8
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	7	...
1979	1000	0	0	0	0	6	994
1989	999	0	1	1	0	6	993
Татары							
1959	942	57	1	...	...	...	...
1970	940	59	1	17	577	2	...
1979	933	67	0	14	627	2	357
1989	907	92	1	20	682	2	296
Коми-пермяки							
1959	913	84	3	...	...	...	...
1970	935	65	0	22	710	2	...
1979	901	98	1	22	709	0	269
1989	864	136	0	39	720	0	241
Башкиры							
1959	114	10	876	...	...	...	...
1970	93	11	897	2	450	3	...
1979	121	17	862	4	514	4	478
1989	96	31	873	7	629	5	359
Украинцы							
1959	613	386	2	...	...	...	...
1970	699	300	1	82	643	4	...
1979	571	422	7	91	540	5	364
1989	577	420	3	106	474	7	413
Белорусы							
1959	475	522	3	...	...	...	...
1970	503	496	2	88	469	10	...
1979	424	574	2	67	393	11	529
1989	372	622	6	106	344	23	527
Удмурты							
1959	789	208	3	...	...	...	...
1970	824	174	2	48	609	32	...
1979	783	214	3	46	601	27	326
1989	728	268	4	57	630	12	301
Чуваши							
1959	683	315	2	...	...	...	...
1970	659	339	2	78	563	3	...
1979	603	394	3	79	540	5	376
1989	516	481	3	110	484	9	397

Окончание табл. 2.3

1	2	3	4	5	6	7	8
Немцы							
1959	627	370	3	...	...	...	...
1970	562	435	...	529	8	...	...
1979	436	562	2	...	403	5	592
1989	352	643	5	...	335	10	655
Марийцы							
1959	899	98	3	...	...	...	...
1970	915	82	3	20	674	21	...
1979	898	98	4	20	741	11	228
1989	861	134	5	24	755	9	212
Другие национальности							
1959	728	242	30	...	...	...	...
1970	801	176	23	29	730	27	...
1979	619	355	26	45	560	22	373
1989	685	247	68	39	629	20	312

Таблица 2.4

Свердловская область

Год	На 1000 лиц данной национальности						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком народов СССР			не владеющих вторым языком народов СССР
	язык своей национальности	язык другой национальности		языком своей национальности	языком другой национальности		
		русский	другие		русским	другими	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население							
1959	957	42	1	...	...	...	...
1970	954	45	1	13	58	4	...
1979	953	46	1	9	60	3	928
1989	950	48	2	9	58	4	929
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	4	...

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8
1979	1000	0	0	0	0	3	997
1989	1000	0	0	0	0	3	993
Татары							
1959	853	127	20	...	...	...	...
1970	766	233	1	86	652	1	...
1979	731	268	1	67	653	1	279
1989	677	321	2	73	616	2	309
Башкиры							
1959	706	141	153	...	...	...	...
1970	633	266	101	78	654	24	...
1979	635	280	85	58	664	19	259
1989	587	312	101	50	635	27	283
Украинцы							
1959	466	533	1	...	...	...	...
1970	424	575	0	224	392	2	...
1979	429	570	1	154	401	2	443
1989	419	580	1	154	373	3	470
Белорусы							
1959	410	589	1	...	...	...	...
1970	368	631	1	193	342	6	...
1979	345	653	2	124	323	8	545
1989	348	648	4	113	322	24	541
Удмурты							
1959	612	385	3	...	...	...	...
1970	558	441	1	139	512	4	...
1979	538	460	2	94	507	3	396
1989	523	474	3	81	484	7	428
Чуваши							
1959	643	354	3	...	...	...	...
1970	561	438	1	146	512	5	...
1979	539	459	2	105	510	5	380
1989	522	474	4	79	490	19	412
Немцы							
1959	665	333	2	...	...	...	...
1970	466	533	1	...	432	7	...
1979	373	627	0	...	340	4	656
1989	334	664	2	...	305	9	686
Марийцы							
1959	907	92	1	...	...	...	...
1970	847	151	2	46	633	11	...

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8
1979	797	201	2	41	690	5	264
1989	750	246	4	37	682	13	268
Мордва							
1959	543	456	1	...	...	...	...
1970	520	479	0	173	488	2	...
1979	518	481	1	109	495	4	392
1989	483	511	6	96	458	19	427
Другие национальности							
1959	626	338	36	...	...	...	...
1970	581	403	16	68	539	26	...
1979	492	496	12	47	442	33	478
1989	559	421	20	35	498	36	431
<i>Городское население</i>							
1959	942	57	1	...	...	...	...
1970	950	49	1	14	54	5	...
1979	950	49	1	10	55	3	932
1989	948	50	2	9	52	5	934
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	4	...
1979	1000	0	0	0	0	3	997
1989	1000	0	0	0	0	3	997
Татары							
1959	833	165	2	...	...	...	...
1970	723	275	1	101	652	1	...
1979	693	306	1	77	642	1	280
1989	639	359	2	83	596	2	319
Башкиры							
1959	676	169	155	...	...	...	...
1970	618	274	108	78	652	25	...
1979	623	292	85	61	658	19	262
1989	572	325	103	53	624	29	294
Украинцы							
1959	452	548	0	...	...	...	...
1970	401	598	0	236	371	2	...
1979	418	581	1	159	391	2	448
1989	403	595	2	159	359	3	479
Белорусы							
1959	372	627	1	...	...	...	...
1970	350	649	1	204	325	6	...

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8
1979	335	663	2	129	313	8	550
1989	338	658	4	117	313	25	545
Удмурты							
1959	565	432	3	...	...	...	...
1970	517	481	2	164	479	5	...
1979	509	489	2	103	484	4	409
1989	488	509	3	90	454	7	449
Чуваши							
1959	613	385	2	...	...	...	...
1970	535	464	2	158	497	6	...
1979	526	472	2	107	502	6	385
1989	506	489	5	82	475	20	423
Немцы							
1959	629	369	2	...	...	...	...
1970	458	541	1	...	424	7	...
1979	374	625	1	...	342	4	654
1989	332	666	2	...	303	8	689
Марийцы							
1959	706	287	7	...	...	...	...
1970	663	334	3	104	597	9	...
1979	632	366	2	77	603	7	313
1989	609	385	6	60	576	20	344
Мордва							
1959	495	504	1	...	...	...	...
1970	510	490	0	177	478	2	...
1979	511	488	1	113	488	4	395
1989	476	518	6	97	452	20	431
Другие национальности							
1959	624	339	37	...	...	...	...
1970	539	445	16	75	500	28	...
1979	471	517	12	46	424	36	494
1989	514	465	21	37	462	39	462
<i>Сельское население</i>							
1959	971	28	1	...	...	...	...
1970	973	27	1	7	76	3	...
1979	968	31	1	6	84	2	908
1989	964	34	2	5	98	4	893
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1970	1000	0	0	0	0	3	...

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8
1979	1000	0	0	0	0	2	998
1989	1000	0	0	0	0	3	997
Татары							
1959	929	70	1	...	...	...	...
1970	902	98	1	36	652	1	...
1979	886	114	0	28	696	1	275
1989	860	139	1	25	717	1	257
Башкиры							
1959	781	109	110	...	...	...	...
1970	713	223	64	80	665	17	...
1979	705	210	85	41	705	16	238
1989	676	236	88	29	700	19	252
Украинцы							
1959	604	395	1	...	...	...	...
1970	587	412	1	144	543	2	...
1979	534	465	1	105	500	2	393
1989	563	436	1	103	506	5	386
Белорусы							
1959	476	523	1	...	...	...	...
1970	463	536	1	135	429	6	...
1979	422	576	2	86	398	6	510
1989	435	562	3	79	401	12	508
Удмурты							
1959	677	321	2	...	...	...	...
1970	634	366	0	91	573	2	...
1979	609	390	1	71	564	2	363
1989	618	380	2	57	568	6	369
Чуваши							
1959	632	366	2	...	...	...	...
1970	613	387	1	122	542	3	...
1979	578	420	2	96	535	5	364
1989	580	418	2	70	548	11	371
Немцы							
1959	567	432	1	...	...	...	...
1970	528	470	2	...	489	6	...
1979	357	642	1	...	323	4	673
1989	361	635	4	...	334	12	654
Марийцы							
1959	965	34	1	...	...	...	...
1970	956	43	1	12	654	12	...

Окончание табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7	8
1979	927	72	1	13	758	4	225
1989	895	103	2	13	792	6	189
Мордва							
1959	598	402	0	...	...	...	...
1970	575	425	...	149	543	1	...
1979	571	428	1	81	548	2	369
1989	541	451	8	94	511	8	387
Другие национальности							
1959	785	191	24	...	...	...	...
1970	741	245	14	42	687	20	...
1979	672	317	11	50	601	10	339
1989	792	191	17	24	681	22	273

Таблица 2.5

Челябинская область

Год	На 1000 лиц данной национальности						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком народов СССР			не владеющих вторым языком народов СССР
	язык своей национальности	язык другой национальности		языком своей национальности	языком другой национальности		
		русский	другие		русским	другими	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население							
1959	939	60	1	...	...	...	...
1979	933	67	0	12	109	4	875
1989	929	69	2	10	110	4	876
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1979	1000	0	0	0	0	4	996
1989	1000	0	0	0	0	4	996
Татары							
1959	905	92	3	...	...	...	...
1979	777	221	2	59	704	1	236
1989	720	276	4	54	671	2	273

Продолжение табл. 2.5

1	2	3	4	5	6	7	8
Башкиры							
1959	950	35	15	...	...	...	...
1979	882	110	8	30	762	4	204
1989	843	147	10	26	751	4	219
Казахи							
1959	929	66	5	...	...	...	...
1979	871	123	6	30	778	5	187
1989	840	153	7	31	786	6	177
Украинцы							
1959	458	542	0	...	...	...	...
1979	358	642	0	121	326	1	552
1989	361	638	1	103	323	3	571
Белорусы							
1959	403	596	1	...	...	...	...
1979	332	666	2	100	311	5	584
1989	334	664	2	85	319	10	586
Чуваши							
1959	688	309	3	...	...	...	...
1979	526	472	2	101	503	8	388
1989	527	470	3	68	507	10	415
Немцы							
1959	562	436	2	...	...	...	...
1979	355	644	1	...	334	3	663
1989	331	668	1	...	314	6	680
Мордва							
1959	575	425	0	...	...	...	...
1979	548	451	1	99	523	2	376
1989	514	483	3	83	499	6	412
Евреи							
1959	151	846	3	...	...	...	...
1979	102	896	2	55	95	67	783
1989	101	894	5	34	93	56	817
Другие национальности							
1959	617	345	38	...	...	...	...
1979	547	439	14	59	500	18	423
1989	601	382	17	38	566	19	377
<i>Городское население</i>							
1959	925	74	1	...	...	...	...
1979	930	69	1	13	84	4	899
1989	929	70	1	10	87	4	899

Продолжение табл. 2.5

1	2	3	4	5	6	7	8
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1979	1000	0	0	0	0	3	997
1989	1000	0	0	0	0	3	997
Татары							
1959	876	123	1	...	...	...	...
1979	738	261	1	68	685	1	246
1989	687	311	2	61	649	2	288
Башкиры							
1959	878	90	32	...	...	...	...
1979	793	191	16	52	753	5	190
1989	764	221	15	39	728	5	228
Украинцы							
1959	446	554	0	...	...	...	...
1979	346	654	0	132	317	1	550
1989	359	640	1	110	322	2	566
Белорусы							
1959	371	628	1	...	...	...	...
1979	306	692	2	111	289	6	594
1989	323	676	1	88	309	11	592
Чуваши							
1959	691	308	1	...	...	...	...
1979	517	481	2	105	496	7	392
1989	522	476	2	69	501	10	420
Немцы							
1959	494	504	2	...	...	...	...
1979	326	673	1	...	307	4	689
1989	306	693	1	...	291	5	704
Казахи							
1959	843	126	31	...	...	...	...
1979	721	265	14	59	688	9	244
1989	723	267	10	40	690	10	260
Мордва							
1959	511	489	0	...	...	...	...
1979	490	509	1	110	469	2	419
1989	476	522	86	463	6	445	
Евреи							
1959	142	853	5	...	...	...	...
1979	102	895	3	56	95	67	782
1989	100	896	4	34	92	56	818

Продолжение табл. 2.5

1	2	3	4	5	6	7	8
Другие национальности							
1959	664	296	40	...	...	...	...
1979	538	449	13	61	492	19	428
1989	595	389	16	40	562	19	379
Сельское население							
1959	944	54	2	...	...	...	...
1979	943	55	2	9	219	5	767
1989	932	66	2	9	221	5	765
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1979	1000	0	0	1	0	5	994
1989	1000	0	0	0	0	5	995
Татары							
1959	934	61	5	...	...	...	...
1979	888	108	4	33	759	2	206
1989	826	166	8	35	739	2	224
Башкиры							
1959	977	18	5	...	...	...	...
1979	952	45	3	12	769	3	216
1989	927	68	5	13	776	2	209
Украинцы							
1959	454	545	1	...	...	...	...
1979	416	583	1	69	371	2	558
1989	371	628	1	70	331	3	596
Белорусы							
1959	417	582	1	...	...	...	...
1979	423	576	1	58	387	3	552
1989	380	617	3	71	361	6	562
Чуваши							
1959	645	349	6	...	...	...	...
1979	583	412	5	75	555	10	360
1989	560	426	14	60	555	10	375
Немцы							
1959	556	441	3	...	...	...	...
1979	473	526	1	...	441	2	557
1989	428	571	1	...	404	6	590
Казахи							
1959	944	50	6	...	...	...	...
1979	912	84	4	44	803	4	171
1989	884	110	6	27	822	4	147

Окончание табл. 2.5

1	2	3	4	5	6	7	8
Мордва							
1959	637	363	0	...	...	...	...
1979	691	308	1	74	656	1	269
1989	620	373	7	73	602	4	321
Евреи							
1959	122	868	10	...	...	...	...
1979	106	886	8	30	106	61	803
1989	220	764	16	16	220	24	740
Другие национальности							
1959	661	311	28	...	...	...	...
1979	601	379	20	47	544	11	398
1989	636	341	23	32	590	14	364

Таблица 2.6

Башкирская АССР

Год	На 1000 лиц данной национальности						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком народов СССР			не владеющих вторым языком народов СССР
	язык своей национальности	язык другой национальности		языком своей национальности	языком другой национальности		
		русский	другие		русским	другими	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население							
1959	870	36	94	...	...	...	...
1979	871	47	82	9	390	15	586
1989	894	58	48	10	440	14	536
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1979	999	0	1	0	0	12	988
1989	999	0	1	0	0	14	986
Татары							
1959	976	19	5	...	...	...	...
1979	942	54	4	15	727	3	255
1989	929	66	5	16	768	3	213

Продолжение табл. 2.6

1	2	3	4	5	6	7	8
Башкиры							
1959	576	10	414	...	...	...	...
1979	644	27	329	5	625	9	361
1989	747	46	207	8	739	10	243
Украинцы							
1959	488	510	2	...	...	...	...
1979	446	550	4	88	402	7	503
1989	411	586	3	88	344	12	556
Белорусы							
1959	229	768	3	...	...	...	...
1979	297	701	2	65	257	10	668
1989	264	733	3	64	246	19	671
Удмурты							
1959	950	19	31	...	...	...	...
1979	933	39	28	7	499	211	283
1989	900	68	32	9	577	183	231
Чуваши							
1959	921	67	12	...	...	...	...
1979	868	122	10	24	657	60	259
1989	827	163	10	24	704	41	231
Немцы							
1959	601	395	4	...	...	...	...
1979	494	503	3	...	462	9	529
1989	469	527	4	...	439	17	544
Марийцы							
1959	977	17	6	...	...	...	...
1979	940	54	6	10	590	108	292
1989	912	80	8	13	685	86	216
Мордва							
1959	726	272	2	...	...	...	...
1979	709	290	1	71	647	6	276
1989	669	328	3	60	635	9	296
Другие национальности							
1959	686	244	70	...	...	...	...
1979	464	471	65	38	430	45	487
1989	497	439	64	31	462	51	456
<i>Городское население</i>							
1959	918	63	19	...	...	...	...
1979	912	68	20	13	334	9	644
1989	895	78	27	14	372	10	604

Продолжение табл. 2.6

1	2	3	4	5	6	7	8
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1979	1000	0	0	0	0	9	991
1989	999	0	1	0	0	11	989
Татары							
1959	948	50	2	...	...	...	...
1979	913	85	2	23	817	3	157
1989	894	103	3	24	815	3	158
Башкиры							
1959	729	49	222	...	...	...	...
1979	764	82	154	15	807	17	161
1989	733	96	171	16	811	16	157
Украинцы							
1959	396	604	0	...	...	...	...
1979	401	599	0	104	374	6	516
1989	381	617	2	95	324	10	571
Белорусы							
1959	236	762	2	...	...	...	...
1979	294	704	2	77	276	10	637
1989	268	730	2	71	250	19	660
Удмурты							
1959	787	185	28	...	...	...	...
1979	777	187	36	35	689	64	212
1989	755	212	33	26	701	54	219
Чуваши							
1959	760	232	8	...	...	...	...
1979	728	265	7	47	680	22	251
1989	708	285	7	42	668	22	268
Немцы							
1959	465	535	0	...	...	...	...
1979	406	592	2	...	393	8	599
1989	354	642	4	...	337	20	643
Марийцы							
1959	838	148	14	...	...	...	...
1979	798	194	8	33	727	29	211
1989	798	194	8	29	744	25	202
Мордва							
1959	535	464	1	...	...	...	...
1979	591	408	1	85	565	6	344
1989	573	425	2	74	549	9	368

Продолжение табл. 2.6

1	2	3	4	5	6	7	8
Другие национальности							
1959	762	203	35	...	...	...	...
1979	390	573	37	44	381	44	531
1989	461	498	41	34	426	46	494
Сельское население							
1959	832	26	142	...	...	...	...
1979	817	18	165	4	463	22	511
1989	892	22	86	5	561	20	414
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1979	998	0	2	1	0	22	977
1989	997	0	3	2	0	28	970
Татары							
1959	985	10	5	...	...	...	...
1979	978	16	6	6	617	3	374
1989	977	16	7	4	703	4	289
Башкиры							
1959	539	8	453	...	...	...	...
1979	597	5	398	2	553	6	439
1989	758	10	232	3	686	5	306
Украинцы							
1959	532	466	2	...	...	...	...
1979	581	403	16	41	485	12	462
1989	540	453	7	56	435	21	488
Белорусы							
1959	182	816	2	...	...	...	...
1979	304	690	6	28	198	12	762
1989	248	745	7	33	230	18	719
Удмурты							
1959	959	11	30	...	...	...	...
1979	965	9	26	1	460	241	298
1989	952	16	32	3	533	229	235
Чуваши							
1959	942	48	10	...	...	...	...
1979	940	48	12	11	644	82	263
1989	920	66	14	10	733	56	201
Немцы							
1959	738	253	9	...	...	...	...
1979	734	261	5	...	647	13	340
1989	773	221	6	...	708	10	282

Окончание табл. 2.6

1	2	3	4	5	6	7	8
Марийцы							
1959	984	11	5	...	...	...	...
1979	980	15	5	3	551	132	314
1989	969	24	7	5	655	117	223
Мордва							
1959	809	189	2	...	...	...	...
1979	837	162	1	55	736	7	202
1989	829	168	3	36	778	10	176
Другие национальности							
1959	677	216	107	...	...	...	...
1979	686	166	148	19	576	49	356
1989	644	202	154	20	606	69	305

Таблица 2.7

Удмуртская АССР

Год	На 1000 лиц данной национальности						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком народов СССР			не владеющих вторым языком народов СССР
	язык своей национальности	язык другой национальности		языком своей национальности	языком другой национальности		
		русский	другие		русским	другими	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население							
1959	964	35	1	...	...	...	...
1979	923	76	1	16	294	12	678
1989	897	101	1	20	277	13	690
Русские							
1959	999	0	1	...	...	...	...
1979	1000	0	0	0	0	17	983
1989	999	0	0	1	0	19	981
Татары							
1959	947	52	1	...	...	...	...
1979	870	130	0	34	768	13	185
1989	815	184	1	42	740	11	207

Продолжение табл. 2.7

1	2	3	4	5	6	7	8
Башкиры							
1959	605	96	299	...	...	...	...
1979	649	173	178	43	756	29	172
1989	575	226	198	35	718	40	207
Украинцы							
1959	499	499	2	...	...	...	...
1979	472	527	1	142	457	6	395
1989	466	531	3	128	374	9	489
Белорусы							
1959	353	644	3	...	...	...	...
1979	356	643	1	126	346	13	515
1989	337	662	1	124	318	19	539
Удмурты							
1959	932	68	0	...	...	...	...
1979	823	177	0	36	706	1	257
1989	757	243	0	45	676	2	277
Чуваши							
1959	767	230	3	...	...	...	...
1979	647	353	0	86	615	12	287
1989	579	415	6	92	562	12	334
Немцы							
1959	784	214	2	...	...	...	...
1979	527	471	2	...	507	9	484
1989	427	570	3	...	415	9	576
Марийцы							
1959	945	54	1	...	...	...	...
1979	863	136	1	31	712	12	241
1989	786	211	3	41	701	9	246
Другие национальности							
1959	642	346	12	...	...	...	...
1979	608	377	15	40	569	31	360
1989	614	367	19	46	537	30	387
<i>Городское население</i>							
1959	939	60	1	...	...	...	...
1979	910	89	1	18	200	7	775
1989	889	110	1	20	196	8	776
Русские							
1959	1000	0	0	...	...	...	...
1979	1000	0	0	0	0	9	991
1989	1000	0	0	0	0	12	988

Продолжение табл. 2.7

1	2	3	4	5	6	7	8
Татары							
1959	937	61	2	...	...	...	...
1979	863	137	0	37	781	3	179
1989	808	191	1	44	748	4	204
Башкиры							
1959	590	103	307	...	...	...	...
1979	652	169	179	45	764	30	161
1989	575	225	200	36	720	43	201
Украинцы							
1959	443	556	1	...	...	...	...
1979	465	534	1	145	450	4	401
1989	454	544	2	133	372	7	488
Белорусы							
1959	307	689	4	...	...	...	...
1979	354	646	0	127	343	11	519
1989	337	663	0	124	318	16	542
Удмурты							
1959	746	254	0	...	...	...	...
1979	662	338	0	64	620	1	315
1989	610	390	0	67	579	1	353
Чуваши							
1959	629	370	1	...	...	...	...
1979	570	429	1	102	544	10	342
1989	526	471	3	107	511	9	373
Немцы							
1959	706	293	1	...	...	...	...
1979	542	457	1	...	522	8	469
1989	443	554	3	...	431	8	561
Марийцы							
1959	726	269	5	...	...	...	...
1979	701	299	0	73	671	10	244
1989	645	350	30	71	626	9	291
Другие национальности							
1959	636	357	7	...	...	...	...
1979	603	382	15	38	568	31	363
1989	599	383	18	47	524	31	398
<i>Сельское население</i>							
1959	971	28	1	...	...	...	...
1979	947	52	1	12	474	20	494
1989	916	82	2	19	466	2	494

Окончание табл. 2.7

1	2	3	4	5	6	7	8
Русские							
1959	999	0	1	...	...	...	...
1979	998	0	2	1	0	45	954
1989	997	0	3	2	0	49	949
Татары							
1959	935	61	4	...	...	...	...
1979	906	92	2	20	699	65	216
1989	852	145	3	29	694	57	220
Башкиры							
1959	696	120	184	...	...	...	...
1979	627	206	167	27	697	24	252
1989	574	237	189	29	706	25	240
Украинцы							
1959	614	384	2	...	...	...	...
1979	520	475	5	122	508	16	354
1989	542	448	10	95	388	22	495
Белорусы							
1959	430	570	0	...	...	...	...
1979	373	620	7	120	365	29	486
1989	334	657	9	132	311	46	511
Удмурты							
1959	957	43	0	...	...	...	...
1979	921	79	0	18	758	2	222
1989	876	124	0	28	754	2	216
Чуваши							
1959	832	168	0	...	...	...	...
1979	795	204	1	56	753	12	179
1989	696	291	13	60	674	18	248
Немцы							
1959	758	241	1	...	...	...	...
1979	326	663	11	...	310	5	685
1989	257	739	4	...	248	13	739
Марийцы							
1959	965	34	1	...	...	...	...
1979	940	60	0	12	731	18	239
1989	878	119	3	21	750	12	217
Другие национальности							
1959	821	170	9	...	...	...	...
1979	644	336	20	59	577	29	335
1989	685	292	23	38	596	31	335

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Распределение занятого населения Уральского региона по уровню образования и по отраслям народного хозяйства

Таблица 3.1

Распределение занятого населения отдельных национальностей
по уровню образования в 1970–1989 гг.,
относительные данные на 1000 чел.¹

Год	Из 1000 занятых лиц данной национальности имеют образование					
	высшее	среднее специ- альное	незакон- ченное высшее	среднее общее	непол- ное среднее	на- чальное
1	2	3	4	5	6	7
Русские						
1970	46	89	7	67	235	289
1979	84	168	9	254	310	151
1989	121	241	11	357	196	65
Татары						
1970	17	36	4	47	262	336
1979	36	103	6	268	349	196
1989	67	196	9	398	224	90
Украинцы						
1970	78	119	11	82	256	272
1979	135	188	12	250	263	127
1989	180	248	15	313	173	61
Башкиры						
1970	22	35	5	69	297	333
1979	33	89	6	318	363	160
1989	59	195	8	440	211	70
Немцы						
1970	29	60	8	52	211	443
1979	61	149	11	256	290	191
1989	98	230	10	360	194	89

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3031, 3034, 3036, 3038, 3042, 3044, 3048, 7176, 7181, 7182, 7184, 7187, 7188, 7195; Архив Свердлов. обл. ком. гос. статистики. Переписи 1970, 1979, 1989 гг. Табл. 32с «Распределение занятого населения отдельных национальностей по уровню образования».

Окончание табл. 3.1

1	2	3	4	5	6	7
Евреи						
1970	379	162	29	140	130	101
1979	453	173	24	132	110	75
1989	584	184	17	103	67	34

Таблица 3.2

Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства, % к общей численности населения данных национальных групп¹

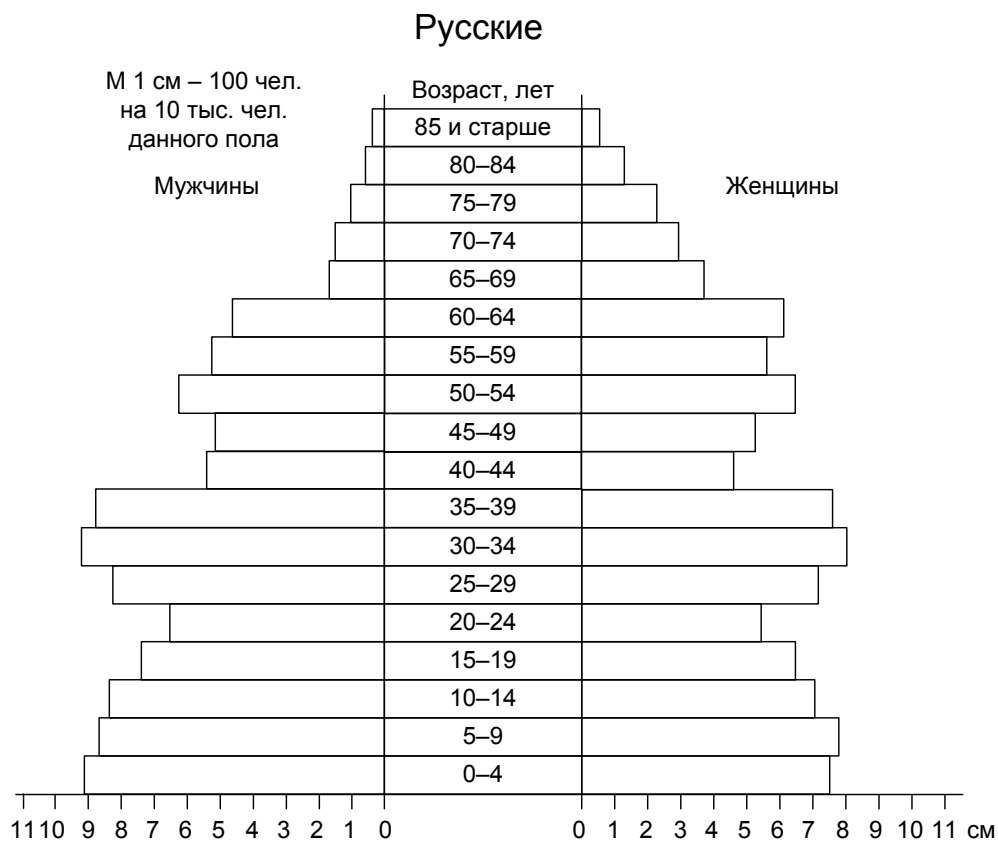
Отрасли народного хозяйства	Русские	Украинцы	Татары
1	2	3	4
Все отрасли народного хозяйства	100,0	100,0	100,0
В том числе:			
промышленность	44,7	41,4	45,6
сельское хозяйство	6,4	4,1	8,7
лесное хозяйство	0,7	1,0	0,7
транспорт	6,7	7,2	6,3
связь	0,9	0,9	0,8
строительство	7,6	9,1	8,7
торговля и общественное питание	6,6	5,5	7,4
материально-техническое снабжение и сбыт	0,5	0,5	0,4
заготовки	0,1	0,0	0,1
информационно-вычислительное обслуживание	0,2	0,2	0,1
прочие отрасли материального производства	0,4	0,6	0,4
жилищно-коммунальное хозяйство	2,1	2,5	2,3
бытовое обслуживание населения	1,0	0,8	0,9
здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	4,8	4,9	4,2
народное образование	7,8	7,0	6,1

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5523, 5524, 5525, 7437, 7438, 7439, 7440, 7441, 7442; Архив Свердлов. обл. ком. гос. статистики. Перепись 1989 г. Табл. 35в «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства. Свердловская область». Л. 3.

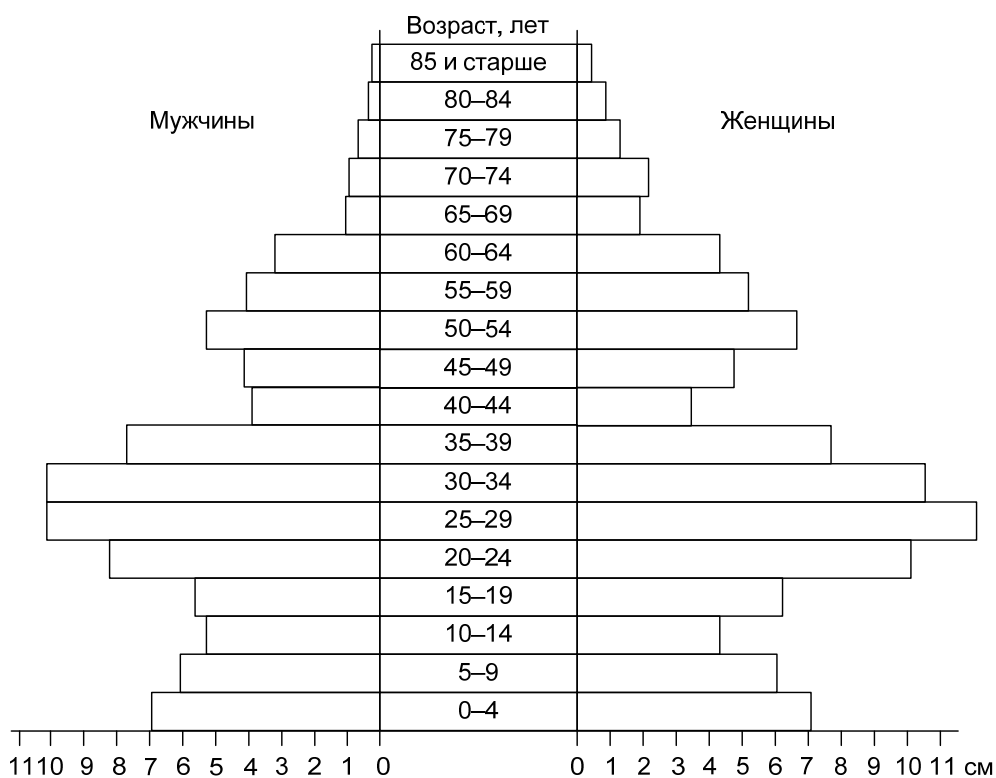
Окончание табл. 3.2

1	2	3	4
культура и искусство	1,0	1,0	0,8
наука и научное обслуживание	3,0	3,5	1,9
кредитование и государственное страхование	0,5	0,3	0,3
управление	3,5	7,3	2,7
партийные и общественные организации	0,4	0,4	0,1
нераспределенные по отраслям и неточно указавшие отрасль народного хозяйства	0,7	0,9	0,7

**Половозрастные пирамиды
наиболее многочисленных этносов Среднего Урала
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)**

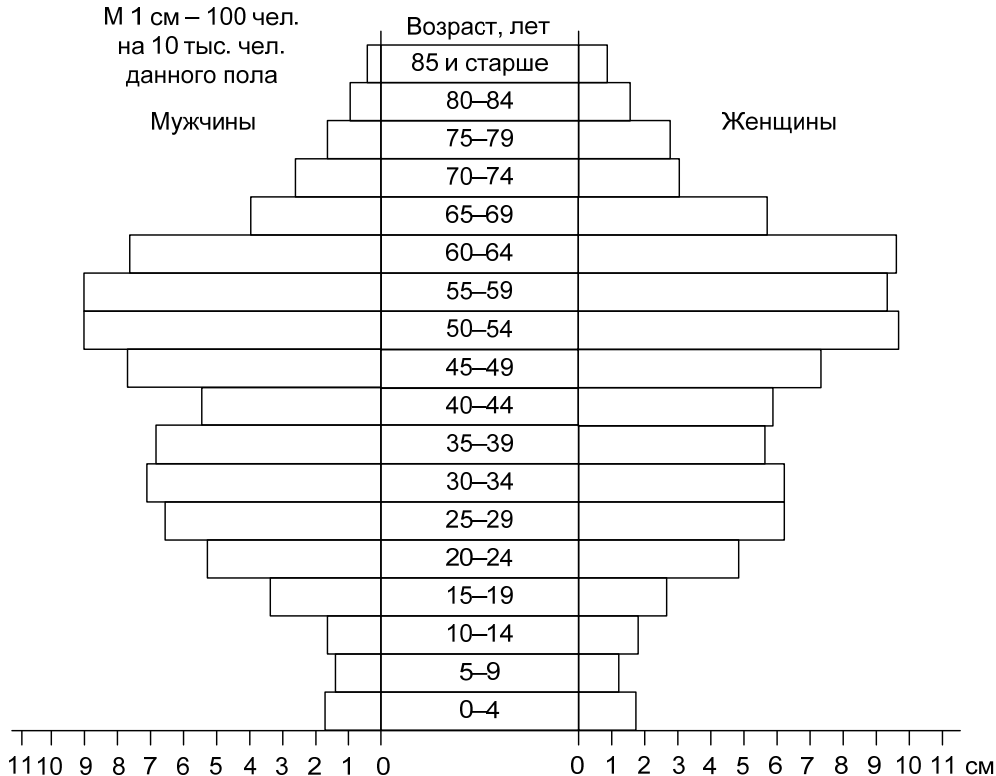

Башкиры

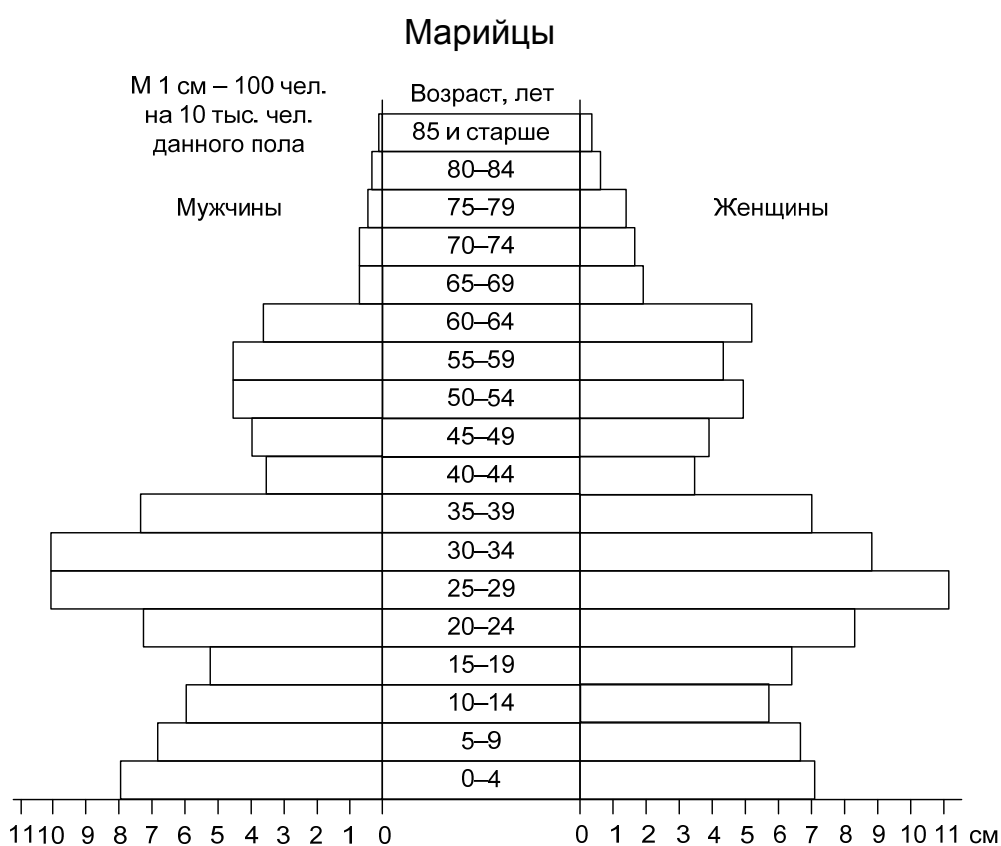
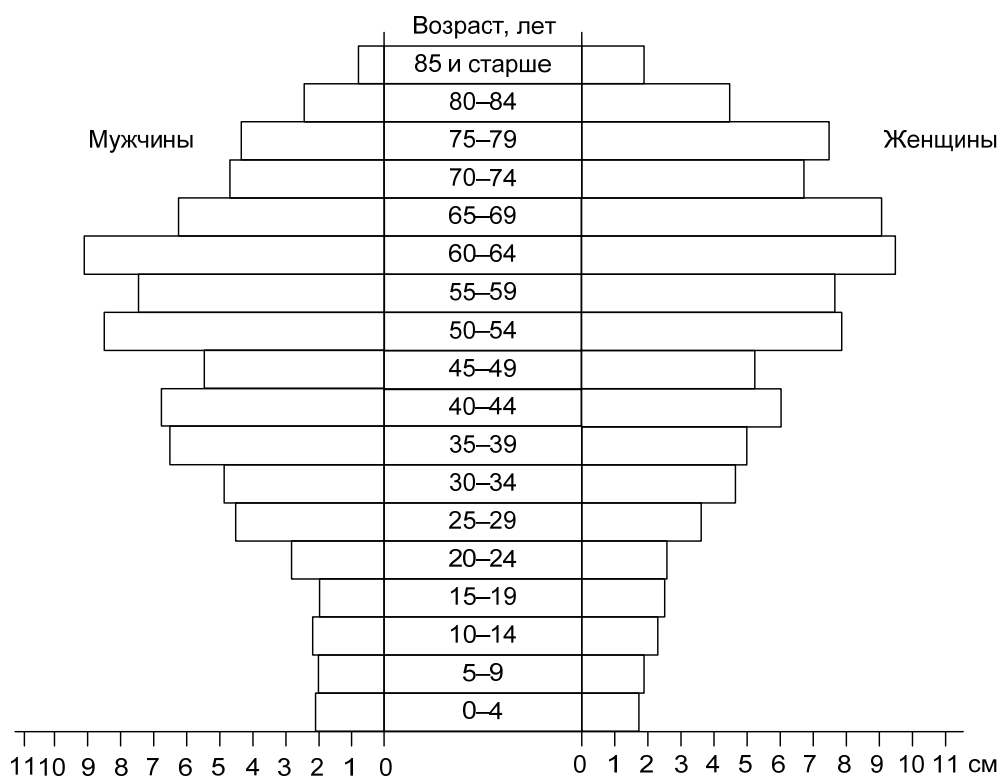

Белорусы

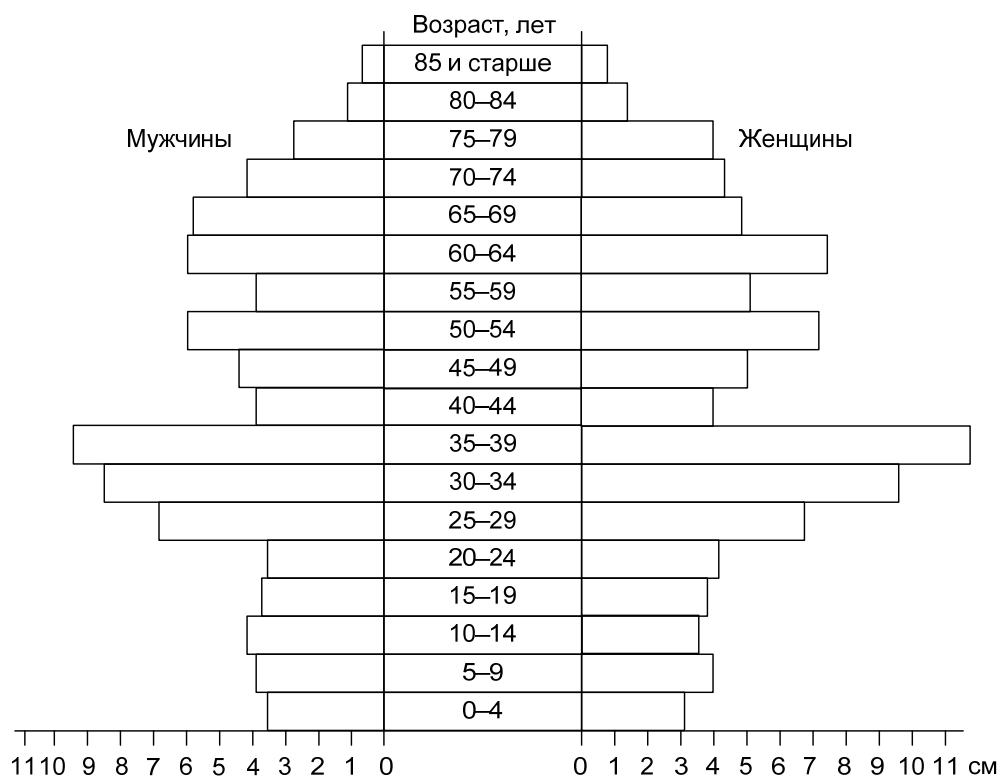
М 1 см – 100 чел.
на 10 тыс. чел.
данного пола

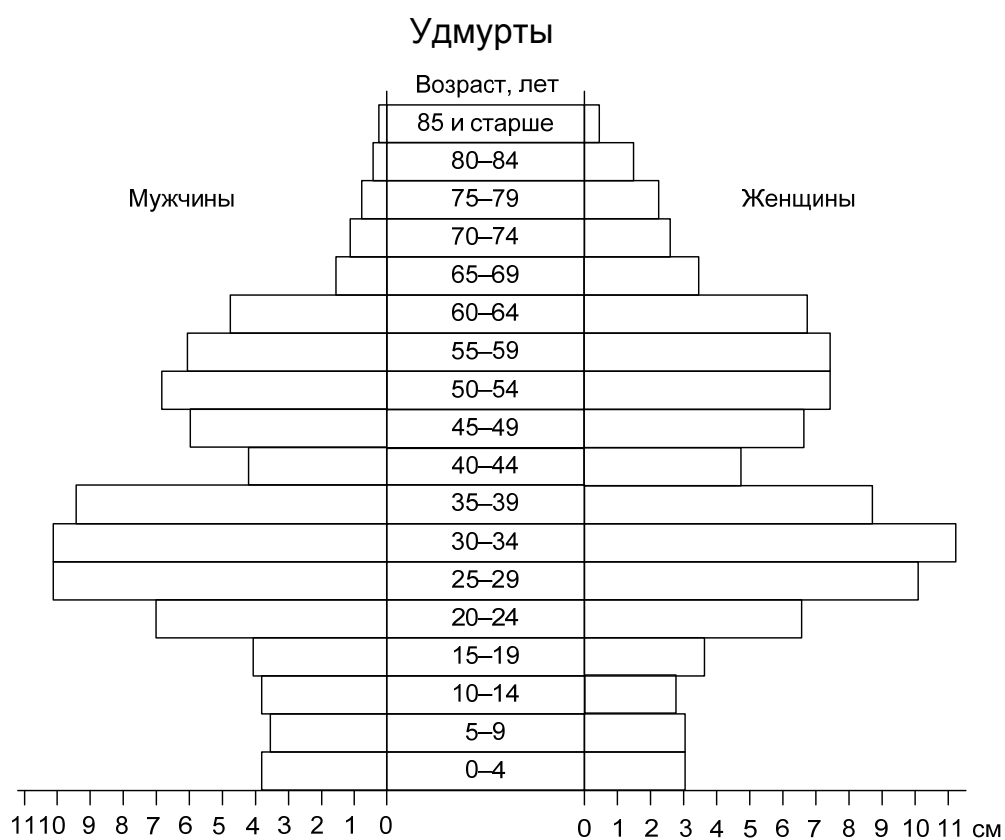
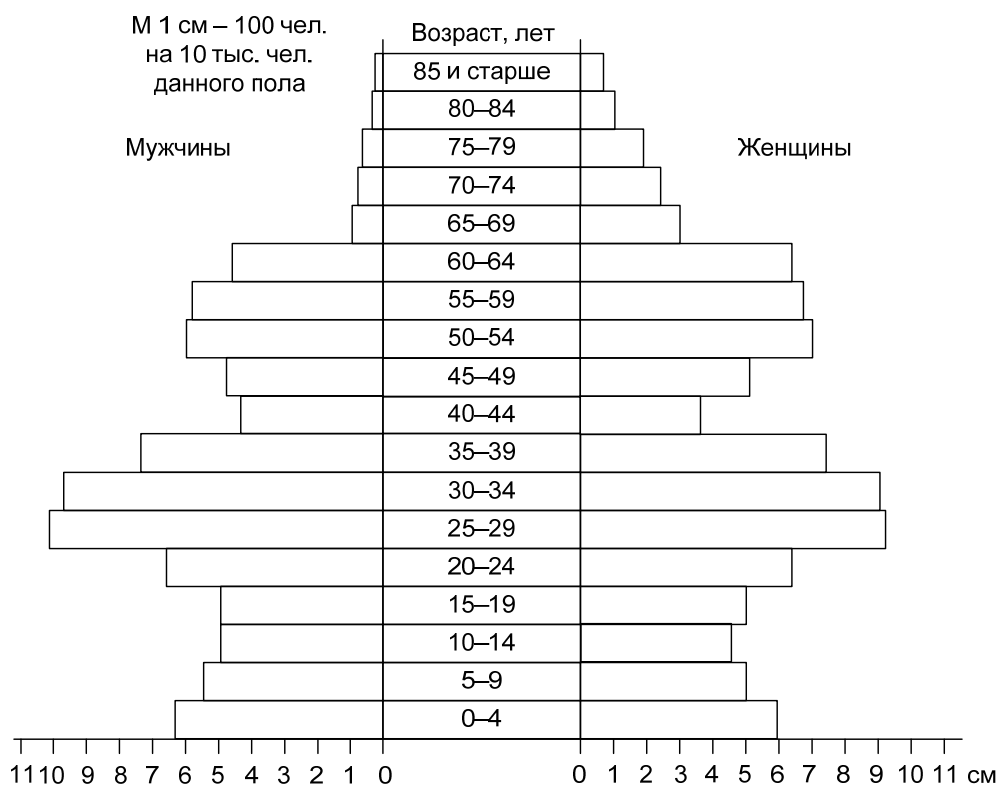
Евреи

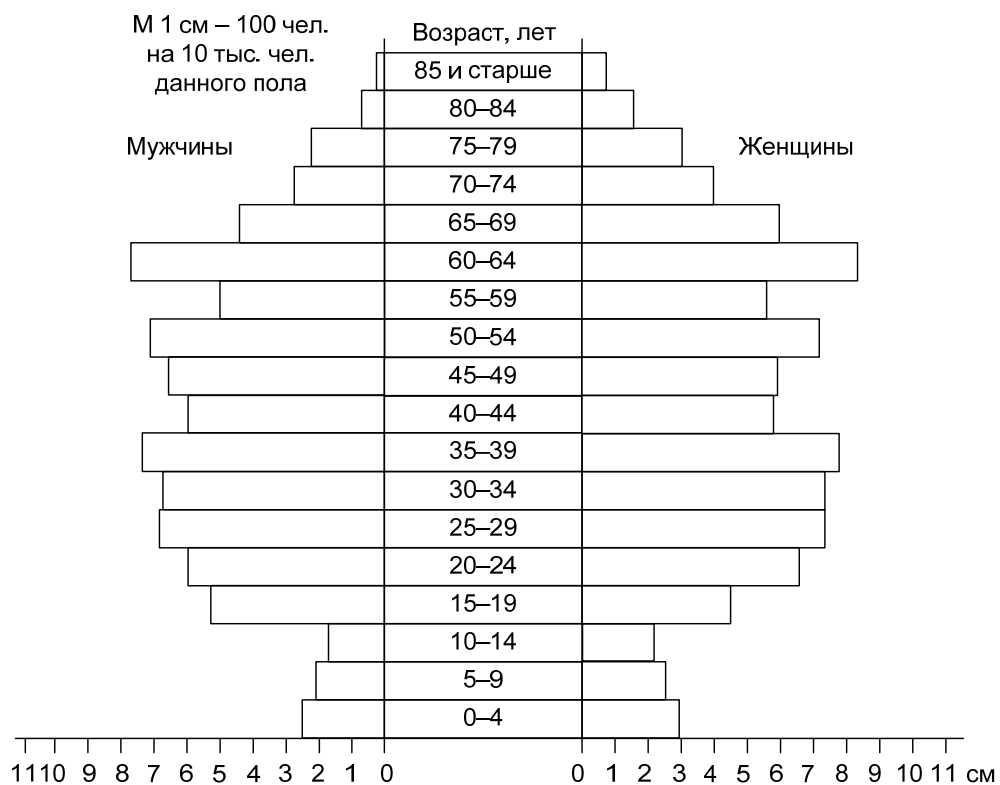
Немцы

Татары

Украинцы

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Этнический состав Уральского региона в 1959–2002 гг. и проблемы этнокультурной ориентации этносов	33
1.1. Этнический состав Урала в 1959–2002 гг.....	33
1.2. Национальная политика и этноязыковые процессы в регионе	46
1.3. Уровень образования и социальный состав населения основных этносов Уральского региона	72
Глава 2. Этнические аспекты естественного движения населения Уральского региона во второй половине XX в. и проблема этнически смешанных браков	83
2.1. Половозрастная структура основных этносов	83
2.2. Этнические аспекты воспроизводства населения.....	95
2.3. Этнически смешанные браки.....	113
Глава 3. Этнические аспекты миграционного движения населения Уральского региона.....	129
3.1. Миграционные процессы в конце 1950-х – 1980-е гг.....	129
3.2. Миграционные процессы в конце 1980-х – 1990-е гг.....	140
Заключение	155
Библиографический список.....	160
Приложение 1. Динамика численности и удельного веса наиболее многочисленных национальностей областей и республик Уральского региона (по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг.)	208
Приложение 2. Распределение численности наиболее многочисленных национальностей областей и республик Уральского региона по родному и второму языку народов СССР, которым свободно владеет население (относительные данные на 1000 чел.).....	216
Приложение 3. Распределение занятого населения Уральского региона по уровню образования и по отраслям народного хозяйства	248
Приложение 4. Половозрастные пирамиды наиболее многочисленных этносов Среднего Урала (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.).....	251

Научное издание

Сумачева Марина Владимировна

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Монография

Редактор Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 15.12.09. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов. Усл. печ. л. 17,1. Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 300 экз. Заказ № _____.
Издательство ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
